

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Методика Закона Божия

Изд. 3

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

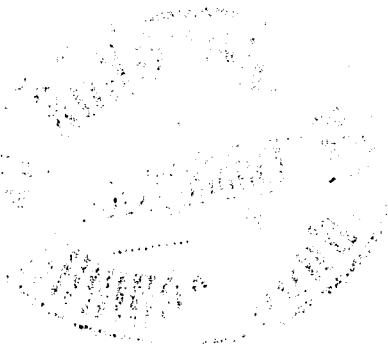
Киев
2012

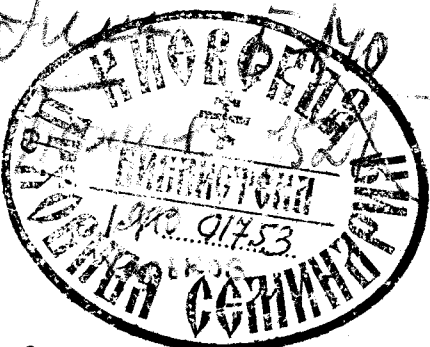
МЕТОДИКА ЗАКОНА БОЖИЯ.

ИЗДАНИЕ 3

ХАРЬКОВ, 1910

Методика
 Закон Божий
 4.7.
 11.7.2

Предисловіе къ 3-му изданію.

Выпуская въ свѣтъ 3-мъ изданіемъ настоящее руководство по методикѣ Закона Божія, мы вполне удовлетворены, что положенная въ основу его программа проф. Харьковскаго университета прот. Т. И. Буткевича, которой онъ руководствовался свыше 20 лѣтъ при преподаваніи Закона Божія въ VIII кл. женскихъ гимназій, нашла для себя полное подтвержденіе какъ во взглядѣ Св. Синода и созваннаго имъ въ 1909 году Всероссийскаго съѣзда законоучителей свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеній, такъ и въ отзывахъ литературной критики („Мисс. Обзор.“, „Народн. Образ.“, „Паломн.“ и др.) и многихъ законоучителей, пользовавшихся нашимъ руководствомъ въ качествѣ учебника.

Въ объяснительной запискѣ, приложенной къ программѣ по Закону Божію въ 8-мъ классѣ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденной Святейшимъ Синодомъ 2-го октября 1898 года, говорится: „По утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія программамъ женскихъ гимназій, общеобразовательный учебный курсъ ихъ по всѣмъ предметамъ, въ томъ числѣ и по Закону Божію, оканчивается 7-мъ классомъ; поэтому въ этомъ классѣ по Закону Божію и полагается повтореніе всего пройденнаго раньше. 8-й же классъ женскихъ гимназій, какъ классъ дополнительный, имѣетъ своею цѣлью подготовить окончившихъ общеобразовательный курсъ гимназій къ педагогической дѣятельности; поэтому онъ не считается общеобязательнымъ, а предназначенъ лишь для желающихъ.“

Отсюда само-собою понятно прежде всего, что въ курсъ Закона Божія 8-го класса женскихъ гимназій непременно должна войти методика Закона Божія. Но въ виду того, что ученицамъ 8-го класса, какъ будущимъ учительницамъ, или гувернанткамъ, или даже матерямъ, придется вѣдать первоначальное, до-школьное религіозно-нравственное воспитаніе и образованіе, и въ послѣдующее школьное время заниматься лишь репетированіемъ уроковъ по Закону Божію, всегда находящихся въ вѣдѣніи о.о. законоучителей,—курсъ методики Закона Божія въ 8-мъ классѣ женскихъ гимназій долженъ быть преподаваемъ не въ полномъ его объемѣ, а лишь въ общей его части, касающейся преимущественно первоначальнаго религіозно-нравственнаго воспитанія“.

Соответственно этому Всероссийский съезд законоучителей средне-учебныхъ заведеній по тому же вопросу единогласно высказалъ: „Имѣя въ виду чисто педагогическій характеръ 8-го класса женскихъ гимназій и цѣль его—выпускать учительницъ и то, что многія изъ нихъ будутъ матерями, признано необходимымъ въ 8-мъ классѣ курсъ методики Закона Божія сохранить, но съ прибавкой: дать ученицамъ право приложить свои педагогическія знанія на дѣль, путемъ веденія практическихъ уроковъ по Закону Божію съ подругами младшихъ классовъ, но съ оговоркой—не дѣлать изъ этого обязательства. Въ случаѣ, если въ 8-мъ классѣ найдется свободное время, хотя трудно предположить возможности такового, дается совѣтъ законоучителямъ посвящать его чтенію Слова Божія, выбирая изъ него мѣста по собственному усмотрѣнію или при помощи указателя“. (Жур. и проток. засѣданій Всерос. съезда закон., стр. 155—160).

Отмѣтимъ при этомъ также и то, что и новыя программы педагогическихъ классовъ женскихъ епархіальныхъ училищъ, утвержденныя Св. Синодомъ, въ существенныхъ своихъ частяхъ сходны съ программой нашего руководства, отличаясь отъ него лишь своимъ расположеніемъ учебнаго матеріала.

Все это было причиною того, что наше скромное изданіе получило быстрое распространеніе въ качествѣ учебнаго руководства въ VIII кл. женскихъ гимназій Мин. Нар. Просвѣщенія, въ педагогическихъ классахъ женскихъ епархіальныхъ училищъ, а также въ нѣкоторыхъ специальныхъ педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ настоящемъ 3-мъ изданіи, значительно измѣненномъ, мы постарались устранить всѣ отмѣченные литературною критикою недостатки, сокративъ или дополнивъ нѣкоторые отдѣлы книги въ цѣляхъ наибольшаго соответствія ей смыслу утвержденной Св. Синодомъ программы и наилучшаго примѣненія ея къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства.

Составитель.

Харьковъ.

1-го Августа, 1910 года.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Понятіе о методикѣ Закона Божія.

Методика Закона Божія есть наука, систематически излагающая *основныя начала* или принципы религіозно-нравственнаго воспитанія вообще и преподаванія предметовъ Закона Божія въ частности.

По своему *содержанію* методика Закона Божія дѣлится на двѣ части: *общую* или теоретическую и *частную* или практическую. Методика общая, теоретическая, знакомитъ съ тѣми основными взглядами на религіозно-нравственное воспитаніе и обученіе, какіе были выработаны трудами выдающихся педагоговъ и лучшихъ христіанскихъ писателей; но она даетъ лишь общія руководящія указанія для воспитателей и преподавателей Закона Божія, а именно: ученіе объ общихъ началахъ религіозно-нравственнаго воспитанія—христіанскихъ, психологическихъ и національныхъ, ученіе о средствахъ религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія, о методахъ преподаванія, формахъ обученія, системахъ расположенія учебнаго матеріала. Методика частная или практическая излагаетъ уже въ частности самые способы и приемы преподаванія каждаго отдѣльнаго предмета Закона Божія, т. е., молитвъ, священнои исторіи Ветхаго и Новаго Завета, катихизиса, ученія о Богослуженіи и исторіи христіанской церкви.

Связь методики Закона Божія съ сродными ей науками.

Методика Закона Божія, понимаемая какъ наука объ основныхъ началахъ религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія, тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ *общей ди-*

икт. Въ общей дидактикѣ излагаются основныя правила и методы ученія вообще. Примѣненіе ихъ имѣетъ мѣсто и обученіи каждому учебному предмету. Въ методикѣ же Закона Божія излагаются лишь тѣ правила, приемы и требованія, которыя необходимы при разумномъ преподаваніи Закона Божія.

Затѣмъ въ тѣсной связи стоитъ она съ *психологіей* и *этикой*. Объясняя законы развитія человѣческаго духа, психологія указываетъ воспитателю необходимыя естественныя условія для достиженія его цѣли и научаеъ его тому, какъ надо пользоваться средствами религіознаго воспитанія и обученія въ дѣлѣ духовнаго развитія дитяти.

Но психологія знакомитъ педагога съ природой человѣка только въ ея настоящемъ состояніи и не даетъ ему понятія о томъ, какую она должна быть въ своемъ идеальномъ состояніи. Поэтому важное значеніе для методики Закона Божія имѣетъ наука, изображающая природу человѣка въ ея состояніи, неповрежденномъ первороднымъ грѣхомъ и указывающая ему истинный путь для достиженія наивысшаго идеала; такая наука есть христіанская *этика* или *ученіе о нравственности*.

Изученіе основныхъ свойствъ и силъ духовной природы человѣка, съ цѣлью полнѣе и правильнѣе пользоваться ими при воспитаніи дитяти, составляетъ также весьма важную задачу въ смыслѣ разрѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ относительно правильной постановки религіозно-нравственнаго воспитанія. А такъ какъ рѣшеніемъ этой задачи занимается наука, извѣстная подъ именемъ *педагогики*, то и ее нужно признать важнымъ пособіемъ методики Закона Божія.

Взгляды новѣйшихъ ученыхъ педагоговъ на сущность и главную цѣль воспитанія

Вопросъ о сущности и цѣли воспитанія является главнѣйшимъ вопросомъ педагогики. Только тогда, когда рѣшенъ вопросъ о сущности и цѣли воспитанія, можно разсуждать о средствахъ его и опредѣлить тотъ путь, которымъ долженъ идти воспитатель къ намѣченной цѣли. Но не смотря на всю важность этого вопроса, въ рѣшеніи его мы встрѣчаемъ большое разногласіе между педагогами.

1. Одни педагоги (эвдемонисты, Кампе) цѣль воспитанія полагаютъ въ *счастіи*: воспитаніе, говорятъ они, должно сдѣлать человѣка, насколько возможно, счастливымъ. Это опредѣленіе цѣли вос-

питанія отчасти вѣрно, такъ какъ оно указываетъ на нѣчто такое что желательно для каждаго и къ чему каждый стремится. Но въ указаніи на эту цѣль есть и трудность, заключающаяся въ пониманіи счастія. Извѣстно, что у каждаго человѣка свое понятіе о счастіи: что одинъ считаетъ счастіемъ, то другому можетъ казаться только безразличнымъ, а иногда даже несчастіемъ. Счастіе понимается различно въ зависимости отъ возраста, пола, темперамента, характера, положенія, степени образованія, религіозныхъ убѣжденій, имущественнаго состоянія и т. д., и обуславливается многими обстоятельствами, съ измѣненіемъ которыхъ измѣняется и самое пониманіе его. Эта цѣль была бы указана вѣрно въ томъ только случаѣ, если подъ счастіемъ разумѣть наивысшее блаженство человѣка въ загробномъ мірѣ и полное спокойствіе его совѣсти здѣсь, на землѣ, какъ учитъ о счастіи Божественное Откровеніе.

2. По ученію другихъ педагоговъ (утилитаристовъ), цѣлью воспитанія поставляется *польза* или *выгода*, первоначально личная, а потомъ и общая. Но не трудно видѣть, что понятіе пользы, какъ и понятіе счастія, не даетъ точнаго представленія о своемъ содержаніи. Подъ полезнымъ принято вообще разумѣть только матеріальныя выгоды и внѣшнія удобства жизни, что ведетъ человѣка къ порабощенію страсти своекорыстія, а самую науку обращаетъ въ ремесло. Родители отдають дѣтей въ школу и дѣти учатся въ ней не для приобрѣтенія знаній и достиженія умственнаго развитія, а лишь для полученія дипломовъ, гарантирующихъ болѣе легкій трудъ и болѣе выгодныя условія внѣшней жизни по выходѣ изъ школы. Иное дѣло, если подъ пользою будемъ разумѣть то, на что указываетъ намъ Божественное Откровеніе (притча о Неразумномъ Богачѣ), а именно: постиженіе высшей истины и нравственное самоусовершенствованіе человѣка. Поэтому цѣль воспитанія, указываемая утилитаристами, можетъ быть признана истинною и высокою въ томъ только случаѣ, если подъ пользою имѣть въ виду душевное развитіе, необходимое человѣку для достиженія его высшаго предназначенія, возвѣщеннаго Іисусомъ Христомъ.

3. Третьи педагоги цѣлью воспитанія ставятъ *гуманность*, человѣчность (Шварцъ), требуя, чтобы оно приближало человѣка къ идеалу благородной, нравственно-прекрасной личности. Но понятіе гуманности также неопредѣленно и обще. Въ понятіе гуманности каждый вноситъ свое содержаніе, сообразно съ своими взглядами и убѣжденіями. Подъ гуманностію нѣкоторые разумѣютъ даже то, что выражено въ словахъ Терренція: *„я человекъ и ничто человеческое мнѣ не чуждо“*. Изреченіе это запрещаетъ намъ считать что-либо человеческое чуждымъ для нашего собственнаго сердца. Если мы любимъ и уважаемъ высокія добродѣтели другихъ, то должны быть равнодушны и къ ихъ слабостямъ и порокамъ, потому что ничто человеческое намъ не чуждо. На этомъ основаніи въ воспитаніи, напримеръ, исключается строгость, дисциплина, твердый и опредѣленный порядокъ. Очевидно, такая гуманность ведетъ къ излишней снисходительности воспитателя, къ распушенности и разнузданности всѣхъ чувственныхъ инстинктовъ человѣка.

4. Многие выдающиеся педагоги утверждают, что воспитание должно быть *сообразно с природой человека*, как существа чувственно-разумного и свободного (Кругъ, Песталоцци). Въ самомъ дѣлѣ дѣятельность воспитателя, подобно дѣятельности врача, только тогда можетъ дать хорошіе результаты, когда она будетъ соответствовать требованіямъ природы. Природа только тогда повинуется человѣку, когда человѣкъ самъ прежде научился повиноваться ей. Поэтому не въ борьбѣ съ ней, а въ союзѣ и согласіи становится могущественнымъ и истинно-плодотворнымъ искусство воспитания. Но слабая сторона принципа природосообразности заключается въ томъ, что имъ совсемъ не опредѣляется, какъ-же нужно понимать и представлять ту нормальную человѣческую природу, сообразно которой должно вести воспитаніе.

5. Некоторые педагоги полагаютъ, что цѣль воспитанія должна заключаться въ *гармоническомъ и равномѣрномъ развитіи человѣческихъ силъ* (Штейнъ). Истинный педагогъ, имѣющій такой взглядъ на воспитаніе, не станетъ заботиться о чрезмѣрномъ развитіи ума въ ущербъ другимъ способностямъ души, предупреждая тѣмъ дурныя послѣдствія, происходящія въ жизни человѣка съ гордымъ, самонадѣяннымъ разсудкомъ, но холоднымъ сердцемъ и испорченнымъ характеромъ; не будетъ онъ также сосредоточивать своего вниманія исключительно на развитіи сердечныхъ чувствованій, зная, что такія чувствованія, не озаряемая свѣтомъ разума, приводятъ человѣка ко всякимъ крайностямъ; не будетъ въ пренебреженіи у такого воспитателя и физическая сторона питомца. Напротивъ, такое воспитаніе будетъ обнимать собою всю природу человѣка въ равномѣрномъ развитіи всѣхъ физическихъ и духовныхъ ея силъ. Но обобщая приведенное опредѣленіе цѣли воспитанія, мы должны сказать, что здѣсь указывается не столько самая цѣль воспитанія, сколько формальная сторона его; этотъ принципъ нисколько не уясняетъ намъ, для чего же, съ какимъ намѣреніемъ мы должны воспитывать человѣка: для дѣятельности ли на землѣ, или для счастья и блаженства на небѣ, сообразно ли съ временемъ или нѣтъ... А при такомъ принципѣ можетъ быть вложено въ дѣло воспитанія какое угодно содержаніе.

6. Наконецъ, есть педагоги, утверждающіе, что цѣлью воспитанія должна служить *самодѣятельность, направленная на служеніе истинѣ, добру и красотѣ, сообразно съ которыми должна устрояться жизнь человѣка* (Дистервегъ). Эта цѣль воспитанія представляется наиболѣе полной, какъ обнимающая собой и развитіе въ человѣкѣ личности, и воспитаніе трехъ главныхъ душевныхъ силъ—ума (истина), воли (добро) и чувства (красота). Но этотъ принципъ внѣ христіанства даетъ мѣсто такому произволу толкованій, что можетъ извратить, опошлить и унижить человѣка, вмѣсто того, чтобы возвысить его. Ученые всѣхъ временъ ставили предъ собою вопросъ о томъ, въ чемъ заключается истина, добро и красота, и тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ и до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ.

Итакъ, ни одно изъ указанныхъ мнѣній, по очевидной ихъ внутренней несостоятельности или недостаточности, не даетъ правильного указанія на цѣль воспитанія. Истинное опредѣленіе цѣли воспитанія мы находимъ *только въ христіанствѣ*.

Цѣль истиннаго образованія человѣка по ученію слова Божія.

Слово Божіе говоритъ намъ, что человѣкъ созданъ былъ по образу и подобию Божію, но послѣ грѣхопаденія своего лишился и совершенства и блаженства. Образъ Божій въ немъ помрачился: его духовныя силы разстроились; нравственное поврежденіе проникло въ самое существо его. Разумъ сталъ ограниченнымъ въ познаніи Божественныхъ истинъ и способнымъ къ заблужденіямъ (Сир. IX, 16); сердце его сдѣлалось болѣе склоннымъ къ чувственному, нежели къ духовному (Мѡ. X, 19), а воля склонилась вмѣсто добра къ злу (Римл. XI, 18). Отсюда произошли безчисленныя заблужденія, нравственныя паденія и злодѣянія. Утративъ первобытную чистоту и совершенство, человѣкъ, однако, сохранилъ отчасти свободную волю и всѣ духовныя силы съ естественными ихъ стремленіями: въ немъ остались еще слѣды образа Божія: разумъ способный къ богопознанію, совѣсть и стремленіе къ добру (Быт. IX, 16; Іоан. III, 9; Римл. II, 14).

Возстановленіе помраченнаго образа Божія должно составлять главную задачу жизни каждаго человѣка на землѣ, по ученію христіанскому. Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ всѣмъ людямъ: *будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный* (Мѡ. V, 48). Въ другой разъ, поясняя ту же истину, Онъ сказалъ: *Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня* (Іоан. 14, 6). Въ этихъ словахъ Спасителя ясно выражена главная цѣль, къ которой долженъ стремиться человѣкъ въ своей жизни: эта цѣль—усовершенствованіе, развитіе своихъ силъ и способностей до высоты совершенствъ Божіихъ—*Богopodobіе*. А такъ какъ Богъ есть существо всемогущее, премудрое, истинное и благое, то и каждый человѣкъ долженъ стремиться къ богopodobной святости, истинѣ, добру и владычеству надъ всею природою чрезъ надлежащее познаніе ея свойствъ и силъ.

Отсюда ясно вытекаетъ и задача истиннаго образованія. Истинное образованіе должно приготовить и развитъ всѣ духовныя силы человѣка такъ, чтобы онъ безпрепятственно могъ не только выполнить свое земное назначеніе, но и приготовиться къ загробному блаженству, чтобы имъ были познаны истина, добро и красота (цѣль для ума),

чтобы онъ полюбилъ ихъ (для чувства), имѣлъ бы достаточно силъ стремиться къ совершенству (для воли), а тѣло свое сдѣлалъ послушнымъ орудіемъ духа.

Значеніе религіи въ дѣлѣ воспитанія.

Всякое школьное образованіе безъ религіи было бы недоконченнымъ, неполнымъ, разрозненнымъ и фальшивымъ.

Въ религіи сосредоточиваются всѣ интересы человѣческаго духа—*умственные, нравственно-практическіе и эстетическіе*. Чѣмъ больше мы учимся и чѣмъ умнѣе становимся, тѣмъ больше убѣждаемся, что человѣку невозможно все знать, что чѣмъ больше онъ разрѣшаетъ научныхъ вопросовъ, тѣмъ больше возникаетъ предъ нимъ новыхъ сомнѣній, неразрѣшенныхъ и даже не могущихъ быть разрѣшенными человѣческой наукою. Это объясняется какъ свойствомъ нашего разума, который въ силу своей ограниченности не можетъ идти въ безконечность по пути изслѣдованія истины, такъ и характеромъ самыхъ истинъ безконечныхъ и вѣчныхъ. По этой причинѣ наше знаніе всегда будетъ неполнымъ, отрывочнымъ. Между тѣмъ мы чувствуемъ въ себѣ стремленіе къ знанію полному, совершенному. Не противорѣчіе-ли это? И противорѣчіе это можетъ быть сглажено только религіей, когда мы свое знаніе будемъ систематизировать и восполнять при посредствѣ религіозной вѣры, указывающей намъ путь въ область Безконечнаго, Вѣчнаго, Всесовершеннаго.

Далѣе, не удовлетворяется вполнѣ на землѣ и нравственно-практическій интересъ человѣка. Человѣкъ чувствуетъ въ совѣсти своей влеченіе и потребность къ вполнѣ нравственной, высокой или святой жизни, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ жизнь его всегда болѣе или менѣе расходится съ требованіями совѣсти и закона. Ему прирождено чувство справедливости, по которому добродѣтель должна быть источникомъ счастья, а между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ, что неправда часто торжествуетъ, а истина попирается и страдает. Онъ чувствуетъ бессиліе и зависимость свою, ощущаетъ недостатокъ спокойствія и безопасности, къ которымъ однако стремится. Каждая могила напоминаетъ ему о бренности всего земнаго и скоротечности земнаго счастья. И это противорѣчіе можетъ разрѣшить

только религія, которая проповѣдуетъ о вѣчномъ мірѣ, святости, правдѣ и мздовоздаяніи.

Наконецъ, въ человѣческомъ духѣ живетъ чувство и стремленіе къ прекрасному: человѣкъ хочетъ созерцать все существующее и происходящее вокругъ него въ такихъ формахъ, которыя соотвѣтствовали бы его идеѣ. Но онъ не достигаетъ этого; дѣйствительное всегда остается далеко позади идеальнаго. Чтобы помочь себѣ въ этомъ случаѣ, человѣкъ прибѣгаетъ къ помощи изящнаго искусства, задача котораго—гармонически сочетать реальное и идеальное, создавать прекрасныя произведенія. Но и художественныя произведенія не достигаютъ вполнѣ этой цѣли. Слѣдовательно, и здѣсь требуется вспомошествованіе со стороны религіи, которая учитъ о другомъ мірѣ, высшемъ, прекраснѣйшемъ, и въ идеѣ Бога представляетъ намъ осуществленіе всесовершеннаго идеала, чѣмъ и объясняется то, что классическимъ характеромъ отличаются только тѣ произведенія искусства, которыя заимствуютъ свои идеи изъ области чистой религіи.

Мировоззрѣніе и его значеніе въ жизни человѣка.

Созданіе опредѣленнаго мировоззрѣнія въ человѣкѣ должно составлять задачу и конечную цѣль истиннаго образованія.

Мировоззрѣніе есть совокупность положеній, отвѣчающихъ на вопросы о смыслѣ міровой жизни и о назначеніи человѣка. Мировоззрѣніе имѣетъ весьма важное значеніе въ жизни и дѣятельности человѣка: оно безусловно необходимо ему для движенія впередъ, для безостановочнаго развитія и усовершенствованія во всѣхъ областяхъ жизни, вообще для того, чтобы быть ему человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Развитіе и усовершенствованіе человѣка возможны безъ постоянныхъ, ясно сознанныхъ причинъ, безъ руководящихъ началъ и стоящихъ впереди его конечныхъ идеальныхъ цѣлей. Вотъ почему нѣтъ на землѣ такого народа, который не имѣлъ бы своего мировоззрѣнія и не руководился имъ. И у дикихъ племенъ замѣтны начатки семейной и общественной жизни, полагается различіе между добрымъ и предосудительнымъ, дозволеннымъ и запрещеннымъ; каждый дикарь скажетъ нѣчто опредѣленное о перво-

начальномъ происхожденіи міра, или своего острова, въ которомъ для него нерѣдко совмѣщается весь міръ, о верховной Причинѣ міра, о ея отношеніи ко всему существующему, о судьбѣ человѣка по смерти, о томъ, почему извѣстное дѣйствіе человѣка хорошо, а другое дурно и т. д.,— словомъ обнаружить, что онъ обладаетъ мировоззрѣніемъ и руководствуется имъ.

Религія во всѣхъ ея видахъ, на всѣхъ ея ступеняхъ составляла и составляетъ основаніе міросозерцанія и нравственнаго склада всѣхъ людей; изъ нея черпаетъ человѣкъ всѣ высшія свои идеи и разумъ его всегда признавалъ и признаетъ безусловный авторитетъ этихъ идей. Но такъ какъ, по словамъ одного глубокомысленнаго христіанскаго писателя (Тертуллиана), *душа человѣка—по природѣ христіанка*, то необходимо усвоить сознательно и разумно основныя положенія христіанства, совокупность которыхъ представляетъ единственное въ своемъ родѣ, безусловно истинное и исполнѣ опредѣленное мировоззрѣніе. Христіанское мировоззрѣніе даетъ ясныя и опредѣленные отвѣты на всѣ вопросы, которые искони занимали и занимаютъ человѣчество; оно сообщаетъ смыслъ всему, что въ человѣкѣ и что вокругъ него, что было въ его прошломъ, что есть въ настоящемъ, и проливаетъ свѣтъ на его будущее. Оно отличается цѣльностью, стройностью и полною законченностью своего содержания. И замѣнить христіанское мировоззрѣніе въ отношеніи полноты и законченности не въ состояніи никакое другое—ни религіозное, ни философское, ни, такъ называемое, естественно-научное.

И д е а л ы .

Человѣкъ, познавшій свое назначеніе и стремящійся къ образованію ума, сердца и воли, обыкновенно создаетъ образы того духовнаго совершенства, котораго онъ желаетъ достигнуть въ жизни. Такіе образы совершенства называются *идеалами*. Идеалы даютъ основаніе для дѣйствительной жизни и въ то же время указываютъ тѣ цѣли, которыя человѣкъ стремится достигнуть въ своемъ будущемъ духовномъ развитіи, почему они должны быть признаны необходимымъ условіемъ истиннаго образованія. Идеалы не являются готовыми, а вырабатываются постепенно, въ про-

долженіе всей жизни человѣка. Но какого бы совершенства ни достигалъ духъ человѣческой, все таки историческая жизнь человѣчества не выработала еще такого идеала, который былъ бы совершеннымъ, да и выработать никогда не можетъ, по причинѣ ограниченности человѣческой природы. Только христіанство возвѣстило міру *совершенный идеалъ* въ лицѣ Самого Иисуса Христа и слѣдованіе ему составляетъ истинную задачу всякаго христіанина.

Свобода совѣсти.

Нѣкоторые сомнѣваются, нужно ли религіозно-нравственное воспитаніе и обученіе дѣтей Закону Божию, съ цѣлью дать имъ возможность пріобрѣсти опредѣленное мировоззрѣніе, если каждый руководствуется въ своей жизни собственной *совѣстью*? У всякаго, говорятъ, есть своя совѣсть, а потому каждый во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ, лишь бы его дѣйствія не нарушали личной свободы другихъ и общественнаго порядка и безопасности.

Дѣйствительно, совѣсть есть священная и неприкосновенная принадлежность человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго и принудить людей дѣйствовать противъ совѣсти невозможно безъ вреда для его нравственной дѣятельности. Что касается состоянія человѣка до грѣхопаденія, то сказанное совершенно справедливо. Но съ момента грѣхопаденія совѣсть перестала быть одинаковою у всѣхъ людей. Къ этому заключенію мы придемъ при тщательномъ наблюденіи надъ человѣкомъ въ его дѣйствительной жизни. Опытъ показываетъ, что совѣсть не есть нѣчто неизмѣнное; при постоянной возможности свободнаго нарушенія нравственныхъ законовъ со стороны человѣка и разнообразныхъ ошибокъ и заблужденій, она легко колеблется, затемняется и даже извращается. Есть совѣсть грубая и нечувствительная; безпечная и нерадивая, сожженная; есть совѣсть формальная или фарисейская, которая скорѣе готова простить преступленія, чѣмъ уклоненія отъ внѣшней обрядности; есть совѣсть фанатичная, когда кто-либо по горячему стремленію къ распространенію вѣры готовъ дѣйствовать мѣрами насильственными съ забвеніемъ личныхъ правъ и свободы другихъ, и есть совѣсть лукавая и робкая. Изъ исторіи мы

можемо видіти, якъ иногда совѣсть оправдывала такія безобразныя явленія, якъ инквизиція, умерщвленіе дѣтей и старцевъ (у язычниковъ), избіеніе христіанъ и т. п. Если бы мы стали желать полной свободы для всѣхъ людей съ такой совѣстью, нравственно испорченною, то мы заботились бы не о свободѣ совѣсти, а объ уничтоженіи ея.

Истинная свобода совѣсти состоитъ во внутреннемъ освобожденіи духа отъ всѣхъ грѣховныхъ похотей и страстей, препятствующихъ соблюденію нравственнаго закона и затѣмъ въ сознаніи правоты, въ невозмущаемомъ чувствѣ внутренняго мира и въ правѣ относиться къ собственнымъ требованіямъ по высшему разумнѣю законовъ и цѣлей нравственныхъ. Человѣкъ съ такой свободой дѣйствительно не нуждается ни въ какихъ человѣческихъ законахъ. „Законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ“ (I Тим. 1, 9). Но такая праведность достигается великими подвигами и свойственна лишь людямъ, достигшимъ высшаго нравственнаго совершенства. Вотъ почему голосъ и велѣнія своей совѣсти мы всегда должны провѣрять голосомъ Божиимъ, ученіемъ Слова Божія. А поэтому мы и должны заботиться о ея воспитаніи и усовершенствованіи наравнѣ съ прочими душевными силами.

ЖСВ.

С в о б о д а в о л и .

Кромѣ вопроса о свободѣ совѣсти, для правильной постановки религіозно-нравственнаго воспитанія, необходимо разрѣшить вопросъ и о *свободѣ воли*: если человѣкъ не имѣетъ свободной воли, то никакое воспитаніе невозможно, если же воля свободна, то она можетъ быть усовершеняема по общимъ психологическимъ законамъ развитія человѣка.

Что касается свободы воли, понимаемой въ смыслѣ *свободы дѣйствій*, то здѣсь наша ограниченность очевидна сама собою: облетѣть въ одну ночь всю землю мы не въ силахъ. *Наши хотѣнія, наши рѣшенія воли* также ограничены: невозможно желать того, чего вовсе не знаешь и не представляешь. Самая *сила рѣшимости* не безпредѣльна: она можетъ измѣняться соотвѣтственно лицамъ, возрастамъ, обстоятельствамъ, но всегда имѣетъ предѣлъ. Такимъ образомъ, мы не обладаемъ безусловною свободою воли, мы не

можемъ хотѣть всего, рѣшиться на все и, даже рѣшившись, сохранить это рѣшеніе при всѣхъ обстоятельствахъ.

Но если мы обладаемъ свободой, ограниченной извѣстнымъ кругомъ возможныхъ хотѣній или мотивовъ воли; если есть свобода выбора изъ среды этихъ хотѣній или мотивовъ, то свободенъ ли самый выборъ?

Относительно этого существуютъ два мнѣнія: одни—представители *индетерминизма*—признаютъ самый выборъ вполне свободнымъ; другіе—*детерминисты*—признаютъ его обусловленнымъ внѣшними вліяніями. По ученію детерминистовъ всѣ дѣйствія человѣка безусловно опредѣляются какъ неизбежныя слѣдствія, независимыи отъ нихъ причинами, будутъ ли эти причины заключаться во внѣшнемъ бытіи (природа, Божество) или въ его собственной природѣ. Детерминизмъ бываетъ *философскій* (матеріализмъ и идеализмъ), *религіозный* (фатализмъ) и *астрологическій*, когда думаютъ, что судьбы человѣка и народовъ предопредѣлены теченіемъ звѣздъ. Сюда же относится *вѣрованіе магометанъ*, что Богъ, въ силу вѣчнаго рѣшенія своей воли, неизмѣнно опредѣлилъ судьбу каждаго человѣка, даже до малѣйшихъ обстоятельствъ его жизни. Въ христіанскомъ мірѣ сюда относится отрицающее нравственную свободу *ученіе* (кальвинизма), по которому Богъ неизмѣнно и безусловно предопредѣлилъ однихъ къ вѣчному блаженству, а другихъ къ вѣчному мученію.

Ученіе детерминистовъ не можетъ быть признано правильнымъ. Что выборъ нашъ свободенъ, объ этомъ прежде всего свидѣтельствуетъ непосредственное *наше сознаніе*: дѣлая то или иное, рѣшаясь на то, а не на другое, мы сознаемъ не только то, что мы дѣлаемъ, что эти дѣйствія принадлежатъ не иному кому, а намъ, но и то, что они зависятъ отъ насъ, что мы поступаемъ такъ свободно потому, что хотимъ такъ. Однимъ словомъ, дѣйствуя свободно, мы сознаемъ свою свободу.

Особенно ясно чувствуется свобода воли въ *сознаніи нравственной отвѣтственности*. Всякій свободно можетъ избирать добро или зло, но за свой выборъ и дальнѣйшія слѣдствія его онъ несетъ отвѣтственность, такъ какъ этого требуетъ долгъ справедливаго воздаянія, или иначе—*законъ нравственнаго вмѣненія*. Законъ вмѣненія есть одинъ изъ основныхъ и важнѣйшихъ нравственныхъ законовъ. Онъ

служить существеннымъ требованіемъ справедливости и заключительнымъ актомъ всей нравственной жизни, такъ что если бы не было вмѣненія, то всѣ дѣйствія нравственныя, какъ неощищаемыя, потеряли бы свое достоинство и стали бы безцѣльными. Но такое вмѣненіе въ заслугу или грѣхъ нашихъ дѣйствій было бы невозможно, если бы мы не сознавали, что совершенныя нами дѣянія произошли по нашей волѣ. Поэтому кто не желаетъ отвергнуть значенія нравственныхъ требованій и нравственной отвѣтственности, тотъ долженъ признать свободу воли.

Свобода воли имѣетъ два вида—свободы *естественной* и свободы *нравственной*. Независимость воли въ дѣйствіяхъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ принужденій составляетъ естественную свободу. Независимость воли отъ внутреннихъ, развивающихся въ противоположность съ нравственнымъ закономъ, мотивовъ, составляютъ нравственную свободу. Тотъ и другой видъ сходны между собою въ томъ, что въ обоихъ воля есть внутреннее начало дѣйствій; но различаются между собою тѣмъ, что въ естественной свободѣ воля слѣдуетъ естественно-сильнѣйшимъ, а въ нравственной свободѣ—нравственно-сильнѣйшимъ, внутреннимъ мотивамъ или побужденіямъ. Естественная свобода составляетъ природное свойство воли всякаго человѣка, и потому всякій человѣкъ естественно свободенъ. Всякій человѣкъ есть причина своихъ дѣйствій и никто не относитъ своихъ дѣйствій къ другому лицу, какъ причинѣ, если только онъ не былъ связанъ физическимъ принужденіемъ.

Естественная свобода, не соотвѣтствующая умственнымъ, нравственнымъ, эстетическимъ и религиознымъ мотивамъ, называется *произволомъ*. Руководимый произволомъ, человѣкъ можетъ дѣлать, что ему угодно и какъ ему угодно, не заботясь о достоинствѣ своихъ дѣйствій и отвѣтственности за нихъ, но въ этомъ случаѣ онъ скорѣе является рабомъ своихъ страстей, чѣмъ существомъ разумно-свободнымъ. Такого человѣка Иисусъ Христосъ называетъ *рабомъ грѣха*.

Другой видъ свободы воли составляетъ нравственная свобода, которая состоитъ въ дѣятельности, сообразной съ представленіями, вытекающими изъ требованій нравственного закона. Эта свобода есть задача жизни истиннаго христіанина. Она не есть естественная принадлежность на-

№ 01453

шего духа и достигается не личными только усилиями человека, но при непремѣнномъ содѣйствіи Иисуса Христа и подѣ условіемъ живого общенія съ Нимъ въ Церкви и воздѣйствій Его Божественной благодати, даруемой въ таинствахъ.

Моральными называются такія чувствованія, которыя сопровождаютъ нашу нравственную дѣятельность. Въ своей дѣятельности мы ставимъ себя въ извѣстное отношеніе къ своему я, къ другимъ людямъ и къ Богу; отсюда и нравственныхъ волненій, обусловливающихъ или сопровождающихъ эти отношенія, дѣлятся на чувствованія: а) въ отношеніи къ самому себѣ, въ общемъ смыслѣ *эгоистическія*, б) въ отношеніи къ другимъ людямъ, *альтруистическія* и в) въ отношеніи къ Богу, *религиозно-нравственныя*.

Нравственныя чувствованія по отношенію къ самому себѣ выражаются въ слѣдующемъ: у каждаго существуетъ представленіе объ извѣстномъ кругѣ дѣйствій нравственно дозволяемыхъ и недозволяемыхъ; изъ первыхъ составляетъ кругъ обязанностей человека, его нравственный долгъ, изъ вторыхъ образуется кругъ дѣйствій, несоотвѣтствующихъ его обязанностямъ и составляющихъ *уклоненіе отъ долга*. Сознаніе или *идея долга* и есть первый моментъ обнаруженія нравственного чувства. Второй моментъ обнаруженія нравственного чувства состоитъ въ сравненіи совершеннаго нами поступка и поступка, который долженъ быть совершенъ,— въ сравненіи того, что есть, съ тѣмъ, что должно быть. Этотъ второй моментъ сравненія есть *дѣло совѣсти* человека. Совѣсть свидѣтельствуетъ предъ сознаніемъ о томъ, выполнила ли воля свою обязанность, свой долгъ, или нѣтъ. Въ этомъ состоитъ *судъ*, т. е., сужденіе совѣсти надъ совершеннымъ поступкомъ. Судъ этотъ, какъ и всякій другой, долженъ быть или оправдывающимъ или обвиняющимъ, т. е., долженъ вмѣнять человеку его дѣйствія или въ заслугу или въ осужденіе. Единственно чѣмъ отличается этотъ судъ совѣсти отъ другихъ судовъ, это тѣмъ, что предъ этимъ судомъ молчать всѣ страсти, преклоняются всѣ личные интересы и привязанности, всѣ протесты гордости и самомнѣнія, во имя которыхъ могутъ иногда дѣйствовать пристрастно другіе суды. Третій и послѣдній моментъ нравственного чувства состоитъ въ *мздовоздаяніи*, т. е., въ приведеніи суда совѣсти въ исполненіе. Когда человѣкъ совершаетъ посту-

покъ, согласный съ требованіемъ долга, въ душѣ его возникаетъ пріятное чувство внутренняго мира и радости, такъ называемое, спокойствіе совѣсти съ сознаніемъ исполненнаго долга. Въ противномъ же случаѣ въ душѣ человѣка возникаетъ чувство недовольства самимъ собой, внутреннее безпокойство или, такъ называемое, угрызеніе совѣсти. Не рѣдко эти упреки и терзанія совѣсти бываютъ такъ сильны, что побуждаютъ преступника добровольно отдаваться въ руки правосудія, лишь бы освободиться отъ угрызеній совѣсти.

Судь совѣсти по своему характеру оказывается явленіемъ довольно сложнымъ; онъ состоитъ изъ *самопорицанія*, которое всегда бываетъ чувствительнѣе, чѣмъ порицаніе со стороны другихъ, *раскаянія*, *сожалѣнія*, *стыда* и даже *презрѣнія* къ самому себѣ. Но если таковъ характеръ угрызенія совѣсти, то состояніе духа, называемое спокойствіемъ совѣсти, отличается противоположными свойствами, а именно — здѣсь есть пріятное чувство *довольства* собой, какъ бы *самоуваженія* и нѣкоторое *волненіе радости*. Оно есть одно изъ самыхъ высокихъ состояній человѣческаго сердца вообще.

Нравственныя чувствованія по отношенію къ другимъ выражаются въ формѣ *сочувствія*, *дружбы*, *любви* и т. п.

Нравственныя чувствованія имѣютъ важное значеніе въ жизни человѣка, такъ какъ они служатъ источникомъ и опорой хорошаго и честнаго поведенія, двигателемъ всѣхъ благородныхъ поступковъ. Кто приобрѣлъ навыкъ все дѣлать по совѣсти, тотъ свято исполняетъ свой долгъ, твердъ въ обязанностяхъ, вѣренъ въ дѣлахъ и не мыслитъ зла, а потому на него всегда можно положиться. Но такую силу нравственное чувство дѣлается не сразу, постепенно, вмѣстѣ съ развитіемъ самой духовной природы человѣка. Дѣти сначала дѣйствуютъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія и нерѣдко эгоистично. Ожидать отъ дѣтей ранняго возраста великодушія и безкорыстныхъ побужденій безъ взаимности — значитъ ожидать слишкомъ многого, на что они еще не способны.

Началомъ, обуздывающимъ дѣтскій эгоизмъ, безспорно является родительская любовь и особенно любовь матери. Примѣръ этой любви, доходящей до самопожертвованія, впервые будитъ въ душѣ дитяти чувство добра. Сопровождающій всюду ребенка *образъ его матери* становится, по

выраженію Песталлоцци, для него *совѣстію*. Для дитяти не нужны обширныя толкованія; довольно сказать ему, что тотъ или другой проступокъ противъ долга — грѣхъ. Такъ, солгать, обмануть, обидѣть человѣка — грѣхъ предъ Богомъ, иначе — нарушеніе нравственнаго долга, предписывающаго говорить правду, поступать честно, любить человѣка. Обыденная жизнь представляетъ много поводовъ и случаевъ укрѣпить въ дѣтяхъ чувство обязанностей по отношенію къ Богу, къ людямъ и самому себѣ. Нравственное чувство особенно развивается подъ вліяніемъ добрыхъ отношеній къ братьямъ, сестрамъ и другимъ окружающимъ ребенка лицамъ въ семьѣ, школѣ и обществѣ. Примѣры участія къ бѣднымъ и страждущимъ, заброшеннымъ и угнетеннымъ, даже примѣры участія, обнаруживаемые по отношенію къ животнымъ-беззащитнымъ, суть безцѣнные нравственные уроки для дѣтей.

Слѣдуетъ только опасаться воспитателю, чтобы необдуманнымъ одобреніемъ поведенія дѣтей въ этомъ случаѣ не запятнать въ нихъ чистоты сердечной. Самымъ же могущественнымъ средствомъ для воспитанія нравственнаго чувства можетъ служить *Божественное ученіе Христа*, гдѣ чувство любви, добра и страданія представлено въ полномъ идеальномъ совершенствѣ, и притомъ въ формѣ простой и удобопонятной для ребенка.

Религіозныя чувствованія.

Религіозными называются такія чувствованія, которыя возникаютъ при сознаніи бытія и свойствъ Божества и отношеній, вытекающихъ изъ союза Бога съ человѣкомъ. Религіозное чувствованіе есть особое и исключительное душевное состояніе и его нельзя смѣшивать ни съ какимъ другимъ душевнымъ волненіемъ. Того, что долженъ чувствовать человѣкъ при представленіи и живомъ воспріятіи Высочайшаго Существа, онъ никогда не можетъ испытывать при другихъ условіяхъ.

Стремленіе къ Богу и потребность живого общенія съ Нимъ по самой природѣ присущи человѣку, т. е., *прирожденны* ему. Религія составляетъ потребность души человѣка. Нѣтъ народа, который не имѣлъ бы какой-либо религіи. Еще въ древности справедливо писалъ Плутархъ: „Обойди лице

земли и ты найдешь города безъ укрѣпленій, безъ наукъ, безъ чиновачалія, увидишь людей безъ постоянныхъ жилищъ, не знающихъ употребленія монетъ, не имѣющихъ понятій объ изящныхъ искусствахъ, но ты не найдешь ни одного человѣческаго общества безъ вѣры въ божество“. На какой бы низкой ступени развитія человѣкъ ни стоялъ, онъ все-таки имѣетъ какія-либо религіозныя представленія, выражаемая имъ въ различныхъ обрядахъ, жертвахъ, погребальныхъ церемоніяхъ“ и т. п.

Изъ существующихъ терминовъ для обозначенія религіознаго чувствованія ему всего болѣе прилично специальное названія—*обожанія*. Чувство обожанія не есть просто чувство зависимости, а пріятное волненіе, въ связи съ представленіемъ всесовершеннаго Существа. Волненіе это пріятно потому, что порождаетъ чувство довѣрчивости, покоя и твердой надежды. Чувство обожанія, первоначально смутное и неопредѣленное, развивается лишь постепенно.

Не сводимое къ другимъ чувствованіямъ, волненіе религіозное включаетъ въ себѣ элементы многихъ другихъ волненій, связанные въ немъ въ одно цѣлое. Такъ чувство *божественнаго* безусловно связано съ чувствомъ *таинственнаго*. Божество не было бы для человѣка божествомъ, если бы оно оказалось простымъ, понятнымъ, постижимымъ. Божественное, въ собственномъ смыслѣ, есть безконечная и вѣчная тайна. Чувство „таинственнаго“—чувство въ высшей степени пріятное, и именно потому, что напрягаетъ всѣ силы нашего духа къ постиженію безконечнаго и влечетъ насъ къ предмету, его возбудившему, побѣждая даже чувство страха.

Въ близкой и естественной связи съ элементомъ „таинственнаго“ въ религіозномъ чувствованіи стоитъ чувство *страха*. Чувство страха естественно возникаетъ здѣсь уже потому, что все таинственное недоступно и непонятно намъ само по себѣ. Но и кромѣ таинственнаго, другія свойства Божества, по представленію людей, содѣйствуютъ развитію въ нихъ этого чувства. Таковы, напр., свойства: всемогущество, всевѣдѣніе, вседѣйствіе, правосудіе. Религіозное созерцаніе сихъ свойствъ Божества заставило ветхозавѣтнаго псалмопѣвца воскликнуть: *куда я пойду отъ Духа Твоего Святаго и отъ лица Твоего, куда удѣгу?*

Съ представленіемъ всемогущества, всевѣдѣнія, вседѣйствія, правосудія Божества соединяется чувство *высо-*

жаго. Въ религіозномъ чувствѣ оно является всегда связаннымъ съ сознаниемъ *безконечной силы* всемогущаго Существа. Отсюда вѣра въ возможность *чудесъ* является необходимымъ составнымъ элементомъ религіознаго сознанія.

Чувство „высокаго“, въ силу контраста, можетъ вызвать въ человѣкѣ чувство охлажденія ко всему конечному, выражающееся при высшей степени напряженія своего въ *аскетизмъ*.

На этой ступени—соединенія чувства „высокаго“ въ религіозномъ волненіи съ чувствомъ „охлажденія“ къ конечному, съ одной стороны, является чувство *благоговѣнія* къ божественному, съ другой—чувство *слабости, смиренія, покорности, виновности*, при сознаніи своихъ грѣховъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чувство *сокрушенія* о нихъ.

Неизмѣннымъ элементомъ религіознаго чувствованія является, далѣе, чувство *радости и счастья* отъ полноты жизни и чувство *любви* къ Источнику добра и красоты. Съ болѣею полнотою и опредѣленностью эти чувства проявляются уже при значительномъ развитіи религіозной жизни; причемъ предметъ ихъ переносится въ загробную жизнь. Отсюда неразрывная связь вѣры въ *безсмертіе* съ религіей.

Подобнымъ же образомъ человѣкъ проникается чувствомъ безконечной *преданности* волѣ Божіей, когда по поводу того или другого, счастливаго или печальнаго событія въ своей жизни, онъ приходитъ къ убѣжденію, что Богъ управляетъ своимъ твореніемъ, что безъ Его воли не спадеть ни одинъ волосъ съ человѣческой головы, или чувствомъ *надежды* на Него, когда ожидаетъ Его помощи и милосердія въ здѣшней жизни или будущей.

Какъ и всякое волненіе, религіозное чувство имѣетъ свое внѣшнее выраженіе. Религіозное чувство выражается въ формѣ *культы* и въ частности—въ молитвѣ и священнодѣйствіяхъ. Человѣкъ молится уже ради наслажденія, соединяемого съ молитвою при мысли объ общеніи въ ней съ божествомъ, ради подъема и возбужденія духа, а не изъ страха и не ради какихъ-либо выгодъ. Въ этомъ *сущность молитвы*, а остальное въ ней—видоизмѣненіе, форма.

Главнѣйшіе недостатки въ развитіи религіознаго чувства и ума.

Прирожденное человѣческой природѣ религіозное чувство, подъ вліяніемъ неправильнаго развитія, можетъ полу-

чать ложное и извращенное направление. Уклонения и извращения религиозного чувства и ума бывают собственно *теоретическія* и *практическія*. Къ первымъ принадлежатъ: мистицизмъ, суевѣріе, деизмъ, пантеизмъ и матеріализмъ, ко вторымъ: нетерпимость и фанатизмъ, фарисейство, атеизмъ и индифферентизмъ.

1. *Мистицизмъ*. Въ состояніи мистицизма человекъ, чрезмѣрно увлекаясь своимъ воображеніемъ, обнаруживаетъ склонность во всемъ находить особый таинственный смыслъ, свои образы и мечты принимаетъ за видѣнія и откровения духовнаго міра и считаетъ себя избранникомъ Божества, говорящимъ и дѣйствующимъ отъ Его имени. При недостаткѣ умственного развитія, подъ вліяніемъ суевѣрныхъ понятій, преданій и предрасудковъ, эта склонность сопровождается самыми безобразными и дикими явленіями, каковыя по преимуществу обнаруживаются въ такъ называемыхъ мистическихъ сектахъ: хлыстовствѣ, скопчествѣ, шалопутствѣ и малеванщинѣ.

Склонность къ мистицизму развивается въ дѣтяхъ отъ уединенія, особенно, когда они воспитываются въ деревнѣ и, по цѣлымъ днямъ представляемая самимъ себѣ, остаются въ совершенной праздности, или когда они въ раннемъ возрастѣ часто имѣли случай слышать рассказы о таинственныхъ явленіяхъ.

2. *Суевѣріе* основывается на смѣшеніи истинныхъ религиозныхъ вѣрованій съ вѣрованіями ложными. Но очень многія суевѣрія могутъ быть разсматриваемы только какъ остатокъ древне-славянскихъ языческихъ вѣрованій, утратившихъ подъ вліяніемъ христіанскаго ученія свое содержаніе, но сохранившихъ свою форму. Значительная часть суевѣрій относится къ бытовой и соціальной жизни народа и возникла на чисто исторической почвѣ (боязнь встрѣчи съ священникомъ, боязнь опрокинуть соль и др.). Наконецъ, наибольшая часть суевѣрій вытекаетъ изъ свойственнаго человеку желанія знать будущее и относится къ важнѣйшимъ моментамъ жизни его (бракъ, смерть, рожденіе и др.).

Суевѣріе прививается, главнымъ образомъ, вслѣдствіе общенія дѣтей съ умственно неразвитыми взрослыми людьми и укрѣпляется недостаткомъ просвѣщенія ума и одностороннимъ развитіемъ воображенія. Поэтому и противодействовать этому недостатку можно только истиннымъ и основа-

тельнымъ просвѣщеніемъ ума и, гдѣ можно, разумною и осторожною борьбою съ усвоенными суевѣріями.

3. *Нетерпимость и фанатизмъ*. Эти недостатки въ религиозной жизни проявляются въ пренебрежительномъ и часто прямо враждебномъ отношеніи ко всякой иной вѣрѣ и инымъ проявленіямъ религиозной жизни, чѣмъ какія свойственны извѣстному лицу. Происходятъ эти недостатки отъ сильнаго возбужденія религиознаго чувства въ извѣстномъ одностороннемъ направленіи, а въ особенности отъ того, когда при умственномъ невѣжествѣ и недостаточномъ знаніи собственной религіи дѣти видѣли примѣры враждебнаго отношенія къ чужимъ религіямъ со стороны взрослыхъ. Для предупрежденія этихъ недостатковъ родители и воспитатели никогда не должны позволять ни себѣ, ни дѣтямъ шутить и смѣяться надъ религиозными обрядами и вообще религиозною жизнію послѣдователей другихъ исповѣданій.

Фанатизмъ есть только высшая степень проявленія духа нетерпимости. Фанатизмъ обнаруживается въ самомъ враждебномъ отношеніи ко всему иновѣрному и отличается отъ простой религиозной нетерпимости существенно тѣмъ, что легко ведетъ къ открытому гоненію послѣдователей всякой иной вѣры. Фанатикъ старается насильственными мѣрами принудить другихъ къ принятію исповѣдуемой имъ вѣры, преслѣдуетъ, мучитъ и даже умерщвляетъ иновѣрцевъ, и это поставляетъ себѣ въ особую заслугу передъ Богомъ.

4. *Лицемеріе* или *фарисейство* есть такой недостатокъ въ религиозной жизни человека, когда онъ, не имѣя въ душѣ религиознаго настроенія, старается казаться другимъ не только вѣрующимъ, но и религиозно настроеннымъ, благочестивымъ человекомъ. Лицемеріе легко можетъ быть привито къ ребенку, если родители и воспитатели будутъ ставить на показъ его религиозность, если, напр., будутъ хвалить ребенка при другихъ за знаніе имъ многихъ молитвъ, будутъ нарочито заставлятъ его совершать молитву въ присутствіи постороннихъ лицъ, чтобы тѣ могли похвалить его религиозность и т. п. *Итд.*

5. *Индифферентизмъ* или *безразличіе въ дѣлахъ вѣры* есть такое настроеніе духа относительно вѣры, при которомъ человекъ съ одинаковымъ равнодушіемъ относится ко всѣмъ вѣрованіямъ, всѣмъ усвоивъ равное значеніе, и потому не

старается познать истинную вѣру, чтобы утвердиться въ ней и по ней направлять свою жизнь и дѣятельность.

Индифферентизмъ обнаруживается въ разныхъ степеняхъ развитія и въ разныхъ видахъ. Одни равнодушно смотрятъ на различіе христіанскихъ вѣроисповѣданій: къ какому бы кто ни принадлежалъ исповѣданію, лишь бы только былъ христіаниномъ. Другіе считаютъ противнымъ здравому смыслу ограничивать благодѣянія вѣры предѣлами однихъ христіанъ: всѣ религіи равны, говорятъ они, и требуютъ отъ всѣхъ одной вѣры несправедливо. Иные, наконецъ, не считаютъ обязательнымъ и того, чтобы всѣ непременно были вѣрующими. Индифферентизмъ порождается главнымъ образомъ примѣрами окружающихъ дитя взрослыхъ людей. Если родители и воспитатели сами равнодушны къ предметамъ религіи, если въ присутствіи ребенка они дозволяютъ себѣ шутки, остроты и даже насмѣшки надъ чѣмъ-либо относящимся къ религіи, если такимъ образомъ они возбуждаютъ въ ребенкѣ духъ сомнѣнія и критики по отношенію къ религіознымъ предметамъ, то этимъ естественно изгоняются изъ дѣтской души искренность вѣры и истинная богобоязненность, и ребенокъ впадаетъ въ индифферентизмъ, который, при болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ религіознаго воспитанія, легко переходитъ въ невѣріе или положительный атеизмъ.

6. *Деизмъ* есть такое ученіе, которое признаетъ бытіе личнаго Бога, но отвергаетъ Промыслъ Божій; учитъ о Богѣ, какъ о творческомъ началѣ міра, но не признаетъ никакого непосредственнаго и сверхъестественнаго отношенія къ теченію міровой жизни, отрицаетъ возможность чудесъ, искупленія; Спасителя считаетъ только великимъ учителемъ нравственности, но отказываетъ Ему въ Божескомъ достоинствѣ. Богъ деизма есть существо холодное и бездушное, погруженное лишь въ самого себя и безсердечно оттолкнувшее отъ себя какъ судьбу міра, такъ и судьбу человѣка. Главный *логическій недостатокъ* деизма состоитъ въ томъ, что безграничное по самому понятію своему Божество онъ *ограничиваетъ*, допуская полную самостоятельность и независимость отъ него міра; но Богъ ограниченный не есть Богъ. Деистическій Богъ, для котораго невозможно никакое отношеніе къ міру и человѣку, конечно, не можетъ быть предметомъ религіи, такъ какъ всякая религія непре-

мѣнно предполагаетъ тѣсный духовно-нравственный союзъ между Богомъ и человѣкомъ.

7. *Пантеизмъ* есть такое міровоззрѣніе, которое, въ противоположность деизму, совершенно отождествляетъ Бога съ міромъ, представляетъ Его началомъ, внутренне соприсущимъ міру, во всѣхъ видахъ и формахъ бытія усматриваетъ только проявленіе одного божественнаго начала и отрицаетъ личное бытіе Бога. Пантеизмъ вращается между двумя крайностями: въ первомъ случаѣ имъ превращается Божество въ міръ (*все есть Богъ*); во второмъ—міръ превращается въ Божество (*Богъ есть міръ*), другими словами, онъ отрицаетъ личность Божества, или личность человѣческую. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ становятся немислимы нравственныя понятія и ученіе о добродѣтели. Древніе *пантеисты-стоики* говорятъ: „дѣйствуй сообразно съ природою, и тогда твоя жизнь сольется съ нею“. Въ результатѣ стоики пришли къ необходимости самоубійства, а современный пантеизмъ выродился въ мрачный *пессимизмъ*.

8. *Материализмъ* въ основныхъ своихъ чертахъ сходенъ съ пантеизмомъ; онъ также отрицаетъ и личность Божества и личность человѣка. Но есть между ними и глубокое различіе: на мѣсто пантеистическаго всебожія материализмъ ставитъ матерію съ ея силами и отрицаетъ духовное бытіе. Материалисты говорятъ: „живи, наслаждайся благами, свойственными твоей природѣ; не бойся отвѣтственности за свои грѣхи, такъ какъ нѣтъ души, нѣтъ загробной жизни, нѣтъ и мздовоздаянія“.

Ученіе пантеизма, деизма и материализма никогда не было долговременно господствующимъ и почти всегда перешло въ *атеизмъ*.

9. *Атеизмъ* или *безбожіе* есть такое извращеніе мыслей, при которомъ отвергается самое бытіе Творца и Промыслителя міра и все то, что необходимо связано съ этимъ бытіемъ, а именно: бытіе невидимаго, духовнаго міра, бытіе души и ея безсмертіе. Такъ какъ идея Божества врождена существу нашего духа и весь окружающій насъ міръ и судьбы жизни человѣческой громко говорятъ намъ о Богѣ, то не безъ основанія многіе сомнѣваются, чтобы были когда-либо собственно безбожники, сохранившіе здравый смыслъ. *Рече безумень въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ*, сказалъ псалмопѣвецъ. Атеизмъ можетъ быть *теоретическимъ*, когда онъ вы-

текает из философской или научной мысли и стремится оправдать себя научными данными и разсудочными доводами (Рим. 1, 22; 2 Кор. 10, 5), и *практическимъ*, когда человекъ своею жизнью, грѣховной и развратной, мало-помалу приводится сначала къ забвенію о Богѣ, а потомъ и къ дерзкому отрицанію Его (Кор. 15, 34; Тит. 1, 16). *Причинами* атеизма служатъ: противорелигіозный и материалистическій духъ времени, легкомысленное увлеченіе противорелигіозными ученіями и ложное опасеніе прослыть человекомъ отсталымъ, отсутствіе религіознаго воспитанія и развитія, пагубное вліяніе безбожниковъ и т. п. Борьба съ указанными пагубными вліяніями должна составлять главную задачу воспитателей.

Х а р а к т е р ъ.

Окончательнымъ и желательнымъ результатомъ нравственнаго воспитанія долженъ быть твердо сложившійся характеръ. *Характеромъ* называется постоянный и опредѣленный образъ мышленія и дѣятельности человека.

Въ характерѣ различаются двѣ стороны: *прирожденная* и *приобрѣтенная*. Характеръ, основывающійся на однѣхъ только природныхъ особенностяхъ, называется естественнымъ. Человекъ съ такимъ характеромъ въ своей дѣятельности слѣпо повинуется естественнымъ влеченіямъ и влчонностямъ, произвольнымъ движеніямъ сердца, а доведенный до крайней степени напряженности, такой характеръ руководится страстями въ самыхъ грубыхъ формахъ. Онъ бываетъ возможенъ только въ чисто естественномъ состояніи человечества, или въ состояніи варварства и дикости. Но благодаря разнымъ вліяніямъ и разумной самодѣятельности, характеръ можетъ постепенно складываться и все болѣе и болѣе совершенствоваться.

На образованіе характера оказываютъ большое вліяніе: *религія, наслѣдственность, темпераментъ, воспитаніе, профессія и среда*. Совершенствованіе характера можетъ обнимать всѣ способности духа: умъ, сердце и волю. Прежде всего при помощи разсудочной дѣятельности человекъ вырабатываетъ постепенно такія правила, которыя должны руководствовать имъ въ жизни. Эти правила, обыкновенно, называютъ *убѣжденіями*. Но одно теоретическое признаніе

истинности тѣхъ или иныхъ положеній, опредѣляющихъ наши обязанности, еще не составляетъ убѣжденія. Опытъ показываетъ, что можно прекрасно понимать справедливость того или иного требованія и, однако, не стараться о проведеніи его въ жизнь, если оно, напр., стоитъ въ противорѣчій съ господствующими въ душѣ склонностями и чувствованіями. Тотъ же опытъ убѣждаетъ насъ и въ томъ, что высокая нравственность встрѣчается въ соединеніи съ ограниченнымъ умомъ (наши благочестивые крестьяне). Теоретическая истина только тогда становится практическимъ принципомъ (убѣжденіемъ), когда ей въ области *воли* соотвѣтствуютъ энергичныя желанія, а въ области *сердца* — полное сочувствіе. Такимъ образомъ, въ каждомъ твердомъ убѣжденіи, кромѣ логической стороны, нужно признать еще сторону нравственную или волевую, благодаря которой осуществляются въ жизни выработанныя умомъ убѣжденія.

Твердый характеръ образуется тогда, когда къ внутреннимъ убѣжденіямъ присоединяется *сила воли*. Кто имѣетъ силу воли, тотъ, избравъ извѣстныя практическія правила, въ состояніи постоянно руководиться ими въ своихъ поступкахъ, не смотря на препятствія къ тому. А кто лишень силы воли, тотъ не можетъ всегда одинаково дѣйствовать; онъ часто измѣняетъ самому себѣ, увлекаясь разнообразными внѣшними вліяніями (примѣръ, совѣтъ, внушеніе и т. д.) и внутренними побужденіями — инстинктами, склонностями, привычками и страстями.

Степень напряженія воли и качество убѣжденій неодинаковы у людей. Поэтому людскіе характеры бываютъ разнообразны.

Если сильная энергія воли соединяется съ правильно развитымъ умомъ и добрымъ и благороднымъ сердцемъ, то такой характеръ называется *цѣльнымъ*. Разумность, честность и доброта, въ соединеніи съ твердостью воли сообщаютъ человеку непреодолимую силу, которая проявляется и въ положительной полезной дѣятельности, и въ энергическомъ сопротивленіи злу и въ крѣпкой устойчивости при всякихъ затрудненіяхъ и несчастіяхъ.

Краткій историческій очеркъ христіанскаго воспитанія и обученія.

Воспитаніе у язычниковъ. Въ языческомъ до-христіанскомъ мірѣ личность человѣка не имѣла сама по себѣ никакого значенія, а цѣнилась лишь настолько, насколько она была полезна для общества, государства. Такъ, хилыя дѣти и слабыя старцы и калѣки, отъ которыхъ нельзя было ожидать помощи для государства, были выбрасываемы и даже лишались жизни. Соотвѣтственно этому цѣль воспитанія полагалась въ подготовленіи юношества къ служенію этому обществу, государству и самый человѣкъ опредѣлялся, какъ животное общественное. Наиболѣе яркій образецъ такого воспитанія представляетъ намъ въ древнемъ мірѣ воспитаніе у персовъ, грековъ, римлянъ и особенно спартанцевъ. Главнымъ недостаткомъ такого воззрѣнія на человѣка было то, что оно не возвышалось да и не могло безъ помощи сверхъестественнаго откровенія возвыситься до понятія о высокомъ достоинствѣ и значеніи человѣческой личности самой по себѣ.

Воспитаніе у древнихъ евреевъ имѣло возвышенный *религіозный характеръ*. Законъ, данный Богомъ народу еврейскому, опредѣлялъ весь бытъ его, а потому внѣ этого закона не могло быть другихъ педагогическихъ началъ. Какъ Богъ воспитывалъ въ законѣ избранный народъ свой, такъ и отецъ воспитывалъ дитя свое, стараясь запечатлѣть въ его душѣ этотъ, дарованный свыше, законъ, а вмѣстѣ съ нимъ безусловное повиновеніе, страхъ и полную преданность Богу. Отличительными чертами древне-еврейскаго народа были: глубина и искренность религіознаго чувства, высота нравственныхъ воззрѣній, глубокое признаніе человѣческаго достоинства и высота человѣческаго назначенія.

Во взглядѣ евреевъ на воспитаніе, заключаются тѣ же элементы, которые яснѣе и полнѣе развиты въ христіанствѣ.

Значеніе христіанства въ дѣль воспитанія. Съ пришествіемъ Иисуса Христа наступила *новая эпоха* въ исторіи человѣчества вообще и педагогики въ частности. По христіанской идеѣ *абсолютное достоинство человѣка* заключается прежде всего *въ немъ самомъ*, такъ какъ въ человѣкѣ, созданномъ *по образу и подобию Божію*, непрестанно пребываетъ самъ Богъ и такъ какъ человѣкъ, по божественному происхожденію своему, ближайшею задачею ставитъ сознательное *уподобленіе себя Богу*, къ Которому онъ относится, какъ любящее и послушное чадо къ благому и справедливому отцу. *Соединеніе съ Богомъ*—вотъ главное назначеніе человѣка. Въ этой основной истинѣ христіанства заключается признаніе и оправданіе безконечнаго достоинства каждой человѣческой личности; здѣсь выражено равенство и братство всѣхъ людей въ Богѣ. Соотвѣтственно съ этимъ христіанскимъ принципомъ глубже понимается и самое воспитаніе, измѣнившееся въ христіанствѣ сообразно своей истинной сущности.

Важнѣйшіе періоды въ исторіи христіанской педагогики. Истины христіанства не могли быть сразу восприняты человѣчествомъ и осуществлены въ его жизни. Христіанскій міръ, одушевляемый началами евангельскаго ученія, постепенно восходитъ къ своему идеалу, послѣдовательно выясняя свои нравственныя задачи, глубже и сознательнѣе водворяя христіанскія начала въ личной, семейной и общественной жизни и расширяя кругъ своихъ послѣдователей. Такая постепенность развитія и распространенія евангельскихъ началъ создаютъ въ исторіи христіанской педагогики цѣлый рядъ періодовъ, изъ которыхъ слагается и вся ея исторія. Для болѣе удобнаго обзора исторіи христіанской педагогики отмѣтимъ въ ней слѣдующіе важнѣйшіе моменты: а) *Иисусъ Христосъ*, какъ Основатель христіанскихъ началъ воспитанія; б) новозавѣтная или апостольская педагогика; в) христіанская педагогика св. отцовъ церкви съ ея школами—Александрійскою, Антиохійскою и Сѣверо-Африканскою; д) рыцарство; е) періодъ средневѣковаго религіозно-нравственнаго воспитанія; ж) періодъ возрожденія наукъ и искусствъ; з) реформація и, наконецъ, к) современная намъ педагогика.

Находясь въ исторической связи съ нѣкоторыми изъ указанныхъ моментовъ развитія христіанской педагогики, религиозно-нравственное воспитаніе въ Россіи имѣетъ и свою особую исторію, въ которой ясно обозначаются два періода: а) періодъ до Петра Великаго и б) отъ Петра Великаго до настоящаго времени.

Иисусъ Христосъ, какъ Основатель христіанскихъ началъ воспитанія.

Иисусъ Христосъ, какъ Учитель и Воспитатель человечества. Изъ всѣхъ именъ, украшающихъ образъ Богочеловѣка—Христа, имя *учителя* было наиболѣе любезно Ему, почему Онъ и называетъ своихъ ближайшихъ послѣдователей учениками. Принявъ это имя, бывшее въ до-христіанскомъ мірѣ принадлежностью рабовъ, І. Христосъ тѣмъ самымъ высоко поднялъ значеніе учителя и воспитателя.

Иисусъ Христосъ есть *истинный Учитель и Воспитатель всего человечества*. Какъ Богъ и вмѣстѣ совершеннѣйшій человѣкъ, Онъ даровалъ вѣчный *идеалъ для воспитанія*: каждый христіанинъ, смотря по прирожденнымъ ему способностямъ, долженъ стараться *уподобиться Христу*, т. е., побѣдить въ себѣ своекорыстную природу и образовать изъ себя свободную личность, стоящую въ сознательныхъ и разумныхъ отношеніяхъ къ Богу, людямъ и природѣ. Это требованіе Иисусъ Христосъ, какъ истинный Учитель, осуществилъ въ своей жизни и утвердилъ собственнымъ *примѣромъ*. Онъ повѣдалъ міру глубокую мудрость, что Богъ есть Духъ, Которому и поклоняться должно духомъ и истиною. Новою заповѣдію всеобщаго братства и взаимной любви Онъ соединилъ все человѣчество въ одну семью. Онъ же указалъ человѣчеству недосягаемый идеалъ его нравственнаго совершенства въ Самомъ Богѣ. Именуя людей дѣтьми Божіими и Своими братьями, Иисусъ Христосъ заповѣдалъ имъ, чтобы они были такъ же совершенны, какъ совершенъ Отецъ Небесный. Какая задача выше этой и какія начала жизни болѣе совершенны? Съ этой поры уму человѣка открываются высочайшія истины, сердцу—возможность счастья и блаженства, волю—полная свобода нравственной дѣятельности при постоянномъ руководствѣ евангельскаго ученія и братской любви—на пользу всего человѣчества. Этимъ и объясняется,

что только христіанскіе народы стали носителями культуры и истинной цивилизаціи.

Иисусъ Христосъ, какъ идеалъ воспитателя дѣтей. Примѣромъ жизни Своей Иисусъ Христосъ показалъ намъ *образецъ истиннаго воспитанія дѣтяти*. Будучи двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ, Онъ пребываетъ въ храмѣ и обнаруживаетъ живое сознаніе, что обязанности къ Богу суть высшія обязанности. *Или вы не знали*, говорилъ Онъ родителямъ своимъ, искавшимъ Его на распутіяхъ, *что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?* Своимъ пребываніемъ во храмѣ Онъ указываетъ на главныя черты воспитанія: Онъ посѣщалъ храмъ—значитъ и дѣти должны быть приводимы къ Господу, какъ идеалу всякаго совершенства; Онъ сидѣлъ среди учителей—вотъ примѣрное для всѣхъ уваженіе къ наукѣ; Онъ сперва слушалъ, потомъ спрашивалъ—вотъ образцовый путь, какимъ могутъ и должны быть раскрываемы и уясняемы дѣтямъ истины религіи и всякаго знанія человѣческаго. Примѣромъ Своимъ Иисусъ Христосъ освящаетъ сердечный союзъ и дѣтей съ родителями: Онъ всегда повиновался Своимъ родителямъ, почиталъ мать, для которой Самъ былъ Отцомъ, и, даже среди предсмертныхъ мукъ, вися на крестѣ, поручаетъ ее возлюбленному Своему ученику.

Свойства учительской дѣятельности Иисуса Христа. Иисусъ Христосъ есть *высочайшій образецъ учительства*. Онъ безпримѣрный и единственный въ мірѣ Учитель вѣры и знанія, любви и жизни, и не только *словомъ Своимъ, но самымъ дѣломъ и подвигомъ*. *Не называйтесь учителями, одинъ у васъ Учитель-Христосъ* (Мѡ. 23, 8), говорилъ Онъ ученикамъ Своимъ, предостерегая ихъ отъ самозванныхъ проповѣдниковъ новыхъ религиозныхъ ученій.

Приемы и свойства учительской дѣятельности Иисуса Христа обладаютъ такими совершенствами, что и новѣйшая педагогика не можетъ представить чего-либо болѣе совершеннаго. Самые выдающіеся педагоги лишь повторяютъ и до нѣкоторой степени уясняютъ преподаваемое Имъ. Отличительныя свойства его учительства слѣдующія: *истинность, ясность и простота, общедоступность и наглядность, самодѣятельность, полное соответствіе ученія сущности природы человѣческой, индивидуальность, всестороннее воздѣйствіе на слушателей и неотразимое воспитательное влія-*

не. Самую глубокую истину Христосъ-Учитель выражалъ въ ясной и доступной формѣ. Для большей ясности своего ученія, Онъ пользовался примѣрами изъ природы и жизни людей, отчего всѣ его поученія были вразумительны, понятны и убѣдительны. *Воззрите на птицы небесныя, посмотрите на полевыя лиліи*, говорилъ Господь-Учитель въ объясненіе Божественнаго промысленія о мірѣ и человѣкѣ. Наглядность—отличительная черта его проповѣди: притча, сравненіе, уподобленіе—вотъ главные Его способы уясненія истины.

Своими сравненіями и образами Христосъ дѣйствуетъ на сердце и чрезъ него на волю Своихъ учениковъ. Доказательствами Онъ всегда удовлетворяетъ требованіямъ человеческого разума. *Испытайте писанія*, говоритъ Христосъ и Самъ приводитъ фактическія доказательства Своего ученія. *Мнѣ не върите, дѣламъ моимъ повѣрите*. Но знайте, что есть предѣлъ, дальше котораго не можетъ простираться пытливость нашего разума. Посему *вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте*. Истина заключается въ Богѣ и эта истина *сдѣлаетъ васъ свободными*.

Но не всѣхъ одинаково поучаетъ Христосъ; Онъ всегда сообразуется съ душевнымъ настроеніемъ и индивидуальными особенностями поучаемаго. Проповѣдуя всѣмъ вообще вѣрующимъ евангеліе Царствія Божія, Онъ предъ нѣкоторыми чистыми и воспримчивыми сердцами раскрываетъ глубочайшія тайны религіи. И не всѣмъ въ одинаковой формѣ передаетъ свое ученіе: народу говоритъ Онъ притчами, въ тѣсномъ кружкѣ учениковъ Своихъ ограничивается прямыми изреченіями. При этомъ въ изложеніи истинъ Онъ соблюдалъ строгую послѣдовательность, постепенно переходя отъ простаго и легкаго къ болѣе сложному и трудному: даже ученикамъ своимъ Онъ открываетъ каждый разъ столько, сколько они въ состояніи вмѣстить. Разлучаясь съ учениками, Онъ много имѣетъ сообщить имъ, но такъ какъ всего они не способны были усвоить, то Онъ обѣщаетъ имъ Духа Утѣшителя, Который прійдетъ и наставитъ ихъ на всякую истину.

Всѣ притчи Спасителя полны глубокихъ и разнообразныхъ педагогическихъ идей. *Притча о Стяпателѣ* разъясняетъ намъ многіе важнѣйшіе педагогическіе вопросы, на примѣръ: отчего зависятъ неодинаковыя успѣхи

учащихся въ одной и той же школѣ, подъ руководствомъ однихъ и тѣхъ же учителей и на почвѣ одной и той же науки. *Притча о Добромъ Пастырѣ* показываетъ намъ различіе между воспитателемъ по призванію и воспитателемъ-наемникомъ, но она же указываетъ намъ и приемы воспитанія, на примѣръ, близкое знаніе учителемъ, глашающимъ по имени своихъ учениковъ (индивидуализмъ воспитанія). Кто не любитъ дѣтей, ведетъ дурную жизнь, полную соблазна и порока, кто не вѣруетъ въ Бога и Господа нашего Иисуса Христа, пусть устранитъ себя отъ святаго дѣла воспитанія и не препятствуетъ другимъ трудиться на этомъ поприщѣ. *Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ*, говорилъ Онъ. А кто рѣшилъ принять на себя великое званіе учителя, тотъ долженъ отдаться ему всѣмъ существомъ своимъ, помня, что обученіе тѣсно связано съ воспитаніемъ, что слово и дѣло, ученіе и жизнь должны быть нераздѣльны: великимъ назовется въ царствіи небесномъ только тотъ, кто не только научитъ, но и сотворитъ, т. е., примѣромъ собственной жизни оправдаетъ преподаваемое ученіе. Такой воспитатель непрестанно долженъ обращаться къ своему вѣчному Учителю съ вопросами пытливаго юноши: *что сотворю, да животъ вѣчный наслѣдую?* Онъ долженъ памятовать и Его повелѣніе: *идите, научите всѣ народы, крестя ихъ*.

Основныя начала педагогики, преподаванныя Иисусомъ Христомъ. Своимъ ученіемъ Иисусъ Христосъ преподавалъ намъ вѣчныя основы педагогики. Онъ освятилъ семью, какъ Богомъ установленное воспитательное учрежденіе. Бракъ въ христіанствѣ получилъ высшее духовное свое значеніе, уравнены нравственныя права мужа и жены; женщины указаны ея обязанности какъ супруги, матери и естественной руководительницы воспитанія дѣтей ранняго возраста. Между родителями и дѣтьми установлены отношенія въ духѣ христіанской любви: отецъ съ радостью долженъ принимать въ свои объятія кающагося сына. Но въ то же время, остерегая отъ ложной любви къ дѣтямъ, изъ-за которой родители забываютъ о своихъ высшихъ обязанностяхъ къ Богу, Христосъ напоминаетъ, что *любящій сына или дочь болѣе Его, недостойнъ Его* (Мѣ. X, 37).

Иисусъ Христосъ точно опредѣлилъ достоинство и назначеніе дѣтей. Онъ съ любовію призывалъ ихъ къ себѣ и, обнявъ, возлагалъ руки на нихъ и благословлялъ ихъ

(Марк. X, 16). *Таковыхъ, говорилъ Онъ, есть царствіе Божіе* (Марк. X, 14). *Кто приметъ одного изъ малыхъ сихъ во имя Мое, тотъ Меня приметъ. Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующаго въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему жерновный камень на шею и бросили его въ море* (Марк. IX, 42). *Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ, ибо сказываю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѣ. XVIII, 10). Подражаніе идеальнымъ свойствамъ и совершенствамъ дѣтской природы составляетъ главное условіе спасенія человѣка. Ибо только тотъ, кто умалится, какъ дитя, тотъ и большій въ Царствѣ небесномъ (Мѣ. XVIII, 4). *А кто не приметъ Царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него* (Марк. X, 15). И въ этомъ случаѣ Иисусъ Христосъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ такія свойства и черты дѣтской природы, какъ невинность и простота, чистосердечіе и искренность, незлобіе, смиреніе и скромность, откровенная прямота, воспримчивость къ прекрасному и божественному. Вотъ почему увѣщевалъ Онъ и учениковъ своихъ, чтобы они *обратились и были, какъ дѣти и уподобились имъ*.

Кромѣ того Иисусъ Христосъ установилъ нравственныя права и каждаго человѣка въ отдѣльности: исчезли касты, рабы, варвары; явились люди Божіи, дѣти, братья и притомъ безъ всякаго различія національностей, званій, половъ и состояній. Христіанское воспитаніе обнимаетъ какъ физическую природу человѣка, такъ и духовную: но духовное воспитаніе оно ставитъ выше физическаго, ибо *какая польза человѣку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душу свою повредитъ* (Мѣ. XVI, 26). *Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ..., но собирайте себѣ сокровища на небѣ... Ибо гдѣ сокровища ваши, тамъ будетъ и сердце ваше* (Мѣ. VI, 19—21). *Ищите прежде царства Божія и правды Его — и это все (земное) приложится вамъ* (Мѣ. VI, 33). *А царство Божіе не пища и не питіе, но праведность и міръ, и радость во Св. Духѣ*. Таковы основы и задачи истиннаго образованія по ученію Христа Спасителя нашего.

Основные начала воспитанія по изъясненію св. апостоловъ.

Апостольскія наставленія и заповѣди о воспитаніи. Слѣдуя Иисусу Христу, требовавшему отъ своихъ

слушателей испытывать Писанія, апостолы также требовали разумнаго и основательнаго изученія Богооткровенныхъ истинъ отъ своихъ учениковъ (Тим. IV, 13—16), чтобы они способны были *посрамить противниковъ* (1 Тим. 2, 8) и *научить другихъ истинѣ* (2 Тим. 2, 2), готовы были *дать отвѣтъ всякому, ищущему доказательствъ христіанскаго вѣроученія* (1 Петр. III, 15), чтобы они *утверждались, укоренялись и укрѣплялись въ вѣрѣ* и чтобы никто не могъ увлечь ихъ ложною философіею и пустымъ обольщеніемъ по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу (Колос. 2, 7, 8).

Въ концѣ III в. въ Сирійской церкви стали извѣстны такъ называемыя *апостольскія заповѣди о воспитаніи*, содержащія въ себѣ древнѣйшія постановленія церкви восточной. Въ нихъ преподаются слѣдующія педагогическія совѣты и наставленія: „Отцы, воспитывайте дѣтей вашихъ въ страхѣ и назиданіи Господнемъ. Научайте ихъ слову Божію, заставляйте изучать Священное Писаніе еще съ малолѣтства. Пусть дѣти ваши не уклоняются отъ пути добродѣтели и не предаются своеволю. Послушаніе родителямъ да будетъ постояннымъ спутникомъ жизни дѣтей вашихъ; не допускайте, чтобы они дѣлали что-либо вопреки волѣ вашей. Всякое своеволіе и непопозволенная шалость да будутъ наказаны мѣрами строгими. Не позволяйте дѣтямъ собираться на пирушки съ сверстниками. Кто нерадитъ о воспитаніи сына своего, тотъ ненавидитъ собственное дитя. Пусть знаютъ и родители, что за своихъ согрѣшившихъ дѣтей они дадутъ отвѣтъ въ день суда предъ Господомъ Богомъ“.

Нравственныя основы семьи. Самую естественную основу для воспитанія дѣтей представляетъ семья. Поэтому, какъ Иисусъ Христосъ, такъ и Его апостолы обращали особенное вниманіе на правильную постановку семейной жизни и на установленіе надлежащихъ отношеній между различными членами семьи.

Бракъ, по ученію апостоловъ, есть таинство, и апостолы устанавливають между мужемъ и женою такія отношенія, въ какихъ находятся Иисусъ Христосъ и Его церковь. И *какъ церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ должны повиноваться во всемъ. А мужья въ свою очередь должны возлюбить своихъ женъ, какъ и*

Христость возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее (Еф. V, 25). Но, будучи главою жены, мужъ долженъ быть не властелиномъ и повелителемъ ея, какъ это было въ языческомъ мѣрѣ, а попечителемъ и покровителемъ, какъ слабѣйшаго существа; жена же должна быть не рабою, но другою, помощницею и спутницею жизни своего мужа. Жены должны повиноваться своимъ мужьямъ, какъ Господу. При этомъ освященъ законъ единобрачія и предписано жеиъ не разводиться съ своимъ мужемъ, а мужу не оставлять своей жены. Дитя въ семьѣ, по ученію христіанскому, есть даръ Божій, а чадородіе есть знакъ особеннаго благословенія Божія. Родители поэтому должны смотрѣть на дѣтей своихъ, какъ на врученныя имъ для воспитанія отъ Бога души, за которыя они дадутъ отвѣтъ передъ Господомъ. Въ основѣ нравственныхъ отношеній между дѣтьми и родителями должна быть любовь, подобная той, какая обнаруживается въ отношеніи Бога къ людямъ. При такой любви не будетъ мѣста несправедливости, суровости, произволу; воспитаніе будетъ отличаться свойствами самой любви—долготерпѣніемъ, нѣжностью, безкорыстіемъ, постоянствомъ, самопожертвованіемъ и т. п. (Еф. VI, 4).

Дѣти въ свою очередь должны повиноваться своимъ родителямъ. Побужденіемъ къ этому должны быть не страхъ предъ наказаніемъ и не своекорыстные расчеты, но сердечная любовь и страхъ Божій. *Дѣти, повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душахъ вашихъ, какъ обязанные дать отчетъ* (Евр. XIII, 17). *Почитай отца своего и мать; это первая заповѣдь съ обѣтованіемъ; да будетъ тебѣ благо, и будешь долготеленъ на землю* (Еф. 6, 2). *Дѣти, будьте послушны родителямъ вашимъ во всемъ, ибо сіе благоугодно Господу* (Кол. 3, 20). *Если же какая вдовица имѣетъ дѣтей или внучатъ, то они прежде пусть учатся почитать свою семью, и воздавать должное родителямъ, ибо сіе угодно Богу* (1 Тим. 5, 4).

Хозяева должны обращаться съ слугами кротко, чело-вѣколюбовно и снисходительно (Еф. 6, 9). Въ этомъ отноше-ніи дѣти должны брать примѣръ съ своихъ родителей. Къ старшимъ они должны быть почтительны, не укоряя ихъ и вставая предъ лицомъ сѣдаго.

Идеаль и практика воспитанія у апостоловъ.

Идеаль христіанскаго воспитанія кратко выраженъ въ слѣдующихъ словахъ апостола Павла: *Ты изъ дѣтства знаешь священные писанія, которыя могутъ умудрить тебя во спасеніе, върою въ Христа Иисуса. Все писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій человекъ, ко всякому добродѣлу приготовленъ* (2 Тим. III, 15—17). Въ этихъ словахъ обозначены главнѣйшія черты христіанскаго воспитанія.

Цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы чело-вѣкъ былъ совершенъ и былъ приготовленъ ко всякому добродѣлу: христіанинъ долженъ быть воспитываемъ, какъ Божій человекъ. Идеаломъ воспитанія женщины должны быть *не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотыя уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человекъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа* (1 Петр. 3, 3—4).

Средствами воспитанія должны служить—ученіе, обличеніе, исправленіе и наставленіе; причемъ эти средства должны отличаться гуманностью. *Отцы, говорите апостоль, не раздражайте дѣтей вашихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ* (Еф. 6, 4). Источникъ воспитанія—Священное Писаніе; внѣ Богооткровеннаго ученія, а слѣдовательно и внѣ церкви Христовой правильно поставить воспитаніе невозможно. Воспитаніе должно начаться съ вѣры, а вѣра постепенно должна обнаруживаться въ дѣлахъ. Ученіе должно быть направлено къ тому, чтобы дѣти *познали, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная* (Рим. XII, 2) и научились исполнять эту волю. Воспитаніе такимъ образомъ не должно быть отдѣляемо отъ ученія.

Истинный воспитатель самъ долженъ быть образцомъ для воспитываемыхъ. Только о языческихъ наставникахъ Апостоль говорилъ: *Ты учишь другихъ, а не учишь себя самого; проповѣдуешь не красть, а самъ крадешь* (Рим. 2, 21). Отъ учителя и воспитателя христіанскаго требуется самоотверженіе и вѣра въ свое дѣло и высшую помощь. *Я потрудился болѣе всѣхъ, говоритъ апостоль, не я, впрочемъ, а благодать Божія, которая со мною* (1 Кор. 15, 10). Отношенія между учителемъ и его учениками должны быть

основаны на любви. Ученики св. апостола Павла готовы были исторгнуть очи свои и отдать ему (Гал. 4, 15), а онъ въ свою очередь готовъ былъ лишиться царства небеснаго за своихъ единоплеменниковъ (Рим. 9, 3).

Наставники должны быть мудрыми въ примѣненіи своихъ воспитательныхъ мѣръ: дѣтей питать дѣтскою пищею, взрослымъ преподавать возвышенныя истины. Ставя общую для всѣхъ цѣль воспитанія, апостолы признаютъ важнымъ сохраненіе и индивидуальныхъ дарованій воспитываемыхъ. Хотя всѣ христіане составляютъ одно во Христвѣ Иисусѣ, но *дары ихъ различны*.

Христіанскій идеалъ воспитанія и воспитателя апостолы старались осуществить на практикѣ. Въ силу даннаго Христомъ повелѣнія, они безбоязненно проповѣдывали Евангеліе по всему міру. По примѣру Иисуса Христа и ветхозавѣтныхъ пророковъ, они собирали вокругъ себя даровитыхъ мужей и, научая ихъ истинамъ христіанства, посылали ихъ повсюду для обращенія іудеевъ и язычниковъ. Допущеніемъ *крещенія младенцевъ* совершень церковію великій актъ христіанскаго воспитанія: помимо общаго воспитательнаго вліянія христіанской среды, на крещенныхъ дѣтяхъ съ того времени почилъ благодать Св. Духа, таинственно охранявшая младенческія души отъ зла и укрѣплявшая ихъ въ началахъ правды, мира и радости.

Первая христіанская община.

Первые христіане образовали церковную общину, члены которой были связаны между собою узами вѣры и братской любви: у нихъ было *одно сердце и одна душа*. Духовная связь членовъ первенствующей церкви вскорѣ нашла для себя соотвѣтствующее выраженіе и во внѣшнемъ своемъ устройствѣ. Во главѣ христіанской общины стала церковная іерархія и епископы, какъ непосредственные преемники апостоловъ. Епископъ, какъ глава церкви, завѣдывалъ всѣми дѣлами, касающимися внутренняго и внѣшняго ея состоянія. Онъ хранилъ церковное имущество, заботился о бѣдныхъ и больныхъ и наблюдалъ за всѣмъ строемъ и теченіемъ христіанской жизни. Епископъ, какъ представитель своей общины, принималъ участіе въ соборахъ, гдѣ были обсуждаемы общія христіанскія дѣла и издаваемы законы,

касающіеся всей христіанской церкви. Предметомъ же особенныхъ заботъ епископа, какъ высшаго представителя іерархіи, было распространеніе христіанской вѣры и укорененіе ея въ сердцахъ и умахъ вѣрующихъ.

Семья въ первенствующемъ христіанствѣ. Въ первое время у христіанъ вовсе не было школъ, чрезъ которыя могло бы распространяться и насаждаться ученіе вѣры Христовой. Главными орудіями христіанскаго ученія служили: живое слово проповѣдниковъ и еще болѣе живой примѣръ чистой, добродѣтельной жизни въ христіанскихъ семействахъ. *Христіанская семья*, созданная на началахъ, возвѣщенныхъ Иисусомъ Христомъ и Его св. апостолами, на долгое время остается единственною школою воспитанія истинныхъ членовъ Церкви. Домашняя жизнь пріобрѣла печать церковности: совмѣстное духовное пѣніе и совмѣстное чтеніе Священнаго Писанія стали постояннымъ упражненіемъ членовъ семьи. *Женщина* заняла свое подобающее мѣсто въ семьѣ. „Было время, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, когда жены стояли наравнѣ съ мужчинами, теперь же наоборотъ. Посмотрите, что совершилось съ пришествіемъ Иисуса Христа. Женщины превосходятъ насъ въ благородствѣ, христіанскомъ усердіи и благочестіи, въ любви ко Христу, освободившему ихъ отъ проклятія“. Говоря далѣе о взаимныхъ отношеніяхъ мужа и жены, Тертуллианъ восклицаетъ: „Какой тѣсный и сердечный союзъ между двумя вѣрующими, у которыхъ одна надежда, одно стремленіе, одинаковый образъ жизни, одно служеніе Господу. Какъ братъ и сестра, они живутъ въ полномъ мирѣ и согласіи; они вмѣстѣ молятся и постятся, взаимно другъ друга наставляютъ и увѣщаютъ, другъ друга во всемъ поддерживаютъ; они вмѣстѣ во храмѣ, вмѣстѣ у Причастія; они дѣлятъ другъ съ другомъ радости и горести, никто изъ нихъ ничего не скрываетъ отъ другого“. Христіанская женщина первыхъ вѣковъ была украшена всѣми возможными для нея добродѣтелями, такъ что даже языческій ораторъ Ливаній, не находя словъ для восхваленія ея нравственныхъ качествъ, невольно воскликнулъ: „Что за жены у христіанъ!“.

Христіанское дитя сдѣлалось предметомъ сердечнаго попеченія первенствующей Церкви, семьи и общества. При воспитаніи дѣтей у христіанскихъ родителей строгость

всегда соединялась съ любовью. Обсуждая поступки дѣтей, родители всегда указывали на загробную жизнь, откуда всѣ христіане должны ожидать награды и наказаній. Физическія наказанія употреблялись въ крайнемъ случаѣ. Простота была всегдашнимъ украшеніемъ первобытной христіанской семьи. Пища и одежда были всегда самая простая. Особенное вниманіе родители обращали на то, чтобы дѣти не столько заботились о своей наружности, сколько о своихъ внутреннихъ качествахъ. Дочери учились у матерей своихъ прясть, ткать, шить, а сыновья—ремеслу своего отца.

Продажа дѣтей или безсердечное уничтоженіе уродливыхъ и слабыхъ изъ нихъ, практиковавшееся даже въ языческой Спартѣ, стало теперь тяжкимъ преступленіемъ. *Сироты и подкидыши* находили себѣ пріютъ для воспитанія. Мѣстные соборы настоятельно обязывали епископовъ и церковныя причты заботиться о сиротахъ и подкидышахъ, поручая ихъ на воспитаніе въ семьи. Когда же дѣти лишались своихъ родителей, вслѣдствіе ихъ мученической кончины, то всѣ заботы о нихъ принимали на себя христіанскія общины, которымъ они принадлежали, или же благочестивыя христіанскія дѣвы. Вслѣдствіи стали возникать особыя благотворительныя, *сиротскія заведенія*; въ IV вѣкѣ уже былъ такой домъ въ Константинополѣ, а въ XIII вѣкѣ въ Миланѣ.

Мать и ея вліяніе въ первенствующей церкви.
Первое мѣсто по силѣ воспитательнаго вліянія въ семьѣ принадлежало *матери*. Материнская любовь во всей своей силѣ обнаружилась только въ христіанствѣ. Мать и дѣти стали именами любви, словами нѣжныхъ отношеній и узами природы. Материнское чувство нашло здѣсь для себя такое высокое и глубокое выраженіе, какого оно никогда не имѣло раньше. Богоматерь съ младенцемъ Иисусомъ на рукахъ—это такой величественный образъ, который постоянно предносился христіанской женщинѣ, внушая ей чувство материнскаго призванія и воодушевляя ее на жизнь и смерть ради своего дѣтища. Богоматерь, какъ идеаль женщины, стала предметомъ подражанія для матери-христіанки.

Исторія первенствующей церкви украсилась цѣлымъ рядомъ великихъ христіанскихъ матерей, воспитавшихъ

славныхъ дѣтей. Такъ, благочестивая Нонна, просвѣтивъ свѣтомъ христіанскаго ученія язычника-мужа, воспитала въ духѣ вѣры Христовой сына своего, вслѣдствіи великаго учителя христіанской церкви, Григорія Назіанзина. Анеуса, уже будучи вдовою, всю свою жизнь посвятила на воспитаніе сына своего Іоанна, прозваннаго потомъ Златоустымъ за его необыкновенныя ораторскія дарованія. Моника, мать блаженнаго Августина, при воспитаніи сына преодолеваетъ всѣ препятствія со стороны мужа своего и полагаетъ такое глубокое основаніе христіанскому образованію его, которое не могло быть уничтожено среди самыхъ страшныхъ бурь жизни послѣдняго. То же должно сказать и о всѣхъ вообще христіанскихъ матеряхъ. Чтобы привить къ своимъ дѣтямъ добрыя навыки, родители постоянно брали съ собою ихъ на богослужебныя собранія и посѣщали вмѣстѣ съ ними больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ. А въ тѣхъ семействахъ, которыя были лишены благотворнаго вліянія матери, ея мѣсто часто занимала старшая сестра, нерѣдко ради воспитанія младшихъ сестеръ и братьевъ отказывавшаяся отъ замужества и своего семейнаго счастья. Такова была св. Макрина, старшая сестра св. Василия Великаго.

Огласительныя училища (Катехуменаты).

Постоянное умноженіе обращаемыхъ и потребность въ ихъ назиданіи создали въ первенствующей церкви особаго рода просвѣтительныя учрежденія, извѣстныя подъ именемъ *катехуменатовъ* (огласительныхъ училищъ), въ которыхъ не только дѣти, но и взрослые язычники безъ различія пола, сословія и національности, желавшіе вступить въ церковь христіанскую, получали наставленія въ христіанской вѣрѣ и подготовлялись къ принятію крещенія. Огласительныя училища первоначально помѣщались въ домахъ христіанскихъ учителей, а вслѣдствіи, когда явилась возможность, были устрояемы для нихъ особыя помѣщенія въ притворахъ храмовъ, при крещальняхъ. Учители назывались *катехетами* (огласителями), а ученики—*катехуменатами* (оглашенными). Ученіе было преподаваемо въ формѣ устныхъ бесѣдъ и въ общей своей системѣ составляло то, что намъ извѣстно подъ именемъ *катихизиса*.

Такимъ образомъ, огласительныя училища имѣли исключительно религіозно-просвѣтительный характеръ, и иныхъ христіанскихъ школъ въ первенствующей церкви не существовало. Обучение чтенію, письму, счету и разнымъ свѣтскимъ наукамъ и искусствамъ было введено въ школахъ языческихъ, куда въ первое время отдавали своихъ дѣтей и христіане. Многіе христіанскіе юноши посѣщали и высшія языческія школы, гдѣ изучали языческую философію и древнихъ классиковъ. Выдающіеся христіанскіе учителя первыхъ вѣковъ, каковы Григорій Богословъ, Василиій Великій, Іоаннъ Златоустъ получили свое образование въ языческихъ школахъ.

Протогенъ, какъ первый школьный христіанскій учитель.

Въ виду вреднаго вліянія языческихъ школъ на христіанское юношество, многіе изъ отцовъ церкви съ опасеніемъ смотрѣли на то, что христіанскія дѣти обучались въ школахъ языческихъ, и настойчиво требовали учрежденія христіанскихъ школъ въ возможно большемъ числѣ. Это было ближайшею причиною того, что уже къ концу I в. стали возникать и собственныя христіанскія школы, въ которыхъ дѣти могли обучаться не только истинамъ вѣры, но и разнымъ наукамъ. Первымъ школьнымъ христіанскимъ учителемъ былъ нѣкто *Протогенъ*. Занимаясь преподаваніемъ высшихъ наукъ въ Эдессѣ, онъ въ то же время открылъ здѣсь школу и для дѣтей. По его примѣру такія же школы стали открываться повсюду въ христіанскихъ общинахъ. Наученіе молитвамъ, пѣніе псалмовъ, чтеніе и письмо были главными предметами обученія въ этихъ первыхъ христіанскихъ народныхъ школахъ.

Александрійская школа и ея главнѣйшіе представители.

Нѣкоторые изъ первоначальныхъ огласительныхъ училищъ достигли высокой степени своего процвѣтанія и славы. Въ ряду такихъ школъ, имѣющихъ важное историческое значеніе, особенно выдѣлялись *Александрійская* и *Антіохійская*.

Основателемъ Александрійской школы, по преданію, былъ евангелистъ Маркъ. Сначала она служила для образо-

ванія христіанскихъ дѣтей и для приготовленія оглашенныхъ къ крещенію; но вскорѣ явилась необходимость расширить кругъ преподаванія и готовить христіанъ къ борьбѣ съ образованными язычниками.

Александрійская школа находилась въ г. Александріи, бывшей въ то время центромъ всемірной образованности. Все, что было выдающагося въ области литературы, науки, философіи, религіи соединилось въ Александріи. Знаменитый ея музей и библіотека привлекали ученыхъ со всего свѣта. Здѣсь встрѣчались какъ языческіе философы различныхъ школъ, такъ и еретики. Вслѣдствіе этого послѣ гоненій на христіанъ, выразившихся въ страшныхъ физическихъ мученіяхъ, со стороны александрійскихъ ученыхъ поднимаются нападки научныя. Но, благодаря развитію школъ въ Александріи и Антіохіи, христіанство достаточно уже окрѣпло для того, чтобы вступить въ борьбу съ языческими учеными не только безъ боязни и опасеній, но и съ надеждою одержать побѣду. Что касается направленія александрійской школы, то въ ней преобладалъ идеализмъ, выразившійся въ формѣ *аллегоризма* и *мистицизма* въ толкованіи св. Писанія и отвлеченныхъ умозрѣній въ разрѣшеніи догматическихъ вопросовъ. Представители этого направленія старались примѣняться къ образу пониманія просвѣщенныхъ грековъ, обращеніе которыхъ въ христіанство они ставили своею цѣлю. Поэтому при раскрытіи истинъ они пользовались нерѣдко греческой философіей, сами изучали ее и не отвергали того, что въ языческихъ системахъ было достойно уваженія. Многіе изъ учителей этой школы сами получили образование въ философскихъ школахъ, убѣдившись собственнымъ опытомъ въ превосходствѣ христіанскаго ученія предъ философскимъ знаніемъ, предлагали тотъ же путь вѣры и другимъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ сложилось убѣжденіе, что мудрость языческая есть естественное откровеніе Господа, просвѣщавшаго іудеевъ чрезъ откровеніе сверхъестественное, чтобы хотя и разными путями, но привести и тѣхъ и другихъ къ одной цѣли: къ вѣрѣ въ Иисуса Христа и къ принятію Евангелія.

Пантенъ. Первымъ по времени выдающимся представителемъ Александрійской школы былъ *Пантенъ* (189—195 г.) По словамъ историка Евсевія, это былъ мужъ высокаго ума и обширной учености, основательно изучившій не только

богословскія науки, но и языческую философію. Первоначально онъ принадлежалъ къ школѣ стоиковъ, но, ознакомившись съ ученіемъ Евангелія, сталъ ревностнымъ христіанскимъ миссіонеромъ, проповѣдывавшимъ Христово ученіе даже въ Индіи. За свою ученость и педагогическую опытность онъ поставленъ былъ главою Александрійской школы, въ которой долгое время подвизался въ качествѣ ея учителя и воспитателя. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточно точныхъ свѣдѣній о характерѣ его педагогической дѣятельности.

Климентъ Александрійскій и его педагогическія воззрѣнія. Преемникомъ Пантена въ Александрійской школѣ былъ ученикъ его *Климентъ Александрійскій* († 217 г.). Климентъ былъ сынъ язычника-сенатора и получилъ блестящее образованіе въ высшихъ языческихъ школахъ. Не находя полного духовнаго удовлетворенія въ языческой философіи, онъ сталъ искать его въ христіанствѣ и съ этой цѣлю предпринималъ далекія путешествія на Востокъ и Западъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ христіанскимъ ученіемъ изъ бесѣды съ мужами, которые сохранили чистое преданіе вѣры отъ временъ апостольскихъ.

Климентъ первый сдѣлалъ попытку систематическаго изложенія основнѣхъ началъ христіанской педагогики. Въ своемъ сочиненіи „*Педагогъ*“ онъ изображаетъ Самого Христа подъ видомъ педагога и въ лицѣ Его представляетъ намъ идеальнаго воспитателя. „Нашъ Педагогъ, говоритъ онъ, подобно Богу, Отцу Своему, безгрѣшенъ, безупреченъ; Его душа совершенно свободна отъ страстей. Это безупречный нашъ идеаль, къ духовному сходству съ которымъ мы считаемъ своею обязанностью изъ всѣхъ силъ стремиться“. Представляя Христа общечеловѣческимъ Педагогомъ, Климентъ разумѣетъ подъ воспитываемыми всѣхъ людей. „Дѣти—это мы“ и притомъ „безъ различія пола, возраста и состоянія. Называемся же мы дѣтьми потому, что дѣтское состояніе, изображаемое Писаніемъ, за его невинность и нравственную чистоту, идеальнымъ состояніемъ—должно служить предметомъ нашихъ стремленій. У всѣхъ у насъ одинъ Учитель—Христосъ и одинъ Богъ—Отецъ и одна мать—церковь“.

Въ чемъ же состоитъ педагогика Христа? „Педагогика Христа, говоритъ Климентъ, состоитъ въ Божественной ре-

лигии, въ наставленіи; какъ служить Богу, въ обученіи, приводящемъ къ познанію истины“. Воспитываетъ же Христосъ слѣдующимъ образомъ: „Какъ полководецъ потому держитъ всѣхъ въ порядкѣ, что заботится о здоровьѣ солдатъ, и какъ кормчій правитъ кораблемъ, имѣя въ виду сохранить жизнь путешествующихъ; такъ и Педагогъ нашъ, въ любвеобильной заботливости о насъ, своихъ дѣтяхъ, учитъ насъ такому образу жизни, который ведетъ насъ ко спасенію“. И „подобно тому, какъ кормчій не всегда слѣдуетъ за вѣтромъ, но направляетъ носъ корабля также и противъ вѣтра и противоборствуетъ всякимъ бурямъ: подобнымъ образомъ и нашъ Педагогъ не соображается съ правами и обычаями, господствующими въ этомъ мірѣ, и не представляетъ имъ своего питомца на произволь, какъ какую-нибудь ладью“. Педагогъ внушаетъ питомцу, чтобы онъ держался твердо единственнаго вѣтра—истины, доколѣ бережно взлелѣяннымъ дитятей не войдетъ онъ въ гавань небесную“.

Главная *цѣль* воспитанія, указанная Педагогомъ-Христомъ,—это *нравственное усовершенствованіе и вѣчное спасеніе*. Въ зависимости отъ этой цѣли находятся и *педагогическія средства*. Вѣра должна лежать въ основаніи всякаго знанія. „Нѣтъ вѣры, говоритъ Климентъ, безъ знанія, нѣтъ и знанія безъ вѣры. Вѣра есть основаніе знанія; и знаніе есть зданіе, которое разумъ строить на вѣрѣ. Вѣра столь необходима для знанія, какъ дыханіе для жизни“. Въ свою очередь для правильнаго и разумнаго пониманія истинъ вѣры необходима философія и науки. „Какъ земледѣльцы, оросивъ сперва почву, разбрасываютъ по ней сѣмя, такъ и мы орошаемъ доброй влагой философіи души нашихъ учениковъ, дабы они тѣмъ скорѣе могли воспринять въ себя духовное сѣмя“.

Всѣ знанія человѣческія группируются вокругъ философіи, говоритъ Климентъ, какъ вокругъ своей царицы; философія же въ свою очередь должна искать своего вѣнца въ Божественномъ откровеніи. *Философія* должна подчиняться *богословію*, потому что истины вѣры гораздо выше, нежели истины, основанныя на доводахъ разума.

Христосъ-Педагогъ при воспитаніи прибѣгаетъ къ *увѣщаніямъ, порицаніямъ, угрозамъ, благодѣяніямъ*—такъ должны поступать и воспитатели. Христосъ-Педагогъ воспитываетъ людей не однимъ ученіемъ Своимъ, но главнымъ обра-

зомъ примѣромъ собственной жизни; то же требуется и отъ христіанскихъ воспитателей. Педагогъ побуждаетъ къ добродѣтели примѣрами другихъ—и это важная мѣра воспитанія. Въ отношеніи къ людямъ Педагогъ-Христосъ руководится безграничною любовію; тѣмъ же чувствомъ должны руководствоваться и христіанскіе воспитатели. Онъ спасаетъ грѣшниковъ благодатію, и воспитатели должны вести дѣло воспитанія подѣ сънію Церкви и ея благодатныхъ даровъ. Въ дѣлѣ воспитанія Христосъ-Педагогъ всегда принимаетъ во вниманіе нужды воспитываемыхъ; объ этомъ же должны заботиться и всѣ воспитатели. Однимъ словомъ, Христосъ-Учитель есть совершеннѣйшій Педагогъ, Которому во всемъ должны подражать и христіанскіе воспитатели. Таковы главнѣйшія педагогическія наставленія, изложенныя Климентомъ Александрійскимъ въ его разсужденіи „Педагогъ“.

Оригенъ. Преемникомъ Климента Александрійскаго былъ великій учитель христіанской церкви *Оригенъ* (род. 184 † 254 г.). Первоначальное образованіе онъ получилъ отъ своего отца Леонида, который, обучая его свѣтскимъ наукамъ, въ то же время внушилъ ему такую любовь къ Св. Писанію, что для Оригена не было большаго наслажденія, какъ размышлять о глубокихъ и богатыхъ содержаніемъ истинахъ Божественнаго Откровенія. Питая любовь къ богословію, Оригенъ поступилъ въ катихизическую школу Климента, гдѣ въ послѣдствіи, благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ, имѣя 18 лѣтъ отъ роду, занялъ мѣсто учителя. За свое преподаваніе Оригенъ никогда не бралъ платы отъ своихъ учениковъ; но чтобы обезпечить себя содержаніемъ, онъ продалъ полное собраніе классиковъ, собственноручно имъ переписанное, за пожизненную плату по 4 обола (около 20 к.) въ сутки. Оригенъ былъ весьма *плодовитый писатель*: ему принадлежитъ болѣе 6000 отдѣльныхъ литературныхъ произведеній. Онъ могъ одновременно диктовать семь различныхъ сочиненій и ни одно изъ нихъ не теряло отъ этого своихъ достоинствъ. Оригенъ велъ жизнь строгаго аскета: онъ постился, мало спалъ, вовсе не пилъ вина и никогда не употреблялъ мясной пищи.

Оригенъ былъ замѣчательнымъ христіанскимъ *педагогомъ и великимъ ораторомъ*, приводившимъ въ истинный восторгъ своихъ слушателей. Основнымъ *принципомъ* Оригена было не учить ничему такому, чего онъ самъ не осуществилъ сначала въ собственной жизни и такимъ образомъ оказывать вліяніе на своихъ учениковъ не только словомъ, но и примѣромъ.

Прежде чѣмъ приступать къ преподаванію, Оригенъ обыкновенно испытывалъ знанія своихъ учениковъ и исправлялъ замѣченныя въ нихъ ошибки. Потомъ, чтобы надлежащимъ образомъ подготовить ихъ къ усвоенію религиозныхъ истинъ, онъ преподавалъ имъ свѣтскія науки: діалектику—для развитія ума, геометрію, какъ самую точную науку, астрономію—для ознакомленія съ тайнами міро-

зданія, и естествознаніе—для того, чтобы внушить ученикамъ разумное отношеніе къ природѣ. Оригенъ требовалъ далѣе отъ своихъ учениковъ, чтобы они ознакомились съ сочиненіями древнихъ философовъ и поэтовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые отрицаютъ Божественное промышленіе. Затѣмъ Оригенъ ознакомилъ ихъ съ правоту ученіемъ. Особенно же онъ требовалъ отъ нихъ вниманія къ самимъ себѣ и попеченія о своей душѣ болѣе всего. Послѣ этихъ подготовительныхъ занятій Оригенъ вводилъ, наконецъ, своихъ учениковъ въ самое „святилище“ и раскрывалъ предъ ними священныя книги, какъ садъ, который они должны были обработать; причемъ въ толкованіи Свящ. Писанія онъ различалъ тройкій смыслъ: буквальный, нравственный и таинственный, по аналогіи съ тройственнымъ составомъ человѣческой природы—тѣломъ, душею и духомъ.

Сущность ученія Оригена заключается въ слѣдующемъ: Богъ есть источникъ свѣта для разума и блаженства для сердца; въ Немъ находится высшее счастье, которое надо постигнуть сердцемъ и осуществить въ жизни. Одна церковь, хранящая Божественное откровеніе, носить въ себѣ сокровища временныя и вѣчныя. Подѣ ея кровомъ истинный христіанинъ долженъ созидать свое спасеніе. Конечная *цѣль воспитанія* у Оригена такъ же, какъ и у Климента,—добродѣтельная жизнь и богоподобіе.

Дидимъ. Александрійская школа при Оригенѣ достигла высшей степени своего развитія и славы; послѣ его смерти она постепенно теряла свое значеніе, пока, наконецъ, къ концу IV в., не пришла въ окончательный упадокъ. Послѣднимъ выдающимся руководителемъ ея былъ слѣпецъ *Дидимъ* (род. 335 † 395), который, лишившись зрѣнія еще въ дѣтствѣ, при помощи мѣдныхъ буквъ и фигуръ, научился читать, считать и писать и достигъ такого широкаго образованія, что выдавался въ послѣдствіи среди современниковъ познаніями не только въ Св. Писаніи, діалектикѣ, грамматикѣ, риторикѣ, поэзи, но даже въ астрономіи и музыкѣ. Слѣпецъ—Дидимъ представляетъ собою первый примѣръ обученія слѣпыхъ.

Антиохійская школа и ея представители.

Въ то время, когда александрійская школа стала утрачивать свое значеніе, нѣкоторые изъ ученыхъ пресвитеровъ (Дороеей, Лукіанъ) въ концѣ III в. положили основаніе такой же научно-богословской школѣ въ Антиохіи. *Антиохійская школа* достигла своего процвѣтанія въ IV в. Направленіе ея было отлично отъ направленія школы александрійской. Тогда какъ въ послѣдней преобладалъ идеализмъ, въ антиохійской, наоборотъ, господствовалъ *реализмъ*, усматривавшій въ Св. Писаніи преимущественно буквальный смыслъ и требовавший простоты и ясности въ пониманіи христіанскихъ истинъ. Изъ знаменитыхъ представителей этой школы отмѣтимъ: св. Василия Великаго и св. Іоанна Златоуста.

Св. Василий Великий (род. 327 † 379) является представителем высшего классического образования, которое он получил в лучших школах Кесарии, Константинополя и Афин, от знаменитейших в то время учителей и философов. Своим блестящим образованием и своими обширными познаниями особенно в области естественных наук он надлежащим образом воспользовался для великого служения христианской церкви. Сначала в сане пресвитера, а потом в сане епископа касарийского, Василий Великий приобрел славу знаменитого проповедника. Толпами стекались к нему простые и знатные люди, а он вдохновенным словом своим учил их возвышаться к Богу чрез созерцание природы, описывал им красоту мироздания и благость Создателя. В особенности же он доказывал всем необходимость воспитания. К жизни, как к великой борьбе, человек должен готовиться путем воспитания — *умственного, нравственного и физического*.

Василий Великий изложил свои педагогические взгляды в двух творениях: а) *Правил для монашествующих* и б) в *Речи к христианским юношам*. В „Правилах“ Василий Великий вмещает монашествующим в особую обязанность заботу о воспитании юношества и при этом предлагает целый ряд правил и наставлений. Он требует, чтобы при всех монастырях были школы, содержимы на монастырские средства: при мужских — школы для мальчиков, при женских — для девочек. Дабы школа не заслужила упрека в чем либо, Василий Великий вмещает монашествующим в обязанность не принимать в нее детей без согласия родителей, только круглых сирот можно принимать без всяких справок. Под школы должны быть отведены особые помещения, в которых должны быть установлены особый, соответствующий детскому возрасту, образ жизни. Будучи самым строгим аскетом, Василий Великий не хотел воспитывать в правилах монастырской жизни юных детей. Общежитие как мальчиков, при мужских монастырях, так и девочек, при женских, должно находиться за оградой обители. Воспитателем должен быть не монах, но светское лицо — пожилой и испытанный в терпении муж, который бы общался с детьми отечески-терпеливо, матерински кротко.

Что касается предлагаемых Св. Василием воспитательных мер, то все они направлены к тому, чтобы приучить питомцев к покорности и самообладанию. Каждый проступок ребенка должен быть наказуем так, чтобы наказание приводило к терпению и душевному спокойствию. Если воспитанник пустословил или обругал кого, если он солгал или сказал что-либо непозволительное, то нужно покарать его молчанием. Невоздержане в пище нужно преодолевать постом, озлобление — примирением и любовью. Учебной книгой должно служить Священное Писание. Вместо миеов следует учить наизусть сказания о чудесах, вместо гномов места из Притчей Соломоновых. Чтобы поддержать внимание детей, необходимо их почаще спрашивать, как понимают они преподаваемое и о чем они думают. В этом случае награды могут служить одним из побуждающих средств. В часы общей молитвы взрослые должны сходиться вместе с детьми, чтобы дети учились молитвам у старших и в свою очередь в благодарности за это возносили бы за них свои молитвы.

Обучение не должно ограничиваться теоретическими науками; мальчики и девочки должны обучаться разного рода ремеслам, как необходимым и полезным для жизни занятиям.

В знаменитой „Речи к христианским юношам“, воспитывавшимся в Афинской академии, св. Василий Великий изложил свой взгляд на то, как христианам нужно пользоваться светскими науками и произведениями языческих писателей. В начале речи Василий Великий доказывает, что цель нашей жизни не есть временное пребывание на земле, а достижение вечной и блаженной жизни на небе. Путь к этой жизни определяет нам лишь Св. Писание. Пока мы по возрасту не можем постигнуть глубину смысла Богооткровенного учения, мы должны изощрять свои умственные способности на человеческих писаниях, как на теньях и в зеркалах. В этом случае мы должны подражать упражняющимся в военном деле, которые сначала посредством упражненной приобретают опытность в движении рук и ног, а потом уже опытом этим пользуются в самых битвах. Нам предстоит величайшая борьба. Нужно приготовиться к ней изучением летописцев, ораторов, философов. Сначала привыкнем смо-

трѣть на отраженіе солнца въ водѣ, чтобы потомъ мы были въ состояніи возвести наши взоры къ самому свѣту.

Но не все безъ различія намъ слѣдуетъ брать изъ свѣтскихъ наукъ, а лишь полезное. „Ибо и пчелы не на всѣ цвѣты садятся, и съ тѣхъ, на которыхъ располагаются, не все стараются унести, но, взявъ, что необходимо для ихъ пользы, прочее оставляютъ нетронутымъ. Точно также и мы, выбравъ изъ свѣтскихъ произведеній, что соответствуетъ нашему высокому духовному предназначенію, не будемъ обращать вниманія на остальное. И, подобно тому, какъ срывая цвѣты съ розоваго куста, мы избѣгаемъ шиповъ, такъ и въ этихъ произведеніяхъ, воспользовавшись полезнымъ, будемъ остерегаться вреднаго“.

Указавъ затѣмъ на Моисея и Данила, изучавшихъ языческую мудрость, св. Василій Великій говоритъ далѣе о томъ, въ какой мѣрѣ христіанскіе юноши могутъ пользоваться изученіемъ языческихъ авторовъ. „Что касается поэтовъ, то у нихъ можно позаимствовать только рѣчи о мужахъ добродѣтельныхъ, чтобы подражать имъ и даже превзойти ихъ въ добродѣтели. Когда же они говорятъ о дурныхъ людяхъ, то закройте глаза и слухъ, потому что знакомство съ дурными рѣчами способствуетъ возникновенію дурныхъ мыслей, пожеланій, и поступковъ“. Изученіе классическихъ писателей имѣетъ важное значеніе и въ томъ отношеніи, что содѣйствуетъ облеченію христіанскихъ истинъ въ изящную форму. Какъ листья дерева покрываютъ собою и украшаютъ его плоды, такъ и внѣшняя ученость служитъ украшеніемъ для души христіанина, драгоценнѣйшій плодъ которой есть истина.

Особенно важное значеніе въ дѣлѣ религиозно-нравственнаго воспитанія св. Василій Великій приписывалъ естественнымъ наукамъ и созерцанію Бога въ прекрасно устроенной вселенной. Созданный міръ, столь художественно изображенный Василиемъ Великимъ въ его знаменитомъ „Шестодневѣ“, для него самого послужилъ источникомъ глубокаго религиознаго восторга, вѣры въ премудрость и благость Божію и любви къ Создателю, все содѣявшему всемогуществомъ своимъ ради человѣка.

Говоря объ искусствахъ, Василій Великій рекомендуетъ не такую музыку, отъ которой „обыкновенно возникаютъ страсти, порождаются рабства и дурныя пожеланія, а такую,

которою пользуясь, Давидъ, творецъ священнѣхъ пѣснопѣній, избавлялъ царя отъ неистовства“. Театры въ ихъ современномъ состояніи св. Василій признаетъ также положительно вредными для христіанскаго юношества.

Св. Іоаннъ Златоустъ и его педагогическія наставленія. Другимъ знаменитымъ представителемъ Антиохійской школы былъ св. Іоаннъ Златоустъ (род. 347 † 407). Іоаннъ Златоустъ происходилъ изъ богатой и знатной семьи. Отецъ его, занимавшій высокій административный постъ, скончался, когда онъ былъ еще младенцемъ, и онъ остался на попеченіи своей матери, которой въ то время не было еще и 20 лѣтъ. Мать его, Анеуса, привязалась къ своему сыну всей своей любящей душой и всю жизнь посвятила на воспитаніе его въ христіанскомъ духѣ. Образование Іоаннъ получилъ въ антиохійскихъ и аеинскихъ языческихъ школахъ. Своими блистательными способностями и превосходными успѣхами онъ удивлялъ товарищей и преподавателей.

Обладая богатымъ ораторскимъ дарованіемъ, Св. Іоаннъ сначала былъ адвокатомъ, но увлеченіе этою дѣятельностью не было продолжительно. Душа его привыкла, какъ онъ самъ выражался, утолять жажду свою у чистыхъ водъ иного Источника. Вскорѣ онъ крестился и, принявъ монашество, всецѣло отдался изученію Священнаго Писанія, молитвѣ и дѣламъ благочестія. Въ 308 году онъ вступилъ въ клиръ, вскорѣ былъ возведенъ въ санъ архіепископа Константинопольскаго и умеръ въ изгнаніи въ 407 году съ послѣдними словами въ своей жизни: „Слава Богу за все“.

Мысли о воспитаніи св. Іоаннъ Златоустъ изложилъ въ своихъ многочисленныхъ „Весѣдахъ“, въ особенности же въ словѣ о „Священствѣ“; причемъ въ раскрытіи идеала христіанскаго воспитанія онъ шелъ двумя путями—отрицательнымъ и положительнымъ.

Отрицательные взгляды св. Іоанна Златоуста на воспитаніе вытекаютъ, главнымъ образомъ, изъ его наблюденія надъ общественною и семейною жизнью, бывшею въ то время въ крайнемъ упадкѣ. Идеалы правды и добра, безкорыстное служеніе ближнимъ, семейныя добродѣтели—все это было чуждо современному воспитанію. Дѣтямъ внушали лишь то, что удаляло ихъ отъ спасенія. Вотъ посмотри прежде всего, говорилъ Златоустъ: „Горе, сказано, смѣющимся (Лук. 6, 25), а вы подаете множество поводовъ къ смѣху. Горе богатымъ

(Лук. 6, 24), а вы только о томъ и стараетесь, чтобы разбогатѣть. *Горе, егда добръ рекуть о васъ вси чловѣцы* (Лук. 6, 26), а вы часто тратите все свое имущество изъ-за славы людской. Опять, поносящій брата своего *повиненъ есть гееннѣ* (Матѣ. 5, 22), а вы считаете слабыми тѣхъ, кто молчаливо сносить обидныя рѣчи отъ другихъ. Христось повелѣваетъ отвращаться брани и распрей, а вы постоянно занимаете дѣтей этими злыми дѣлами. Христось не позволилъ бросать жены, развѣ только за прелюбодѣяніе, а вы пренебрегаете и этою заповѣдію. Клятву онъ запретилъ совершенно, а вы даже смѣтаетесь, когда видите, что это запрещеніе соблюдается. *Любяй душу свою*, сказалъ Господь, *погубитъ ю* (Іоан. 12, 25), а вы всячески вовлекаете ее въ эту любовь. *Аще не отпущаете*, говоритъ Онъ, *чловѣкомъ согрѣшеній ихъ, ни Отець вашъ небесный отпуститъ вамъ* (Матѣ. 6, 15), а вы даже попрекаете дѣтямъ, когда они не захотятъ мстить обидѣвшимъ“.

И худо не только то, что родители внушаютъ дѣтямъ противное заповѣдямъ Христовымъ, но еще и то, что самое нечестіе прикрываютъ благовидными словами, называя „постоянное пребываніе на конскихъ ристалищахъ и въ театрѣ—свѣтскостью, обладаніе богатствомъ—свободою, славолубіе—великодушіемъ, дерзость—откровенностью, расточительность—чловѣколюбіемъ, несправедливость—мужествомъ. Потомъ, какъ будто еще мало этого обмана, вы и добродѣтель называете противными именами: скромность—необразованностью, кротость—трусостью, справедливость—слабостью, смиреніе—рабодѣпствомъ, незлобіе—безсиліемъ“.

И не только словами, но и дѣлами родители часто вселяли въ души дѣтей пагубныя чувства и стремленія. „Они сами строятъ великолѣпные дома, покупаютъ дорогія поля, окружаютъ своихъ дѣтей сонмомъ слугъ, одѣваютъ ихъ въ роскошныя одежды, а чтобы ребенокъ самъ-то былъ хорошъ, душа-то его была чиста, объ этомъ и подумать не хотятъ. *Идеаломъ* современныхъ родителей является желаніе воспитать своихъ дѣтей въ чувствахъ своекорыстія и тщеславія. „Такой то чловѣкъ, говорятъ родители, низкій и изъ низкаго состоянія, усовершенствовавшись въ краснорѣчій, получилъ весьма высокую должность, приобрѣлъ весьма большое имѣніе, взялъ богатую жену, построилъ великолѣпный домъ, сталъ для всѣхъ страшенъ и знаменитъ. Другой говоритъ:

такой-то изучилъ латинскій языкъ, блистаетъ при дворѣ и всѣмъ распоряжается тамъ. Иной опять указываетъ на другого, и всѣ—только на славныхъ и знаменитыхъ, а о прославившихся на небесахъ никто не вспомнить и даже если другой рѣшится напомнить о нихъ, его преслѣдуютъ какъ чловѣка, который все разстраиваетъ“.

Изображая положительными чертами характеръ воспитанія, св. Іоаннъ Златоустъ выясняетъ значеніе религіозно-нравственнаго направленія въ воспитаніи и доказываетъ, что даже и научное образованіе не можетъ имѣть никакого смысла, если оно не будетъ проникнуто религіозно-нравственнымъ характеромъ. Высочайшій образецъ педагогической дѣятельности онъ видитъ въ *примѣрѣ Іисуса Христа*, Который снизошелъ къ чловѣку именно для того, чтобы возвести его къ Себѣ. *Родители* и по самой природѣ своей, и по положенію, должны быть наилучшими воспитателями своихъ дѣтей. „Если бы отцы, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, тщательно воспитывали своихъ дѣтей, то не нужно было бы ни законовъ, ни судилищъ, ни наказаній, ни мученій, ни государственныхъ казней: праведнику законъ не лежитъ“. Но важнѣйшимъ воспитателемъ дитяти является *мать*. Будучи кормильцемъ семьи, отецъ весьма часто отвлекается изъ дому путешествіями и дѣлами общественными, тогда какъ мать, будучи свободно отъ всѣхъ этихъ заботъ, всецѣло можетъ посвятить себя дѣтямъ. Самъ мужъ всегда можетъ находиться подъ вліяніемъ благочестивой и разумной жены.

Религіозно-нравственное воспитаніе *дѣтей* Іоаннъ Златоустъ совѣтуетъ начинать съ самаго ранняго возраста, такъ какъ въ нѣжномъ возрастѣ легче воздѣлывать почву для сѣянія добра и легче исторгать возрастающія на ней плевелы. Дѣтскій возрастъ особенно воспримчивъ къ усвоенію религіозныхъ истинъ: на юномъ сердцѣ вѣра отпечатлѣвается, какъ на воскѣ печать. Дитя уже съ первыхъ дней своей жизни склоняется къ добру или къ злу. И если по этому съ самаго начала ихъ жизни мы предохранимъ ихъ отъ дурного и направимъ къ лучшему, то стремленіе къ добру сдѣлается для нихъ потребностью души и второю природою. „Привычка неодолима, а добродѣтель трудна“

Чему же нужно учить и какъ воспитывать дѣтей? „Когда родилось на свѣтъ дитя, слѣдуй примѣру Анны:

она тотчас принесла своего сына въ храмъ. Какая изъ матерей не пожелала бы, чтобы сынъ ея сдѣлался Самуиломъ? Старайся не о томъ, чтобы образованъ изъ твоего сына искуснаго оратора, но воспитывай его въ духъ христіанской мудрости. Строгое поведеніе требуется, а не умънье хорошо говорить, нравственность, а не сила рѣчи, дѣла, а не слова; только одинъ характеръ можетъ сдѣлать человѣка достойнымъ царствія Божія и обогатить его истинными благами. Не языкъ упражняй, но очищай душу. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы вовсе запретить литературное образованіе, но только хочу предупредить тебя, чтобы не оно одно было предметомъ заботливости. Многіе изъ святыхъ и великихъ мужей были совсѣмъ неграмотны. Истинная мудрость и истинное образованіе, замѣчаетъ Іоаннъ Златоустъ, есть не иное что, какъ страхъ Божій. Не думай, что съ помощію Писанія долженъ образовывать себя одинъ монахъ, ибо въ подобномъ образованіи по преимуществу нуждаются тѣ дѣти, которыя предназначаются для мірской дѣятельности. Какъ въ искусствѣ кормчаго нуждается не столько тотъ, кто постоянно носится по морю, такъ точно можно сказать о монахѣ въ его отношеніи къ мірскому человѣку. Первый находится въ свободной отъ бурь гавани, второму же много приходится бороться съ бурями и теченіями, и если даже ему самому не грозитъ никакая опасность, то онъ долженъ быть всегда готовъ другихъ привести чрезъ Писаніе къ тихому пристанищу“.

Образецъ христіанскаго воспитанія св. Іоаннъ Златоустъ представляетъ наглядно въ лицѣ одного юноши. „У этого юноши, сына богатыхъ родителей, былъ наставникъ, у котораго было только одно дѣло—*образовать его душу*. Примѣромъ своимъ и ученіемъ наставникъ такъ воспиталъ этого юношу, что онъ твердо потомъ шелъ путемъ добродѣтельной жизни, не уклоняясь въ сторону, и явился примѣромъ для своихъ сверстниковъ, которые, смотря на него, дошли до одинаковой съ нимъ ревности къ благочестивой жизни. А порядокъ воспитанія этого юноши былъ такой. Время у него все почти употреблялось на чтеніе священныхъ книгъ; быстро понимая науки, онъ внѣшнему ученію посвящалъ только малую часть дня, а все остальное время занимался молитвою и чтеніемъ божественныхъ книгъ. Да и ночи были свидѣтелями тѣхъ же молитвъ и того же чте-

нія. И одежду онъ сдѣлалъ себѣ изъ волосъ, и въ ней спалъ по ночамъ, выдумавъ ее, какъ мудрое средство къ тому, чтобы скорѣе вставать отъ сна“.

Высокія начала учительства и основныя положенія педагогики, преподавныя св. Василиемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ, упрочили за ними въ церкви христіанской имена „свѣтильниковъ міра, вселенскихъ учителей, столповъ и утвержденія Церкви“.

Сѣверо-Африканская (Карфагенская) школа и главнѣйшіе ея представители.

Отличительною особенностью Сѣверо-Африканской школы нужно признать ея чисто *практическій характеръ*. Ея представители особенно много потрудились надъ установленіемъ правилъ для упорядоченія церковной жизни и практическаго служенія пастырей церкви, а въ сравненіи съ предшествующими школами ея особенностью является то, что нѣкоторые изъ руководителей съ *недовѣріемъ относились къ изученію свѣтскихъ классическихъ писателей*. Главнѣйшими представителями этой школы были: Тертуллианъ, блаженный Іеронимъ, св. Амвросій Медиоланскій и блаженный Августинъ.

Тертуллианъ Карфагенскій и его педагогическія наставленія. Въ ряду учителей Карфагенской школы Тертуллианъ (род. 160 г. † 211) занимаетъ видное мѣсто. Тертуллианъ, сынъ сотника, бывшаго на службѣ проконсула Карфагенскаго. Состояніе отца и выдающіяся природныя дарованія открыли ему путь къ высшему образованію. Твердость христіанъ, невинно преслѣдуемыхъ за свою вѣру и ихъ духовная побѣда надъ гонителями, а также христіанская мысль о царствѣ Правды произвела сильное впечатлѣніе на пылкаго и впечатлительнаго мужа,—и онъ, отказавшись отъ язычества, принялъ христіанство и крестился на 32 г. своей жизни. За свои дарованія и добродѣтельную, строго аскетическую жизнь Тертуллианъ былъ возведенъ въ санъ пресвитера. Около 200 г. онъ впалъ въ монтеизмъ, въ которомъ стремился найти удовлетвореніе своему стремленію къ аскетической жизни, но это паденіе было непродолжительно.

Виновникомъ своего обращенія въ христіанство и истиннымъ руководителемъ религіознаго самовоспитанія каждаго человѣка Тертуліанъ признаетъ *свидѣтельство души*. Душа по природѣ христіанка, говоритъ онъ въ своемъ замѣчательномъ твореніи „*О свидѣтельствѣ души*“, носить въ самой себѣ ясное свидѣтельство о Богѣ, Виновникѣ своего бытія, и питаетъ страхъ къ Нему, какъ своему Отцу. Она непрестанно устремляется къ небу, зная, что тамъ жилище истиннаго Бога, отъ Котораго она произошла, и называетъ Бога, однимъ ему лишь принадлежащимъ именемъ. Великъ Богъ, Богъ милостивъ, Богъ видитъ—вотъ что душа говоритъ намъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ.

Но нужно помнить, что хотя душа и христіанка по своей природѣ, но она не рождается таковою, а становится ею вполнѣдствіи путемъ борьбы съ собою и благодаря христіанскому воспитанію. *Средствами* такой борьбы и воспитанія являются Христосъ Спаситель и его божественное ученіе, примѣръ, постоянная молитва, всемогущая благодать, возрождающая крещеннаго и укрѣпляющая внутренняго человѣка въ его духовной жизни.

Кромѣ души, источникомъ высшаго образованія служитъ Св. Писаніе и Св. Преданіе. „Богъ далъ намъ Св. Писаніе въ помощь для совершеннѣйшаго познанія какъ Его, такъ и Его намѣреній. Мы не нуждаемся въ новомъ источникѣ истины послѣ Евангелія. Вѣруя имъ, мы не хотимъ вѣрить другимъ. Ищите, пока не найдете, вѣруйте, когда нашли“. По мнѣнію Тертуліана, съ принятіемъ христіанства разрѣшаются всѣ вопросы ума и удовлетворяются всѣ потребности духа, такъ что христіанину нѣтъ болѣе никакой нужды заниматься какимъ бы то ни было изслѣдованіемъ вопросовъ жизни и изученіемъ философіи: вся философія въ христіанствѣ. Тертуліанъ убѣждаетъ христіанъ не прельщаться сочиненіями язычниковъ и ихъ поэзіей, которая, лаская слухъ, въ то же время втягиваетъ душу въ омутъ растлѣвающихъ страстей. Съ рѣшительностію осуждаетъ онъ языческую философію; даже о самыхъ великихъ философахъ, напр., о Сократѣ и Платонѣ, Тертуліанъ отзывался съ пренебреженіемъ. Въ этомъ отношеніи Тертуліанъ стоитъ въ прямомъ противорѣчьи съ знаменитымъ учителемъ восточной церкви св. Василиемъ Великимъ. Недоброжелательно отзывался онъ также и объ эстетическомъ

образованіи, которое считалъ совершенно несомѣстимымъ съ духомъ христіанства. По его мнѣнію, стараніе производить что-либо новое помимо того, что даетъ природа, есть дерзость противъ Бога. Осуждая изящныя искусства, Тертуліанъ считаетъ непозволительными для христіанъ и эстетическія удовольствія. Возстаетъ Тертуліанъ также и противъ театральнаго искусства. Комедія, говорилъ онъ, есть школа нечистоты, а трагедія учитъ только жестокости, злочестію и варварству.

Святая жизнь христіанъ, по мнѣнію Тертуліана, служить лучшимъ доказательствомъ превосходства божественнаго ученія Христа предъ языческою философіей. „У язычниковъ, говоритъ Тертуліанъ, постоянныя упражненія въ бояхъ гладиаторовъ, у христіанъ—борьба со своими страстями; языческое распутство побѣждается христіанскимъ цѣломудріемъ, гордость—смирненіемъ, легкомысліе—скромностію“.

Вида пагубное вліяніе языческой женщины на семейную и общественную жизнь, Тертуліанъ съ настойчивостію совѣтуетъ христіанкамъ убѣгать роскоши и подражанія языческимъ женщинамъ. „Простота и цѣломудріе, говоритъ онъ, да будетъ единственнымъ вашимъ украшеніемъ. Занимайте руки ваши пряденіемъ и удерживайте ноги ваши въ домахъ своихъ. Исполняйте мудростію, святостію, чистотою и терпѣніемъ. Терпѣніе служитъ украшеніемъ женъ, славою мужей: оно дорого въ дитяти, достойно похвалы въ юношѣ, плодотворно во всякомъ полѣ, возрастѣ и званіи.“

Бл. Геронимъ и его теорія женскаго воспитанія. Блаженный Геронимъ (340—387) является однимъ изъ знаменитыхъ отцевъ западной церкви. Онъ прославился и своею аскетическою жизнію, и борьбою съ еретическими ученіями, и въ особенности своими твореніями, которыя составляютъ драгоцѣнное достояніе Церкви. Пылкій отъ природы, съ живымъ воображеніемъ, онъ увлекался въ юности своей искушеніями роскошной жизни Рима,—но вскорѣ преодолѣлъ себя и предался ученымъ трудамъ и уединенной молитвѣ. Въ Римѣ онъ былъ суровымъ обличителемъ распущенности нравовъ тамошняго духовенства и собравъ около себя дружину благородныхъ женъ и дѣвицъ, одушевленныхъ желаніемъ исправить нравы римскаго общества, вступилъ въ борьбу съ укоренившимися дурными обычаями.

Это возбудило противъ него вражду всѣхъ, кого не щадилъ онъ въ своихъ бесѣдахъ и посланіяхъ, такъ что онъ принужденъ былъ оставить Римъ. Онъ отправился въ Палестину, гдѣ обойдя всѣ святыя мѣста, избралъ, наконецъ, для себя мѣсто пустынножителства близъ вилеемской пещеры, гдѣ и скончался.

Въ своихъ педагогическихъ твореніяхъ блаженный Иеронимъ разрѣшаетъ преимущественно вопросы о воспитаніи женщины-христіанки. Въ письмахъ къ *Летъ* и *Гавденцію* онъ очень подробно излагаетъ правила христіанскаго воспитанія дѣвочекъ и представляетъ, можно сказать, цѣлую его систему. Сущность педагогическихъ воззрѣній блаженнаго Иеронима, высказанныхъ здѣсь, заключается въ слѣдующемъ.

По ученію блаженнаго Иеронима, обученіе и воспитаніе должны быть тѣсно и неразрывно связаны между собою, причемъ цѣлю ихъ должно быть одновременное развитіе не ума только, но всѣхъ душевныхъ силъ и способностей человѣка. *Главнѣйшее начало*, отъ котораго зависитъ истинное образованіе ума, лежитъ въ *доброй нравственности*. „Въ злохудожную душу не ввидеть премудрость“. Если воля направлена къ добру, то разумокъ самъ собою пойметъ истину. Разумокъ же является какъ бы свѣтильникомъ, при которомъ человѣкъ безошибочно можетъ направлять свою дѣятельность. „Когда голова здорова, говоритъ блаженный Иеронимъ, то и всѣ члены здоровы“. Что касается физической стороны нашей природы, то она должна быть воспитываема въ полномъ подчиненіи духовной. „Тѣло—дитя, а душа—педагогъ“.

Цѣль воспитывающаго обученія заключается въ томъ, чтобы образовать истиннаго христіанина и послушнаго сына святой христіанской церкви. Достиженію этой цѣли, по ученію блаженнаго Иеронима, служить воспитаніе въ насъ *страха Божія* и любви вѣрующаго христіанина. Страхъ Божій есть главная религіозная сила, которая должна проникать и управлять всѣми чувствами и расположеніями приступающаго къ ученію. Составляя начало премудрости и добродѣтели, страхъ Божій всему воспитанію сообщаетъ возвышенный религіозно-нравственный характеръ. Но если страхъ Божій—начало премудрости, то *любовь* есть мать всѣхъ добродѣтелей. Любовь очищаетъ самый страхъ Божій и изго-

няетъ изъ него все ей несвойственное. Любящій соблюдаетъ повелѣнное ему не потому, что его побуждаетъ страхъ наказанія или желаніе награды, но потому, что повелѣваемое Богомъ само въ себѣ есть для него высочайшее благо. И наконецъ, третье чувство на коемъ, по ученію блаженнаго Иеронима, должно утверждаться воспитаніе и которое составляетъ какъ бы дверь, черезъ которую входитъ Иисусъ Христосъ въ душу христіанина, есть глубокая *сердечная вѣра*.

По ученію блаженнаго Иеронима, въ воспитаніи женщины различаются *три отдѣльныхъ періода*, соотвѣтствующіе тремъ различнымъ возрастамъ. Мать есть ближайшая и незамѣнимая воспитательница своихъ дѣтей въ первый періодъ ихъ жизни. Едва обнаружатся въ дитяти первые проблески сознанія, едва оно начнетъ понимать улыбку и голосъ матери и получить способность членораздѣльной рѣчи, для матери наступаетъ время болѣе серьезныхъ заботъ. Наилучшимъ средствомъ воспитанія въ этотъ періодъ его жизни служить примѣръ матери и другихъ окружающихъ его лицъ. „Ибо какъ вода на ровной площади слѣдуетъ за пальцемъ, который впереди ведетъ ее, такъ и мягкій нѣжный возрастъ удобно склоняется и на ту, и на другую сторону и влечется туда, куда его поведешь“. Придавая столь великое значеніе примѣру, блаженный Иеронимъ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы не только мать, но и мамка, и нянька и въ особенности учитель были людьми высокой нравственности и твердыхъ религіозныхъ убѣжденій и чтобы въ ихъ жизни слово отнюдь не расходилось съ дѣломъ.

Съ семилѣтнимъ возрастомъ, по ученію блаженнаго Иеронима, настаетъ пора школьнаго и систематическаго обученія и воспитанія. Главнѣйшимъ средствомъ приобрѣтенія знанія является грамота, а посему изученіе азбуки и должно быть положено въ основу школьнаго образованія. Въ виду важнаго значенія вѣрнаго усвоенія азбуки для сознательнаго чтенія и дальнѣйшаго развитія дѣтей, бл. Иеронимъ не только со всею ясностію указалъ методъ и приемы обученія чтенію и письму, но и начерталъ самую программу дальнѣйшаго чтенія и даже матеріаль для него. Методъ обученія чтенію, предлагаемый блаженнымъ Иеронимомъ, есть методъ буквослагательный; но обученіе должно быть ведено съ помощію изобрѣтенной имъ подвижной азбуки. Одно-

временно съ обученіемъ чтенію блаженный Іеронимъ признаетъ необходимымъ обученіе и письму; при этомъ онъ не только выясняетъ его важность и значеніе, но и указываетъ различные способы письма и предлагаетъ наиболѣе цѣлесообразный методъ обученія ему.

Служа средствомъ религіозно-нравственнаго воспитанія дитяти, ученіе должно быть направлено по преимуществу къ усвоенію предметовъ религіозныхъ. Главнѣйшимъ предметомъ изученія, съ самаго ранняго дѣтства и во все послѣдующее время, должно быть изученіе Свящ. Писанія. Наряду съ чтеніемъ и изученіемъ Свящ. Писанія бл. Іеронимъ находитъ полезнымъ чтеніе и другихъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, каковы: книги апокрифическія, сочиненія отцевъ и учителей церкви и произведенія свѣтскихъ писателей. Впрочемъ къ чтенію всѣхъ этихъ книгъ слѣдуетъ приступать съ строгимъ разборомъ, чтобы не повредить вѣрѣ и нравственности еще не окрѣпшихъ духовно дѣтей. Въ качествѣ вспомогательнаго средства религіозно-нравственнаго образованія бл. Іеронимъ рекомендуетъ религіозныя путешествія по преимуществу къ мѣстамъ, ознаменованнымъ жизнью, ученіемъ и чудесами Господа нашего Іисуса Христа. Чтобы пріучить дитя къ послушанію церкви и внушить ему любовь къ ней, бл. Іеронимъ предписываетъ Летѣ озаботиться тѣмъ, чтобы ея питомица Павла, съ самаго ранняго возраста и какъ можно чаще, посѣщала храмъ Божій.

Образованіе женщины, по ученію бл. Іеронима, не должно быть оторваннымъ отъ жизни. Вотъ почему онъ съ особенною настойчивостью вмѣняетъ въ обязанность женщинѣ еще рукодѣльныя занятія. Съ семилѣтняго возраста маленькая Павла должна учиться „приготовлять ленъ, держать мычку, носить на поясѣ корзину, крутить веретено, вести пальцами нитку, раздѣлять ткань шелковичнаго червя и золото на гибкія нити“.

Успѣху въ учебныхъ занятіяхъ много способствуетъ кружокъ подругъ и ихъ соревнованіе между собою. При этомъ въ составъ учащихся ни подъ какимъ видомъ не должны быть допускаемы лица разныхъ половъ. Употребленіе строгихъ наказаній, могущихъ запугать дитя и порвать сердечную связь съ учителемъ, бл. Іеронимомъ не допускается.

Бл. Іеронимъ не оставилъ безъ вниманія и внѣшняго благоповеденія дѣвицъ, преслѣдуя одну мысль, чтобы и въ наружномъ видѣ ихъ не проявлялись дурныя черты внутренняго человѣка. „Самое платье, говоритъ онъ матери и дочери, простое и темное, есть вывѣска скромности,—если нѣтъ на немъ складокъ, если не волочится оно по землѣ, чтобы казаться выше, если не расшито оно нарочито, чтобы кое-что показывать, закрывать неприличное и открывать благообразное. Заботящіяся о наружности выказываютъ грязную душу. И черненькіе лакированные полусапожки своимъ скрипомъ, когда мы ходимъ, зовутъ къ себѣ юношей. Груды связываются перевязками и извивающимся поясомъ, туго сжимается станъ; волосы спадаютъ то на лобъ, то на уши. Иногда спускаютъ мантилью, чтобы обнажить бѣлыя плечи, какъ бы не желая, чтобы видѣли, и поспѣшно закрываютъ то, что открыто съ намѣреніемъ“. Ясно отсюда, что бл. Іеронимъ осуждаетъ не самыя одежды, а лишь то кокетство, какое придаютъ имъ женщины. Предостерегая дѣвицу Павлу отъ увлеченія нарядами и кокетствомъ, онъ пишетъ ея матери: „не прокалывай ей ушей, бѣлилами и румянами не разрисовывай лица, посвященнаго Христу; не души ей шеи золотомъ и жемчугомъ; не отягощай головы драгоценными камнями, не подцвѣчивай волосъ въ красный цвѣтъ. Не хорошо пахнетъ тотъ, кто хорошо пахнетъ“.

Св. Амвросій Медиоланскій. *Св. Амвросій Медиоланскій* (род. 340 † 397 г.) былъ сынъ префекта Галліи. Осиротѣвъ на двенадцатомъ году своей жизни, онъ получилъ доброе христіанское воспитаніе отъ своей матери. Дальнѣйшее образованіе св. Амвросія усвоилъ въ школахъ Рима и благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ, быстро выдвинулся на служебномъ поприщѣ, занявъ должность правителя Ликургіи. По принятіи крещенія онъ быстро прошелъ всѣ церковныя степени и былъ посвященъ въ санъ епископа медиоланскаго. Въ санѣ епископа св. Амвросій всецѣло посвятилъ себя на служеніе церкви и въ этомъ отношеніи былъ для Запада тѣмъ же, чѣмъ св. Василій Великій для Востока. Оба они оставили глубокой слѣдъ въ исторіи церкви IV в.

Значеніе Амвросія медиоланскаго для христіанской школы выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ былъ первымъ *основателемъ правильной теоріи церковнаго пѣнія* и церковно-пѣвческихъ мелодій. Въ виду разныхъ неблагопріятныхъ условій въ первенствующей церкви богослужебное пѣніе не могло получить правильной организаци, тѣмъ болѣе, что сама церковь была гонима и богослуженіе не могло быть совершаемо открыто.

Со времени Константина Великаго († 337) христіанская религія признана господствующей; богослуженіе переходитъ изъ подземныхъ

катакомбъ въ открытые храмы и совершается съ подобающею торжественностью. Въ это время христіане стали уже заботиться объ организациі стройнаго церковнаго пѣнія: возникаютъ первыя пѣвческія школы и начинается развиваться теоретическая разработка пѣнія. Но главная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ св. Амвросію медіоланскому. Онъ первый собралъ и записалъ эллиническими знаками существовавшіе до него общеупотребительныя напѣвы и затѣмъ пересмотрѣлъ ихъ и гармонизировалъ. Въ основу церковнаго пѣнія имъ были положены четыре тона, т. е., гаммы, по нашему—гласы. Пѣніе, основанное Амвросіемъ и подчиненное четыремъ тонамъ—гласамъ, стало называться *амвросіанскимъ*. Оно отличалось большою простотою и исполнѣ зависѣло отъ размѣра текста: короткіе слоги пѣлись въ одну ноту, а долгіе на ноту въ двое болѣе долгую. Образцомъ такого пѣнія, употребляемаго до настоящаго времени всеми христіанскими церквами и приписываемаго св. Амвросію, служить гимнь „Тебѣ Бога хвалимъ“. Такимъ образомъ, благодаря Амвросію медіоланскому, повсюду въ церквахъ появилось правильное гармоническое пѣніе, возбуждавшее чувство умиленія въ христіанахъ и поддерживавшее въ нихъ молитвенное настроеніе. Блаженный Августинъ, услышавъ въ первый разъ это пѣніе, въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ свои чувства: „Какъ плакалъ я, слушая твои гимны и славословія, глубоко потрясенный умиленнымъ пѣніемъ церкви медіоланской. Голоса эти вливались мнѣ въ уши; истина по каплямъ струилась въ мое сердце, въ немъ разгоралось чувство набожности и чувство благоговѣнія изливалось сладкими слезами радости. Съ недавнихъ еще поръ миланская церковь ввела у себя этотъ родъ отрады и назиданія въ видѣ торжественныхъ пѣсней, при которыхъ братія сливается въ единодушное согласіе голосовъ и сердець“. Со времени Амвросія медіоланскаго церковное пѣніе впервые становится предметомъ практическаго изученія въ христіанскихъ школахъ.

Кромѣ этого св. Амвросій особенно заботился о распространеніи школъ и христіанскаго просвѣщенія въ своей епархіи.

Что касается основныхъ началъ христіанскаго воспитанія, то въ школахъ св. Амвросія они носили тотъ же характеръ, что и въ школахъ антиохійскихъ. Отмѣтимъ въ данномъ случаѣ лишь то его требованіе, чтобы воспитаніе носило характеръ *индивидуальный*.

Воспитывая и руководя другихъ словомъ и дѣломъ, говоритъ св. Амвросій, нужно всегда имѣть въ виду, что цѣль воспитанія одна, а *способы многоразличны*. Нужны особенная благодать и ревность воспитывающихъ: руководя самонадѣянныхъ въ приобрѣтеніи смиренія, нужно опасаться развитія страха и унынія у робкихъ и боязливыхъ; недовѣрчивыхъ къ себѣ нужно утверждать въ сознаніи собственнаго достоинства, но такъ, чтобы самонадѣянные не приходили чрезъ это въ надменность. У лѣнливыхъ и безпечныхъ нужно пробуждать заботливость о душѣ и тѣлѣ, но такъ, чтобы одни не напрягали чрезмерно своихъ силъ, а другіе, за все берущіеся, но ничего не доводящіе до конца, еще болѣе не впади въ легкомысліе и разсѣянность. Ограничивая ревность однихъ и доводя заботливо до окончанія начатаго другихъ, нужно остерегаться, чтобы не развитъ безпечности

у лѣнливыхъ. Раздражительные должны быть воспитываемы въ терпѣніи, притомъ такъ, чтобы равнодушные и вялые не нашли въ этомъ поблажки своей небрежности. У медлительныхъ и хладнокровныхъ нужно возбуждать ревность, но при этомъ такъ, чтобы пылкіе и впечатлительные подъ влияніемъ такихъ возбужденій не увлекались до неумѣренной и фанатичной горячности. Скупыхъ во-время нужно располагать къ щедрости, не давая повода къ расточительности, а расточительныхъ нужно располагать къ бережливости, не допуская ихъ до любостыжательности“.

Бл. Августинъ и его взгляды на воспитаніе. *Бл. Августинъ* (род. 354 † 430) родился въ африканскомъ г. Тагастѣ. Мать его, Моника, въ ранней молодости была выдана замужъ за язычника, человѣка грубаго и безнравственнаго. Кроткая, любящая, она умѣла заставить его уважать тѣ святыя правила, которыя руководили ея жизнью и силою своего примѣра привела ко Христу какъ его, такъ и всехъ дѣтей своихъ, проводившихъ юность свою въ крайнемъ нечестіи. Особенно же большихъ страданій и слезъ стоилъ ей старшій изъ сыновей, Августинъ, котораго она, какъ онъ самъ говорить, возродила къ жизни молитвою и слезами, когда онъ блуждалъ во мракѣ безвѣрія. Въ 395 году Августинъ, бывший до того времени язычникомъ, принялъ епископскій санъ и цѣлыхъ 35 лѣтъ своей жизни посвятилъ управленію епархіей, борьбѣ съ еретиками, богословской наукѣ и христіанскому просвѣщенію.

Изъ сочиненій бл. Августина въ педагогическомъ отношеніи особенно замѣчательна „*Исповѣдь*“. Здѣсь авторъ изображаетъ ходъ своего собственнаго внутренняго развитія отъ юности и до сознательнаго перехода въ христіанство. Сочиненіе раскрываетъ полную психологію сердца и вводитъ человѣка въ пониманіе того, какъ глубоко дѣйствуютъ на душу впечатлѣнія дѣтства, влияніе матери и какъ, въ періодъ большей зрѣлости силъ, развивается внутренняя борьба человѣческаго духа, неотступно требуетъ для себя прочныхъ, нравственныхъ основъ жизни и волнуется до тѣхъ поръ, пока не успокоится въ области чистой вѣры.

Бл. Августинъ осуждаетъ современное ему языческое воспитаніе главнымъ образомъ за то, что никто не заботился о нравственномъ развитіи питомцевъ. Все зло тогдашняго воспитанія, по его разъясненію, состояло въ томъ, что воспитатели старались образовать изъ дѣтей ученыхъ ораторовъ и общественныхъ дѣятелей, не заботясь объ ихъ нрав-

ственности. Весь характер тогдашняго преподаванія былъ направленъ къ возбужденію порочныхъ наклонностей въ дѣтяхъ. Ихъ заставляли изучать произведенія языческихъ писателей, въ которыхъ были изображаемы различныя безнравственныя сцены изъ жизни боговъ или людей, и тѣмъ внушали дѣтямъ смѣлость къ совершенію пороковъ. Система наказаній носила самый развращающій характеръ: дѣтей наказывали тѣлесно за всякую провинность,—за излишнія игры, за нежеланіе читать безнравственныя книги, за рѣзвость и т. п. Вся система преподаванія носила характеръ возбужденія въ воспитанникахъ соревнованія, порождающаго въ нихъ зависть и досаду,—и проникнута была насиліемъ: заставляли дѣтей учиться, не возбуждая въ нихъ любви къ ученію. Осуждаетъ Августинъ учителей и за то, что они обучали дѣтей, еще не знавшихъ достаточно родного латинскаго языка, языку чужестранному, греческому. Жалуется бл. Августинъ и на то, что воспитатели, не смотря на безнравственность тогдашнихъ театральныхъ зрѣлищъ, дозволяли дѣтямъ посѣщать ихъ. Осуждаетъ дурное товарищество, которое поощряло сверстниковъ на разные безнравственные поступки. Не щадитъ онъ и отца своего, обвиняя его за то, что онъ не только не удерживалъ его отъ безнравственнаго поведенія, но еще поощрялъ его дурныя дѣйствія. Идеальною личностью представляется у бл. Августина одна его мать, Моника, которая всячески старалась направить его на истинный путь христіанской жизни. Изъ такого взгляда бл. Августина на тогдашнее образованіе вытекаетъ и его положительное сужденіе объ идеалѣ христіанскаго воспитанія. Въ основу христіанскаго воспитанія бл. Августинъ полагаетъ изученіе Св. Писанія и христіанскихъ догматовъ, для чего считаетъ полезнымъ и изученіе свѣтскихъ наукъ; причеиъ не одинъ только умъ, но и сердце должны быть органомъ Богопознанія. Источниками истины, по ученію Августина, служатъ Божественное Откровеніе и разумъ.

Имя бл. Августина въ исторіи христіанскаго просвѣщенія связано съ учрежденіемъ въ г. Гиппонѣ, что въ Сѣверной Африкѣ, *школы клириковъ*, а также тѣмъ, что въ своемъ сочиненіи „*О катихизаціи необразованныхъ*“ онъ далъ намъ первую христіанскую *катехетику*. Въ этомъ сочиненіи великій педагогъ требуетъ *исторической основы преподаванія и его наглядности*.

Средневѣковое религиозно-нравственное воспитаніе.

Эпоха среднихъ вѣковъ не представляла благопріятныхъ условій для правильной постановки религиозно-нравственнаго образованія. Восточная церковь, находясь среди крайне неблагопріятныхъ условій политической жизни и затѣмъ, подавленная тяжелымъ игомъ магометанства, потеряла всякую самостоятельность. Вся христіанская наука была сведена къ переводамъ и переписыванію богословскихъ трудовъ предшествующаго времени, а жизнь христіанская стала обнаруживаться преимущественно въ формѣ монашества и аскетическаго самоуглубленія. Не развивать свою дѣятельность, а сохранить во всей чистотѣ и неповрежденности христіанскую вѣру, какъ была передана она Спасителемъ и его апостолами,—вотъ цѣль, какую поставила себѣ въ это время церковь на Востокѣ.

Въ лучшихъ *внѣшнихъ* условіяхъ находилась церковь западная. Но, къ сожалѣнію, она воспользовалась этими условіями для цѣлей, которыя не имѣютъ ничего общаго съ христіанствомъ. Преслѣдуя по преимуществу мірскія, нерѣдко противухристіанскія цѣли, впадая постоянно въ одно заблужденіе за другимъ, отторгнувъ своихъ членовъ отъ непосредственнаго руководительства Божественнаго Откровенія и ставъ на путь грубаго раціонализма, римская церковь сама была виновницею и распространительницею сначала только недовѣрія къ себѣ, а потомъ и невѣрія въ христіанское ученіе.

Ученость въ средневѣковыхъ монастыряхъ и городскихъ училищахъ выродилась въ такъ называемую *схоластику*. Научныхъ занятій, т. е., непосредственнаго наблюденія изучаемаго предмета, разбора, изслѣдованія, а потому и сознательнаго, развивающаго знанія не было; интересы богословской науки до того измельчали, что одинъ ученый написалъ двухтомное сочиненіе на тему о томъ, сколько ангеловъ можетъ помѣститься на булавочномъ остріѣ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ заводились исключительно церковныя училища и ученіе въ нихъ все болѣе и болѣе специализировалось, соответственно нуждамъ духовенства.

Вліяніе рыцарства на середньвѣковое воспитаніе.

Рыцарское сословіе образовалось изъ древне-германскихъ придворныхъ чиновъ и впоследствии получило прочную организацію и большое вліяніе на общественную и умственную жизнь Европы.

Характеръ ученія и воспитанія, взгляды на природу и людей, цѣль и образъ жизни у рыцарей были несогласны со взглядами католическихъ теологовъ. Въ рыцарствѣ любовь къ Богу, безкорыстное уваженіе къ женщинѣ, страсть къ независимости и къ подвигамъ самоотверженія составляли главные идеалы воспитанія и жизни. „Богу душа моя, королю моя жизнь, мое сердце женщинѣ, а честь мнѣ“, — таково девизъ рыцарства. Три предмета наполняли сердце рыцаря: *религія, любовь и ратное дѣло*. Рыцарскій энтузіазмъ въ дѣлѣ религіи и чести, обожаніе женщины, безкорыстное служеніе поэзіи, справедливости, защитѣ слабыхъ, вдовъ и сиротъ, безпредѣльное уваженіе къ своему сословію и товарищамъ значительно облагородили общественные нравы. Сообразно съ идеалами рыцарства, и при воспитаніи дѣвицъ заботились о томъ, чтобы укоренить въ нихъ мысли и чувства, которыя сдѣлали бы ихъ достойными рыцарскаго поклоненія. Кротость, чистая нравственность, пріятность обращенія, умѣренность рѣчи, благородство поступковъ и чувство гордости при мысли о своемъ рыцарскомъ происхожденіи и о своихъ славныхъ предкахъ были идеалами женскаго воспитанія. Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить и отрицательныхъ сторонъ въ рыцарскомъ сословіи — его грубости и крайняго невѣжества. Даже отношеніе къ женщинѣ, которымъ такъ гордились рыцари, имѣло чисто внѣшній характеръ: рыцари обожали только красивыхъ женщинъ и относились съ полнымъ презрѣніемъ и униженіемъ къ женщинамъ, не обладавшимъ наружною красотою.

Эпоха возрожденія наукъ и искусствъ.

На рубежѣ средней и новой исторіи находится довольно продолжительная, переходная эпоха — такъ называемая *эпоха возрожденія наукъ и искусствъ*. Эпоха эта подготовлена продолжительнымъ средневѣковымъ застоємъ мысли подъ гнетомъ клерикальнаго вліянія съ его притупляющей схоластикой ученія и унижительной суровостью школьной дисциплины.

Стремясь освободиться изъ-подъ этого гнета, вся Европа искала тогда для себя обновленія въ просвѣщеніи древне-языческаго міра. Все, что только интересовалось умственною жизнью и дѣятельностью, устремилось къ изученію древне-классическаго язычества и прилѣплялось къ нему всею душою.

Новое направленіе, принятое просвѣщеніемъ, различно отразилось на религіозныхъ воззрѣніяхъ западнаго общества. Въ Италіи слѣдствіемъ изученія классиковъ было распространеніе языческаго міровоззрѣнія, которое, перемѣшиваясь съ христіанскимъ, привело итальянское общество къ новому (классическому) язычеству. Христіанская религія въ глазахъ тогдашняго общества совершенно потеряла свою цѣну; ее замѣнила собою религія *Виргилія* и *Гомера*. Греческій философъ *Платонъ* былъ поставленъ выше Господа *Исуса*: „братья во Христѣ“ предпочитали называть себя „братьями во Платонѣ“. Предъ статуями Платона стали возжигать свѣтильники и воскурять еиміамъ; *Іегова*, *Исусъ*, *Пр. Дѣва Марія* превратились въ *Юпитера*, *Аполлона* и *Венеру*; веселый *Олимпъ* замѣнилъ собою суровую *Голгофу*. *Вмѣсто* почитанія святыхъ увлеченные языческою древностью начали поклоняться языческимъ богамъ древней Греціи, а также героямъ, мудрецамъ и поэтамъ, которыхъ предпочитали древнимъ отцамъ и учителямъ церкви. *Насмѣшки* и *издѣвательства* надъ высшими христіанскими истинами и добродѣтелями наполняли собою всю современную литературу. Даже кардиналы и епископы смотрѣли на *Евангеліе*, какъ на греческую мифологію.

Не то было въ другихъ странахъ и особенно въ *Германіи*. Здѣсь гуманисты старались обратить свои историко-филологическія познанія на служеніе религіознымъ интересамъ. Главнымъ дѣломъ ихъ было изученіе *Свящ. Писанія* на тѣхъ языкахъ, на которыхъ оно было написано, при пособіи филологіи и критики. Естественно, что гуманисты, вооруженные знаніемъ *Свящ. Писанія*, находили въ ученіи и устройствѣ римской церкви весьма много несообразностей и старались съ своей стороны содѣйствовать уничтоженію ихъ. Изъ множества такого рода дѣятелей особенно замѣчательны *Іоаннъ Рейхлинъ* и *Еразмъ Роттердамскій*. Труды гуманистовъ подготовили то дѣйствительное обновленіе европейской жизни во всѣхъ важнѣйшихъ ея проявленіяхъ, которое выразилось въ реформаціи.

Эпоха реформаціи.

Реформація преобразовала церковныя и государственныя отношенія; духъ ея глубоко проникъ во всѣ области жизни; основныя начала народнаго образования и воспитанія подъ вліяніемъ ея также измѣнились кореннымъ образомъ. Коренныя начала, на которыхъ въ эпоху реформаціи неизбѣжно должно было стать дѣло религиозно-нравственнаго воспитанія и обученія Закону Божию заключались въ слѣдующемъ: 1) Библия, переведенная на народный языкъ, сдѣлалась единственнымъ источникомъ вѣры для всѣхъ, безъ различія половъ и сословій. 2) Основное положеніе протестантства обращаться къ Библии, какъ единственному источнику вѣры, усилило нужду въ школьномъ обученіи. На этихъ началахъ должна была возникнуть *народная школа*, какъ наилучшее средство возможно широкаго развитія элементарнаго образования въ смыслѣ обученія не только чтенію и письму, но и Закону Божию.

Значеніе Лютера въ дѣлѣ улучшенія школьнаго образования.

Будучи главнымъ реформаторомъ церкви, *Мартинъ Лютеръ* явился также и *реформаторомъ школы*, непосредственно съ нею связанной. Въ 1524 году Лютеръ написалъ письмо къ бургомистрамъ и членамъ магистратовъ всѣхъ городовъ нѣмецкой земли, въ которомъ онъ рѣшительно требовалъ всеобщаго народнаго обученія какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Государство, по мнѣнію Лютера, обязано принуждать подданныхъ къ тому, чтобы они обучали своихъ дѣтей и для того—учреждать достаточное число школъ, а бѣднымъ людямъ содѣйствовать денежною помощью. Разумѣю, говорилъ Лютеръ, не такія школы, въ которыхъ 20, 30 лѣтъ изучаютъ латинскую грамматику и все-таки ничего не знаютъ, а такую, въ которой обучаютъ дѣтей Закону Божию, живому знанію своего языка и разнымъ полезнымъ реальнымъ предметамъ и притомъ—только два-три часа въ день, остальное же время у дѣтей должно быть свободно для занятій дома ремесломъ, для исполненія хозяйственныхъ работъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Лютеръ вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность каждому пастору имѣть свою школу для приходскихъ дѣтей.

Христіанское воспитаніе, по ученію Лютера, должно состоять въ томъ, чтобы дѣти познали Господа нашего Иисуса Христа, чтобы они непрестанно памятовали о томъ, какъ Онъ пострадалъ за насъ, что совершилъ для нашего спасенія и что заповѣдалъ намъ. Если же они, зная это, не будутъ любить Его, благодарить, молиться и слѣдовать Христу, тогда необходимо напоминать имъ и о страшномъ судѣ Божию. *Цѣль* же воспитанія та, чтобы утвердить волю, чувства и помышленія дѣтей въ добромъ христіанскомъ настроеніи, чтобы дѣти пріобрѣли твердый навыкъ къ молитвѣ и чтобы были скромными, покорными, умѣренными, вѣрными, кроткими и правдивыми, чтобы не клялись, не ругались и были благонравны какъ въ рѣчахъ, такъ и въ своихъ поступкахъ. Особенно воспитатели должны остерегаться подавать дѣтямъ дурной примѣръ своимъ поведеніемъ. Ибо „мы на опытѣ видимъ, что юность подобно пороху, чрезвычайно легко воспламеняется отъ всякаго зла и соблазна“. Воспитатели должны избѣгать аскетическаго воспитанія дѣтей. Юношѣ полезно быть среди людей, слышать, видѣть и испытать многое, дабы вступить въ жизнь умудреннымъ.

Относительную важность учебныхъ предметовъ въ школѣ Лютеръ опредѣляетъ такъ: основнымъ предметомъ ученія долженъ быть Законъ Божій. „Гдѣ Свящ. Писаніе не стоитъ во главѣ всего ученія, туда я никому не посоветовалъ бы отдавать своихъ дѣтей; ибо все, что не проникнуто словомъ и духомъ Божиимъ, должно потомъ рушиться“. Послѣ Закона Божія слѣдуютъ языки. „Не нужно забывать, говорить Лютеръ, что безъ языковъ намъ не сохранить Евангелія. Языки суть тѣ ножны, въ которыя вложенъ этотъ мечъ духовный; они тотъ ларецъ, въ которомъ хранится это сокровище духовное; они тотъ сосудъ, въ которомъ находится эта пища“. За языками слѣдуютъ разныя реальныя науки. *Естествознаніе* открываетъ намъ въ природѣ видимой великія чудеса всемогущества, премудрости и благодати Божіей. Изъ *исторіи*, какъ изъ неисчерпаемаго источника, вытекаютъ почти всѣ законы личной, семейной и общественной жизни, угрозы, предостереженія, страхъ, утѣшеніе, сила, наставленіе, мудрость, благоразуміе и всякія добродѣтели“. Исторія, говоритъ Лютеръ, ничто иное, какъ знаменіе Божественнаго промышленности о человѣкѣ и явное указаніе на то, какъ Господь блюдетъ, управляетъ, караетъ и милуетъ міръ

и людей. *Диалектику, риторику и поэтику* Лютеръ считаетъ полезными пособіями для изящной отдѣлки рѣчи, которая рисуетъ намъ предметъ искусно, живо, картинно. Относительно *музыки и гимнастики* Лютеръ держится разумнаго взгляда древнихъ на эти занятія. Онъ приписываетъ и имъ воспитательное и облагораживающее значеніе въ общемъ ходѣ ученія. Музыку онъ считаетъ также однимъ изъ средствъ воспитанія; она отгоняетъ душевную тревогу и мрачныя мысли, дѣлаетъ людей снисходительными, сердечными; кто любитъ музыку, тотъ способенъ на все хорошее. Правильная гимнастика предохраняетъ дѣтей отъ развитія различныхъ животныхъ влеченій, напримѣръ—къ лѣни, объяденію кутежу и т. п.

Что касается *характера* самаго воспитанія, то родители не должны доводить дѣтей до злобы и малодушія. Застѣнчивое и малодушное дитя не способно ни на какое дѣло, робѣетъ и боится всякій разъ, когда ему надо приеяться за что-нибудь. И, что всего хуже: если такая боязнь укоренится съ дѣтства, то ее нельзя будетъ искоренить во всю послѣдующую жизнь. Ибо, трепещя предъ каждымъ словомъ отца или матери, дѣти впоследствии во всю жизнь пугаются даже шороха листа. Многіе неопытные педагоги губятъ отличныя дарованія своею бранью, свирѣпостью, розгами и побоями, обращаясь съ дѣтьми какъ палачи или тюремщики съ ворами и разбойниками. Всякое наказаніе должно быть растворяемо любовью. Нужно воспитать дѣтей такъ, чтобы они боялись вещей, которыхъ слѣдуетъ бояться, а не дѣлать ихъ просто боязливыми.

Домашнему воспитанію Лютеръ приписываетъ весьма важное значеніе. Пусть всякій сознаетъ, что онъ обязанъ, подѣ опасеніемъ лишиться милосердія Божія, воспитывать своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ и въ зависимости отъ ихъ способностей наставить и обучить ихъ такъ, чтобы они были полезны для жизни. Дѣти—даръ Божій, а потому родители должны воспитывать ихъ по заповѣдямъ Божиимъ.

Для народныхъ школъ Лютеръ написалъ: „*Краткое изложеніе десяти заповѣдей, символа вѣры и молитвы Господней, два катехизиса*“, а въ 1525 г. составилъ первый „*Народный нѣмецкій букварь*“, элементарную учебную книжку для дѣтей.

Учительскій трудъ Лютеръ ставитъ наравнѣ съ трудами выдающихся проповѣдниковъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, увѣряя, что никакими деньгами государство не можетъ достаточно вознаградить его.

Взгляды главнѣйшихъ ученыхъ педагоговъ на религіозно-нравственное воспитаніе и обученіе дѣтей.

Амосъ Коменскій (1592—1671), родомъ славянинъ, изъ Моравіи, получилъ по своему времени высшее богословское и философское образованіе. Въ разное время онъ проходилъ должности священника, епископа, ректора высшихъ школъ и повсюду заявилъ себя виднымъ общественнымъ дѣятелемъ и великимъ педагогомъ. Всѣ педагогическія трактаты Коменскаго свидѣтельствуютъ объ его умѣ—универсальномъ и глубокомъ. Основныя черты педагогическихъ взглядовъ Коменскаго изложены въ его „*Великой Дидактикѣ*“, этомъ, безспорно, лучшемъ его сочиненіи. Но особенно обращаетъ на себя вниманіе его *глубоко-религіозный* взглядъ на воспитаніе.

Не здѣсь, на землѣ, но на небѣ полагаетъ онъ конечную и высшую цѣль воспитанія; жизнь земная есть только переходная ступень къ жизни небесной, подобно тому, какъ жизнь во чревѣ матери составляетъ только приготовленіе къ жизни земной. И несмотря на такой взглядъ, Коменскій далекъ отъ проповѣди аскетизма; для него тѣло не мрачная темница, а свѣтлое жилище духа, достойное не презрѣнія и умерщвленія, а всяческой заботы и свободного развитія. Оттого основной чертой его ученія является *жизнерадостность*.

Для блаженства сотворенъ человекъ, и предвкушеніе этого блаженства начинается уже въ здѣшней жизни, подѣ влияніемъ правильнаго воспитанія. Три задачи должно преслѣдовать воспитаніе: а) сообщать научное образованіе, т. е., познаніе самого себя и вещей, б) внушать *нравственность*, т. е., умѣнье управлять собой и в) пробуждать *религіозность*, т. е., стремленіе къ Богу. Нравственности и религіозности необходимо учить человека и упражнять въ нихъ такъ же, какъ упражняютъ и учатъ въ искусствахъ и наукахъ; онѣ не даются сами собой, но приобрѣтаются трудомъ. Тѣсная связь, въ которую Коменскій ставитъ обученіе нравственности и религіозности съ ученіемъ наукъ и искусствъ, заставляютъ его быть крайне осторожнымъ въ выборѣ учебнаго матеріала. Въ этомъ отношеніи особенно интересна гл. XXV его Дидактики, гдѣ онъ ратуетъ за устраненіе изъ школы языческихъ писателей безнравственнаго характера, совершенно вѣрно выражая ту мысль, что все, что преподается въ христіанской школѣ, должно носить строго нравственный характеръ. Воспитатели пусть твердо помнятъ, что истинная набожность и благочестіе приобрѣтаются изъ трехъ источниковъ—изъ Свящ. Писанія, изъ окружающаго насъ видимаго міра и отъ насъ самихъ, и троякимъ путемъ—размышленіемъ, молитвою и испытаніемъ. Задача воспитателя такимъ образомъ будетъ достигнута, когда питомцы твердо увѣряютъ во все, что открываетъ намъ Богъ, стануть исполнять то,

что Онъ повелѣваетъ и надѣяться на то, что Онъ общаетъ любящимъ Его.

Основные положенія Коменского, въ области воспитанія, сводятся къ слѣдующимъ указаніямъ: 1) Воспитаніе надо начинать съ самаго ранняго дѣтства, прежде чѣмъ успѣютъ возникнуть и укорениться въ душѣ ребенка порочныя наклонности. 2) Хорошія привычки, добрый примѣръ родителей, учителей, товарищей и слугъ составляютъ могущественное средство для развитія въ дѣтяхъ нравственныхъ свойствъ, служащихъ началомъ добродѣтели. 3) Благоразуміе, умѣренность, твердость, справедливость и доброта составляютъ главнѣйшія качества нравственнаго характера, который необходимо развить въ человѣкѣ. Благоразуміе онъ приобретаетъ отъ хорошаго обученія, которое укажетъ ему истинное различіе предметовъ по ихъ достоинству. Умѣренности дѣти научаются при правильномъ уходѣ за ихъ физическимъ здоровьемъ и нравственно-воспитательной дисциплинѣ какъ дома, такъ и въ школѣ,—и умѣренность эта проявится не только въ пищѣ и питьѣ, но и въ рѣчахъ и поступкахъ въ отношеніи къ людямъ. Справедливыми сдѣлаются дѣти тогда, когда, при правильномъ нравственномъ уходѣ, у нихъ выяснится сознаніе божественной природы человѣческаго духа, разовьется самоуваженіе, а затѣмъ утвердятся въ душѣ отвращеніе ко лжи, коварству, уваженіе къ личности человѣка, услужливость и внимательность къ нему. Наконецъ, доброта, какъ послѣдствіе всей совокупности пріемовъ правильнаго нравственнаго воспитанія, проявится въ добровольномъ и сознательномъ выполненіи своихъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи къ прочимъ людямъ. 4) Главнѣйшими средствами для осуществленія идеаловъ правильнаго воспитанія должны служить мудрость и любовь самихъ воспитателей. Дисциплина должна не подавлять, а возбуждать и возвышать личность воспитанника. Воспитаніе ставитъ себѣ задачу вызвать и развить въ духовной природѣ человѣка всѣ прекрасныя ея свойства и наклонности, развить же ихъ можно не устрашеніемъ и не силою, а кротостью и любовью, мудрою предусмотрительностью, постепенностью и благоразумною настойчивостью.

Въ общемъ составѣ учебныхъ предметовъ первостепенное значеніе Коменскій приписываетъ Закону Божію, затѣмъ отводитъ мѣсто естествовѣднью и отечественному языку, а потомъ—иностраннымъ языкамъ, математикѣ, исторіи и географіи. Но чему бы ни обучали въ школахъ, замѣчаетъ Амосъ Коменскій, все это слѣдуетъ подчинить первому, дабы юношество постигало, какъ суетно все, не имѣющее отношенія къ Богу.

Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778) принадлежитъ къ числу тѣхъ педагоговъ, которыхъ можно назвать стчасти идеалистами, отчасти мечтателями: идеалистами—за ихъ великія и плодотворныя идеи, способныя сдѣлаться основой для дальнѣйшаго совершенствованія человѣчества; мечтателями—за тѣ чрезвычайныя увлеченія, которыя способны только сбить людей съ твердой почвы, оторвать ихъ отъ дѣйствительности и направить къ условіямъ жизни невозможной и неосуществимой.

Идеаль воспитаннаго и просвѣщеннаго человѣка, по теоріи Ж. Ж.

Руссо, заключается въ совершенномъ, всестороннемъ физическомъ, умственномъ и нравственномъ развитіи его способностей, но только подъ руководствомъ единственно самой природы человѣка, внѣ всякихъ вредныхъ вліяній европейской общественной и цивилизаціи. Въ крайнемъ негодованіи на испорченность цивилизаціи, на массу злобы, лжи, насилій и невѣжества, Руссо указывалъ, что человѣчеству необходимо вернуться въ „естественное состояніе“ и правильнымъ, естественнымъ воспитаніемъ возродиться къ лучшей жизни.

Свою педагогическую теорію, со всѣми своими идеальными стремленіями Ж. Ж. Руссо пространно и мѣстами поэтически изложилъ въ трактатѣ: „Эмиль или о воспитаніи“ (1762). Большая часть этого трактата посвящена мужскому воспитанію въ лицѣ Эмиля, меньшая—женскому, въ лицѣ Софіи. Эмиль и Софья—двое воображаемыхъ питомцевъ, которые должны служить нагляднымъ представленіемъ педагогики Ж. Ж. Руссо. Въ видѣ эпиграфа къ своему труду Руссо поставилъ изреченіе: „все прекрасное выходитъ изъ рукъ Создателя, все извращается въ рукахъ человѣка“. Этимъ изреченіемъ определяется характеръ всего трактата. Условіями, благоприятствующими правильному воспитанію, Руссо признаетъ: 1) совершенное, дѣтъ на 18, изолированіе воспитанника отъ общества и его вліяній; 2) матеріальныя средства достаточныя для того, чтобы жить все время въ деревнѣ, въ хорошемъ климатѣ, среди прелестной природы; 3) находиться подъ постояннымъ наблюденіемъ такого руководителя, который совмѣщала бы въ себѣ всѣ совершенства учителя и воспитателя; наконецъ, 4) ребенокъ долженъ быть отъ природы хорошаго, крѣпкаго здоровья и долженъ обладать всѣми наилучшими врожденными способностями.

Въ теоріи женскаго воспитанія Руссо указываетъ особенности, отличныя отъ воспитанія Эмиля. Дѣвочка не отрывается отъ общества: напротивъ, родительскій домъ и попеченія матери составляютъ главныя условія хорошаго женскаго воспитанія. Идеаль самобытности и независимости у Эмиля въ воспитаніи Софіи уступаетъ свое мѣсто идеаламъ скромности, религіозности, сердечной чистоты, граціи движеній и поступковъ. Эмиль воспитывается для общественной жизни, Софья—для семейной.

Подъ вліяніемъ увлеченія собственными идеями философъ упускаетъ изъ виду практическую сторону дѣла. Даже религіозное образованіе онъ полагаетъ возможнымъ начать только съ юношею дѣтъ 18, когда онъ способенъ относиться ко всему практически. Слѣдовательно, и здѣсь философъ упускаетъ изъ виду, что нравственно облагораживающее вліяніе религіи воспитываетъ душу и воспринимается сердцемъ, а не критическимъ анализомъ.

При воспитаніи дѣвочекъ, по ученію Руссо, нужно заботиться о томъ, чтобы сохранить и развить присущія женщинѣ черты ея духовной природы и тѣмъ способствовать воспитанію будущей матери, супруги и хозяйки дома. Съ этою цѣлю при изученіи Закона Божія онъ рекомендуетъ обращать особенное вниманіе на усвоеніе всего, что раскрываетъ и выясняетъ имъ ихъ обязанности въ отношеніи къ мужьямъ и дѣтямъ.

Базедовъ (1723—1790 г.) даетъ цѣлый рядъ совѣтовъ относительно того, какъ вести дѣло религіознаго обученія и воспитанія; но всѣ эти совѣты такого рода, что изъ нихъ съ необходимостью вытекаетъ выводъ, что религіозное образование вовсе не должно составлять необходимаго предмета школьнаго преподаванія. Базедовъ требовалъ, чтобы ученіе для дѣтей какъ можно менѣе соединялось съ трудностью и было для нихъ развлеченіемъ, праздникомъ. „Періодъ дѣтства долженъ быть временемъ радости и счастья; грѣшно бросать въ душу ребенка сѣмена душевной тревоги и моральнаго разлада. Поэтому изъ наставленій религіи должно быть выкинуто все, что можетъ возбуждать чувство страха и унынія. Богъ есть любовь,—пусть же въ дѣтской душѣ слагаются чувства, вызываемыя только этимъ представлеіемъ о Богѣ“. Вопреки Руссо, онъ допускаетъ, что учить религіи можно въ возрастѣ 8—10 лѣтъ, но предостерегаетъ, чтобы преподаватели Закона Божія не вздумали учить тому, что дѣти должны только запомнить, а понять не въ состояніи. Поэтому катихизисъ и вообще ученіе о тайнахъ вѣры онъ совсѣмъ исключаетъ изъ школьной программы. „Дѣтей не слѣдуетъ понуждать къ молебствіямъ, потому что они еще не постигаютъ формулъ, или неспособны къ выраженіямъ или возбуждаемымъ ими ощущеніямъ“. Рядомъ съ стремленіемъ отдѣлать школу отъ Церкви стояло и другое желаніе Базедова—лишить школу *конфессіональнаго характера*, т. е., поставить преподаваніе Закона Божія на такихъ общихъ началахъ, чтобы его могли изучать дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ конфессій. Никакъ не должно, училъ онъ, говорить дѣтямъ о какихъ-либо вѣроисповѣднхъ разностяхъ. „Дѣло ученія не католическое, не лютеранское и не реформатское. Мы филантропы и космополиты. Естественная религія и нравоученіе—вотъ предметъ обученія въ школахъ“. Объ отечественной религіи должно заботиться духовенство, а не школа.

Взгляды Базедова впоследствии были раздѣляемы не только отдѣльными пасторами, но и протестантскими консисторіями, которыя дали полное согласіе на то, „чтобы въ школахъ преподаваніе Закона Божія ограничивалось всеобщими истинами религіи и свойственнымъ всѣмъ церковнымъ партіямъ нравоученіемъ, а то или другое частное вѣроученіе было предоставлено лишь пасторамъ при подготовкѣ конфирматовъ“. Въ Дессаусской школѣ Базедовъ самъ преподавалъ Законъ Божій и хвалился, что въ его глазахъ всѣ равны—и іудеи, и магометане, и деисты и проч.

Свои педагогическія воззрѣнія Базедовъ высказалъ въ сочиненіи: „*Методическое руководство для отцевъ и матерей семействъ и народовъ*“.

Песталоцци знаменитый швейцарскій педагогъ (1746—1827 г.) въ педагогіи прежде всего видитъ ея самостоятельную цѣль и ея собственныя начала: поэтому всѣ тенденціозныя идеи—приготовить въ воспитанникѣ христіанина и гражданина изгоняются вонъ. Человѣкъ долженъ быть человѣкомъ. Надобно развивать въ ребенкѣ пять чувствъ и держаться наглядности. Сначала должна развивать человѣка семейная обстановка, затѣмъ общественная. О религіозной атмо-

сферѣ, окружающей воспитаніе дѣтей, въ этомъ первомъ періодѣ не можетъ быть и рѣчи.

Нѣкоторое, какъ бы религіозное, воздѣйствіе на дѣтей указываетъ въ семейной обстановкѣ. Тотъ же самый зародышъ, говоритъ Песталоцци, который производитъ въ малюткѣ привязанность къ матери, производитъ въ немъ также и привязанность къ Богу. Я долженъ любить человѣка, вѣрить человѣку, человѣка благодарить, человѣка слушать, прежде чѣмъ достигнуть того, чтобы любить Бога, благодарить Его, вѣровать въ Него и слушать Его. Но откуда рождаются эти чувства любви, благодарности, довѣрія, послушанія къ людямъ? Преимущественно изъ отношеній, соединяющихъ ребенка съ матерью. Мать заботится о немъ, кормитъ, ласкаетъ его. Дитя покойно, весело; зародышъ любви, довѣрія и благодарности зароненъ въ него. Однако, сознается Песталоцци, первичныя основанія вѣры ребенка въ этомъ возрастѣ скоро начинаютъ исчезать. Подъ влияніемъ возникающихъ собственныхъ силъ, онъ покидаетъ руку матери, начинаетъ сознавать самого себя, и въ его груди пробуждается смутное чаяніе: я не нуждаюсь болѣе въ матери. Послѣднія по глазамъ его угадываетъ возникающую мысль, еще крѣпче прижимаетъ къ сердцу своего любимца и говоритъ ему голосомъ, какаго онъ еще не слыхалъ: „дитя мое, есть Богъ, въ Которомъ ты нуждаешься, если не нуждаешься болѣе во мнѣ; Господь приметъ тебя въ Свои руки, когда мои не въ силахъ болѣе охранять тебя; Господь уготоваетъ тебѣ счастье и радости, когда я не въ состояніи болѣе дать тебѣ ни счастья, ни радостей. И вотъ въ груди ребенка пробуждается святое чувство, порывъ къ вѣрѣ, возносящей его надъ самимъ собою; онъ веселится о имени своего Бога. Чувства любви, благодарности и довѣрія, возникшія на груди матери, расширяются и съ этихъ поръ онъ видитъ въ Господѣ отца, видитъ въ Немъ мать. Кромѣ матери Песталоцци не хотѣлъ бы видѣть никакихъ другихъ наставниковъ въ религіи до того времени, пока не окрѣпнетъ умъ въ юношѣ.“

Въ устроенномъ Песталоцци заведеніи Законъ Божій оставленъ былъ только въ старшемъ классѣ и преподавался два раза въ недѣлю. Вотъ какъ изъясняетъ сущность религіознаго образованія въ школѣ самъ Песталоцци въ докладѣ родителямъ и публикѣ. „Руководствомъ для преподаванія Закона Божія служитъ изложенный въ книгѣ Бытія ходъ религіознаго развитія человѣческаго рода и основанное на этомъ чистое ученіе Іисуса Христа, возвѣщенное Имъ въ Евангеліи. Въ основу ученія о долгѣ полагаемъ мы нагорную проповѣдь, а въ основу вѣроученія—главнѣйшее Евангеліе отъ Іоанна. На Христвѣ, на Его примѣрѣ и на томъ, какъ Онъ смотрѣлъ на міръ, стараемся мы наглядно оживить въ дѣтяхъ ихъ религіозныя чувства и, поясняя, какъ Отецъ въ Немъ преобразился, возвести ихъ до такого пониманія и образца жизни, чтобы Господь преобразился также и въ нихъ. Мы ищемъ основы догматовъ и источника всѣхъ религіозныхъ воззрѣній въ сущности религіи, въ природѣ человѣка въ ея побужденіяхъ, условіяхъ, силахъ и потребностяхъ такъ, чтобы дѣти научились отличать истину во всякой оболочкѣ и сущность во,

всякой формѣ". Такой взглядъ на религію и ея воспитательное значеніе уже никакъ не можетъ быть согласованъ ни съ какимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ, и потому въ школѣ Песталлоцци не могло быть мѣста даже самому либеральному законоучителю-священнику. Песталлоцци, по всей справедливости, многіе упрекали въ томъ, что онъ не христіанинъ, и онъ самъ подчасъ сѣтовалъ на то, что „лишился силы особенныхъ христіанскихъ чувствъ и возрѣній своей юности“.

Фребель (1782—1852) нѣмецкій педагогъ, ученикъ Песталлоцци. Возрѣнія *Фребеля* на воспитаніе исполнены глубокой религіозности и симпатій къ людямъ. Мысли его можно привести къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: во всемъ присутствуетъ, дѣйствуетъ и господствуетъ вѣчный законъ. Онъ проявляется и проявляется во внѣшней природѣ и въ душѣ человѣческой; законъ этотъ утверждень Богомъ. Назначеніе всѣхъ вещей—проявлять въ своемъ развитіи Божественныя совершенства. Назначеніе человѣка, какъ чувствующаго и разумнаго существа, состоитъ въ томъ, чтобы ясно сознать Божественный законъ и по внутреннему побужденію, съ полною духовною независимостію выполнять его въ своей жизни. Возбуждать въ человѣкѣ потребность къ выполненію Божественнаго закона и указывать ему путь къ тому—цѣль воспитанія.

Отъ перваго движенія жизни каждаго существа зависитъ все развитіе постѣдующей его жизни. Отъ того, какъ мы станемъ смотрѣть на дитя, и какъ, соотвѣтственно его природѣ и условіямъ жизни, станемъ обращаться съ нимъ, будетъ зависѣть его развитіе, дальнѣйшее совершенствованіе и счастье жизни. Развиваться вполнѣ, всестороннимъ образомъ, человѣкъ можетъ только, какъ членъ семейства; только въ семействѣ, подъ вліяніемъ родительской и родственной любви, полагается начало дѣятельности всѣхъ силъ дитяти. Такъ какъ въ человѣкѣ, съ самаго рожденія, есть уже всѣ свойства, принадлежащая человѣческой природѣ, и чувствуется потребность въ ихъ проявленіи, то надобно начинать развивать ихъ съ колыбели, въ буквальномъ смыслѣ слова.

Руководствуясь этими идеями, Фребель составилъ систему первоначальнаго воспитанія и обученія дѣтей, извѣстную подъ именемъ „*Дѣтскихъ Садовъ*“. „Дѣтскіе сады“—это тѣ учебно-воспитательныя заведенія, въ которыхъ должны совмѣститься всѣ правильныя условія для свободнаго развитія въ дѣтяхъ физическаго здоровья и душевныхъ способностей. Прирожденная человѣку склонность къ практической дѣятельности развивается въ этихъ „садахъ“ помощью разныхъ упражненій и занятій въ комнатѣ и на дворѣ, въ саду, въ полѣ. Также природное человѣку религіозное чувство растетъ и проясняется живыми впечатлѣніями природы и разсказами по картинамъ изъ библейской исторіи.

Дистервегъ (1790—1886). Особенно виднымъ дѣятелемъ на поприщѣ педагогій былъ знаменитый прусскій учитель-директоръ Дистервегъ. „Назначеніе человѣка, говоритъ онъ, есть *самостоятельность въ служеніи истинѣ, добру и красотѣ*“. Развить эту самостоятельность—цѣль школы. Человѣкъ рождается ни добрымъ, ни худымъ:

все зависитъ отъ того, куда направить его образованіе. Высшая цѣль всякаго образованія—воспитать человѣка, сообразно назначенію его духовной природы путемъ самодѣятельнаго развитія. Вслѣдствіе этого школа есть совершенно самостоятельное учрежденіе, ни церкви, ни государству не подчиненное. Отсюда само собою вытекаетъ, что она свободна отъ вліянія какого бы то ни было духовенства. Въ преподаваніи религіи имѣетъ значеніе только *нравственная сторона* (напечатлѣніе нравственныхъ правилъ и характерные образы), которая одинаково можетъ быть уясняема дѣтямъ, какой бы они ни были религіи и вѣроисповѣданія. Школа вѣдаетъ только дѣтскій міръ, не разбирая ни евреевъ, ни католиковъ, ни протестантовъ; она должна устранять отъ дѣтей всякіе „спорные вопросы“ и обращать вниманіе на то, что привязываетъ людей другъ къ другу, а не на то, что разъединяетъ ихъ. Источникъ добродѣтели не въ догматѣ, а въ самой человѣческой природѣ. Религіозность, какъ стремленіе къ единенію и слянію съ Богомъ, ничто иное, какъ плодъ нравственности, но не наоборотъ. Школѣ приличествуетъ соотвѣтствующее религіозное воспитаніе, которое было бы совершенно независимо отъ вѣроисповѣдныхъ разностей. Преподаваніе догматовъ вѣры отстраняется и потому еще, что оно не согласно съ эвристическимъ методомъ обученія.

Религіозно-нравственное воспитаніе и обученіе въ Россіи до Петра I-го.

Два періода въ исторіи древне-русскаго просвѣщенія. Въ исторіи развитія русскаго духовнаго просвѣщенія различаются два періода: древній—до Петра I и новый—отъ Петра I до настоящаго времени. Первый, въ свою очередь, подраздѣляется на двѣ половины: 1) періодъ до-монгольскій и 2) періодъ монгольскаго владычества.

Періодъ до-монгольскій. Основую просвѣщенія на Руси послужила православная христіанская вѣра, которая внесла новыя, животворныя начала въ русскую жизнь, опредѣлила ея характеръ и сообщила воспитанію церковно-религіозное направленіе.

Такъ какъ христіанское вѣроученіе и правоученіе заключается въ книгахъ Священнаго Писанія, то вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства стало на Руси распространяться и книжное ученіе. Вслѣдъ за принятіемъ христіанства на Руси учреждаются народныя школы. Начало такихъ церковныхъ школъ мы видимъ уже при св. Владимірѣ. *Ярославъ*, строя церкви по городамъ и селамъ, велѣлъ священникамъ обучать народъ. Чтобы имѣть побольше грамотныхъ

людей, онъ основалъ въ Новгородѣ школу, въ которой обучалось не менѣе 300 дѣтей. Самъ князь, по отъѣзду лѣтописца, читалъ книги день и ночь и собиралъ писцовъ, которые по его повелѣнію переписали много книгъ, а инныя книги переводили съ греческаго на славянскій языкъ. „Владимиръ, говоритъ лѣтописецъ, распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ крещеніемъ, а Ярославъ засѣялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное учение“.

Русскія женщины усердно служили дѣлу христіанскаго прѣсвѣщенія въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Исторія свидѣтельствуетъ о высотѣ духа, горячности сердца, настойчивости въ подвигѣ христіанской жизни нашихъ соотечественницъ. Онѣ были не только провозвѣстницами сокровеннаго благочестія въ уединенныхъ обителяхъ, но и въ положеніи женъ, матерей, бабушекъ, сестеръ шли рука объ руку съ пастырями Церкви своего времени.

Благодаря просвѣщеннымъ русскимъ женщинамъ, вскорѣ стали появляться на Руси и особыя школы для дѣвочекъ. Такая школа была, на примѣръ, открыта въ Кіевѣ при Андреевскомъ женскомъ монастырѣ благочестивою дочерью Всеволода Ярославича—Янкою или Анною Всеволодвною. Затѣмъ извѣстно, что Полоцкую княжну Евфросинію еще до двѣнадцати лѣтъ родители начали обучать грамотѣ. Она владѣла четкимъ и красивымъ почеркомъ и оставила по себѣ память, какъ переписчица богослужебныхъ книгъ. Кромѣ того, она открыла особую школу для дѣвочекъ, сама въ ней была учительницей и обучала грамотѣ сестру свою Гориславу и другихъ родственницъ. Василиса, жена Суздальскаго князя Андрея Константиновича, была также обучена грамотѣ и прекрасно знала содержаніе всѣхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта.

Самые монастыри, при которыхъ устраивались школы, въ древней Руси вовсе не чуждались жизни и не ограничивали своей педагогической дѣятельности тѣснымъ кружкомъ ищущихъ образованія, но охотно наставляли всѣхъ приходившихъ вѣрѣ, благочестію, добрымъ дѣламъ и обучали грамотѣ. Такъ велось и въ мужскихъ, и въ женскихъ монастыряхъ. Кромѣ того, съ самаго начала христіанства на Руси при церквахъ и монастыряхъ содержались на церковный счетъ сироты и дѣти бѣдныхъ родителей. Они полу-

чали въ этихъ пріютахъ содержаніе, христіанское воспитаніе и „книжное обученіе“. Такимъ образомъ, церковь была для русскаго народа источникомъ умственнаго свѣта и добра.

Уже въ первое время школы существовали не только въ Кіевѣ и Новгородѣ, но и въ Курскѣ, Смоленскѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Владимірѣ-на-Клязьмѣ, Галичѣ, вообще въ городахъ, которые стали епархіальными центрами. Изъ нихъ вышли не только свѣдующіе служители церкви, но и многіе, знаменитые впослѣдствіи, духовные и свѣтскіе дѣятели; проповѣдники Лука Жидята и св. Илларионъ (первый—архіепископъ Новгородскій, послѣдній—митрополитъ Кіевскій,—оба XI столѣтія), преподобные Антоній и Θεодосій Печерскіе (XI столѣтія), Несторъ-лѣтописецъ и св. Кириллъ, епископъ Туровскій (XII ст.), русскій Златоустъ, какъ его называли современники и др.

Съ самыхъ первыхъ временъ появленія на Руси христіанства, церковь въ лицѣ своей іерархіи была единственнымъ проводникомъ образованія въ среду народа. Служители церкви были излюбленными учителями народа; при ученіи употреблялись книги исключительно церковныя. Псалтирь, церковное пѣніе, уставное письмо были главными предметами обученія, и долго на святой Руси не знали иного просвѣщенія, кромѣ церковнаго, иной книги, кромѣ богослужебной. Князь и весь народъ признавали за церковью и духовенствомъ безусловное право руководства народнымъ образованіемъ, а духовенство, въ свою очередь, исторически оправдало это довѣріе. Нерѣдко архипастыри сами были непосредственными руководителями школьнаго дѣла. Такъ извѣстно, что митрополитъ кіевскій Михаилъ призывалъ къ себѣ учителей и наставлялъ ихъ, какъ нужно вести школьное дѣло, требуя отъ нихъ основательно и стройно „учить дѣтей книжному разуму, воспитывать же—въ духѣ заповѣдей Божіихъ, въ благоврвіи, правдѣ и любви, ни яростію, ни гнѣвомъ, ни жестокостію, а снисходительно и кротко“,—чтобы въ дѣтскую душу не западали страхъ и уныніе.

Первоначальныя русскія школы имѣли двѣ главныя цѣли: приготовить для церкви опытныхъ священнослужителей и научить русскихъ людей догматамъ вѣры и христіанской нравственности. Въ первое время въ этихъ школахъ обучались дѣти не исключительно духовныхъ лицъ, но вообще всякихъ званій, даже вовсе неизвѣстнаго званія, рабы

и плѣнники; вмѣстѣ съ дѣтьми могли учиться и взрослые. По окончаніи „ученія книжнаго“ не всѣ поступали непремѣнно на службу церкви, но шли также и на другія поприща. Призваніе, способности и успѣхи ученія всякому ученику обеспечивали дальнѣйшую служебную карьеру.

Періодъ Монгольскаго ига. Татарскій погромъ истребилъ первые успѣхи образованности и христіанскаго общежитія, повсемѣстно понизилъ духъ русскихъ людей. Церкви были разрушены вмѣстѣ съ городами, школы уничтожены, книги сожжены, духовенство было истреблено почти поголовно, погибъ даже самый митрополитъ русскій. Двухсотлѣтнее иго татарское имѣло самое пагубное вліяніе на русскую жизнь и на просвѣщеніе въ частности. Мѣсто гуманныхъ воззрѣній, принесенныхъ къ намъ христіанствомъ, заняла грубость нравовъ, невольнаго позаимствованная у завоевателей; языческія воззрѣнія, которыя не могли быть сразу уничтожены пришедшимъ изъ Греціи духовенствомъ, снова получили свою силу и въ русскомъ народѣ. Ставши рабомъ дикаря, русскій человѣкъ по необходимости долженъ былъ усвоить много самыхъ непривлекательныхъ свойствъ: раболѣпство, лицемеріе, двуличность, жестокое обращеніе съ меньшими и т. п. Онъ сталъ способенъ соединять въ своемъ сознаніи самую пеструю смѣсь противорѣчивыхъ воззрѣній—христіанскихъ, татарскихъ и древне-языческихъ: христіанское благочестіе мирилось у него съ языческимъ развратомъ, требованія христіанской любви съ татарскимъ деспотизмомъ, пьянство и разгулъ съ постомъ и воздержаніемъ, обидя ближняго съ усердною молитвою къ Богу и т. д. Основы семьи были потрясены и расшатаны. Супружеская любовь и довѣріе стали рѣдкостью. Пьянству и разврату предавались въ равной мѣрѣ мужчины и женщины. Домострой служитъ историческимъ документомъ, свидѣтельствующимъ о крайней грубости и упадкѣ семейныхъ нравовъ.

Съ XV столѣтія замѣчаются попытки выйти изъ долгаго невѣжественнаго застоя. Новгородскій архіепископъ Геннадій усердно хлопочетъ объ учрежденіи хотя начальныхъ училищъ, въ которыхъ можно было бы обучать дѣтей чтенію Псалтири и Апостола, чтобы изъ такихъ людей можно было поставлять грамотныхъ священниковъ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ (1551) повелѣваетъ: по всѣмъ городамъ ставить гра-

мотныхъ и нравственно-благонадежныхъ священниковъ и диаконовъ, у которыхъ въ домахъ и завести училища, чтобы всѣ православные христіане отдавали имъ своихъ дѣтей въ ученіе.

Состояніе религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія послѣ Петра I-го.

Главнѣйшія эпохи въ этомъ періодѣ. Со временъ Петра Великаго на Руси идетъ непрерывная борьба за обладаніе народной душой между двумя дѣятелями просвѣщенія—православною церковью и извѣстной частью русской интеллигенціи. Вдохновляемые противоположными идеалами, эти дѣятели выступаютъ на педагогическомъ поприщѣ, каждый со своимъ особымъ міросозерцаніемъ. Происходитъ непрерывная борьба двухъ міровоззрѣній—одного, покоющагося на вѣрѣ и все подчиняющаго авторитету церкви и религіи, другого,—опирающагося на разумъ и стремящагося разорвать путы авторитета и дать свободный выходъ кичливому разсудку. Въ неустанной погонѣ за истиной наша русская интеллигенція, попавъ въ общій водоворотъ европейской мысли, воспринимала и усвояла все, что ей казалось новымъ и что господствовало надъ умами современниковъ. Она какъ бы задалась цѣлью идти впередъ по пути развитія, ни на чемъ опредѣленномъ не останавливаясь. Легко убѣдиться въ этомъ, указавъ на ту непрерывную смѣну увлеченій, какихъ была полна духовная жизнь нашего образованнаго общества.

На пространствѣ этого двухвѣковаго періода въ развитіи русскаго просвѣщенія наиболѣе рѣзко выдѣляются слѣдующія эпохи: эпоха царствованія Петра Великаго, Елизаветы, Екатерины II, Александра Благословеннаго, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II.

Эпоха Петра Великаго. Вся первая четверть XVIII столѣтія, т. е., такъ называемая эпоха преобразованій, представляетъ собою ускоренный переходъ отъ прежнихъ до-Петровскихъ способовъ просвѣщенія къ новымъ, европейскимъ. Съ Петра Великаго единство народнаго образованія на Руси нарушилось. На ряду со школой церковно-приходской, общедоступной, народной, возникаетъ школа свѣтская, сословная, профессиональная, устроенная по образцу школы

западно-европейской съ практическими задачами подготовленія служивыхъ людей для государства. Простой народъ по прежнему остался на попеченіи церкви и ея представителей, но высшее и отчасти среднее сословіе стало получать свое образованіе въ новой школѣ. Но скоро начинается преднамѣренное устраненіе духовенства отъ дѣла народнаго образованія. На правильную постановку религіознаго образованія въ духѣ православной церкви не было обращено серьезнаго вниманія. Наплывъ иностранцевъ и явное предпочтеніе русскаго иностранному открыли свободный доступъ въ Россію вліянію враждебныхъ нашей церкви ложныхъ ученій въ формѣ протестантства.

Петръ I провозгласилъ принципъ женской свободы. Онъ раскрылъ двери древнихъ теремовъ и вывелъ изъ нихъ русскихъ боярынь и боярышень; одѣлъ ихъ въ европейскіе костюмы и парики, устроилъ *ассамблеи*, на которыхъ онѣ сходились для разнаго рода общественныхъ увеселеній. Но къ сожалѣнію, уничтоженіемъ теремной замкнутости и ограничилась вся дѣятельность Петра на пользу русской женщины. Для поднятія же ея какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи ничего не было сдѣлано. Мало того, случилось даже противное. Освобожденіе отъ терема русская женщина поняла въ смыслѣ освобожденія отъ семейныхъ обязанностей: стали расшатываться устои семейной жизни. Благочестивые обычаи старины были брошены и подверглись осмѣянію, для котораго протестантское вліяніе давало много матеріала. Этимъ былъ нанесенъ весьма большой ущербъ также и дѣлу религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей въ семьѣ.

Св. **Димитрій Ростовскій** († 1709 г.) является выдающимся святителемъ своей эпохи. Въ своихъ высоко-назидательныхъ „*Четы-Минехъ*“ св. Димитрій изложилъ христіанское ученіе о вѣрѣ и нравственности въ связи съ фактами изъ жизни святыхъ и въ этомъ отношеніи является незамѣнимымъ. Четы-Миней св. Димитрія были и навсегда останутся великою назидательною книгою нашего русскаго народа. Черезъ чтеніе житій святыхъ въ немъ поддерживались и воспитывались религіозное чувство, сознаніе превосходства своей вѣры предъ другими христіанскими исповѣданіями, память о народныхъ преданіяхъ, жажда подвиговъ, желаніе жить по-христіански, православно. И такое могущественное воспитательное значеніе чтеніе житій святыхъ имѣло не только для людей необразованныхъ и дѣтей, но и для образованныхъ.

Часто бываютъ искусительныя минуты для духа самаго образованнаго и, повидимому, самаго твердаго по характеру человѣка: быстрый и крутой переворотъ въ жизненныхъ обстоятельствахъ, или же невольное томленіе, овладѣвающее нерѣдко, среди самаго счастливаго положенія, душами людей, обладающихъ высшимъ настроеніемъ, поставляютъ въ затрудненіе найти точку опоры, на которой можно было бы задержаться отъ окончательнаго разстройства и паденія. Смушенная, или же подавленная гнетомъ грустныхъ впечатлѣній, мысль ищетъ успокоенія и поддержки въ многообразныхъ знаніяхъ. Но, годное для многоаго, человѣческое образованіе не имѣетъ силы укрѣпить мятущійся духъ въ рѣшительныя минуты жизни. Сила эта заключается въ одной только святой вѣрѣ. Впрочемъ, ученіе вѣры благоплоднѣе и успокоительнѣе дѣйствуетъ, въ такихъ случаяхъ, въ живыхъ примѣрахъ и образцахъ, и особенно въ тяжкія минуты жизни опытно познается цѣна ихъ.

Употребленіе житій святыхъ въ школѣ требуется ея высокою задачею и цѣлю. Школа должна воспитать религіозно-нравственныхъ и разумныхъ членовъ церкви, человѣческаго общества и отечества въ особенности. Единеніе школы съ церковію есть самый вѣрный залогъ успѣха школьнаго дѣла, а такое единеніе легко и скоро можетъ быть достигнуто путемъ чтенія житій святыхъ, гдѣ раскрываются и высочайшія истины, и законы, и пути человѣческаго совершенствованія и идеалы. Высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій совѣтуетъ преподавать дѣтямъ начатки вѣры *не какъ непостижимый догматъ, но какъ чудесный разсказъ*, который возбудитъ вниманіе и возвыситъ душу дитяти, а его благоговѣніе и любовь къ Спасителю отразится въ ней и приготовить къ высшему разумнью въ свое время.

Эпоха Елизаветы. Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Елизаветы началось строгое преслѣдованіе всякихъ противоцерковныхъ явленій. Прежде всего былъ затрудненъ доступъ въ Россію иновѣрцевъ, а также отпускъ изъ Россіи тѣхъ иностранцевъ, которые приняли православіе. Для огражденія православія были предприняты цензурныя мѣры противъ вредныхъ для него книгъ. Неоднократно издавались указы, чтобы всѣ православные каждагодно бывали у исповѣди и ходили къ богослуженію подъ опасеніемъ штрафа. Постановлено, чтобы въ праздники до окончанія литургіи не было торговли и питейной продажи. За нарушеніе благочинія во время богослуженія съ виновныхъ велѣно брать по 1 руб. штрафу, не выпуская изъ церкви. Издавъ указъ о приличномъ содержаніи церковей. Правительство обратило вниманіе и на то, что въ крестьянскихъ избахъ иконы содержатся въ нечистотѣ и т. п.

Но не смотря на благочестивое настроеніе правительства, развитіе религіознаго вольнодумства уже не останав-

ливалось. Въ царствованіе Елизаветы нѣмецкое вліяніе стало замѣнятися другимъ еще болѣе опаснымъ вліяніемъ, французскимъ, которое вело за собою знакомство съ разрушительной французской философійю.

Въ 1774 г. Елизавета распорядилась издать Библію для распространенія ея въ народъ по самой дешевой цѣнѣ. Изданіе этой библіи имѣло весьма сильное вліяніе въ смыслѣ возбужденія въ народъ религіознаго образованія и удовлетворенія высшихъ духовныхъ интересовъ. Приобрѣтая эту священную книгу и предаваясь ея чтенію, многіе благочестивые христіане, только благодаря этому, освободились отъ разнаго рода заблужденій, предразсудковъ, заглянули въ свою собственную душу, просвѣтили себя понятіями о Богѣ, мірѣ и челоуѣкѣ.

Эпоха Екатерины II была временемъ наибольшаго увлеченія идеями французской философій, дерзко отрицавшей все догматическое ученіе христіанства, признававшей Спасителя лишь галилейскимъ Сократомъ, отрицательно относившейся къ самой церкви христіанской. Въ новомъ философскомъ духѣ направлялось и самое воспитаніе юношества. Въ школахъ преподаваніе Закона Божія было значительно стѣснено изъ опасенія, какъ бы не заразить учениковъ суевѣріемъ; законоучителямъ не рекомендовалось читать страшныхъ рассказовъ изъ ветхаго завѣта, говорить о чудесахъ, о страшномъ судѣ и о вѣчныхъ мукахъ. Въ современныхъ проектахъ и уставахъ учебныхъ заведеній предписывалось преимущественно внушать воспитанникамъ правила естественной религіи сердца и гуманной морали (въ духѣ Ж. Ж. Руссо), а не положительное вѣроученіе и правоученіе православія, и слишкомъ настойчиво толковалось о развитіи духа терпимости, ничѣмъ тогда не отличавшейся отъ чистаго индифферентизма. Въ многочисленныхъ частныхъ пансіонахъ, заводившихся большею частью иностранцами, на изученіе Закона Божія вовсе не обращали вниманія. Домашнее образованіе въ этомъ отношеніи было еще хуже, находясь въ рукахъ разныхъ гувернеровъ, внушавшихъ своимъ воспитанникамъ и ихъ родителямъ, что религія для образованнаго челоуѣка не нужна, что вѣра въ Бога и Христа есть признакъ невѣжества и т. п. Некоторые родители сами по принципу не давали религіознаго воспитанія дѣтямъ, запрещали въ своемъ домѣ даже говорить о

вѣрѣ, а духовенство вовсе не пускали въ дома. Послѣ первоначальнаго обученія въ Россіи русскій юноша ѣхалъ обыкновенно за-границу, гдѣ довершалъ свое атеистическое образованіе личнымъ знакомствомъ съ философами и религіознымъ невѣріемъ.

Сильнымъ средствомъ къ распространенію религіознаго вольнодумства служила также литература. Въ сочиненіяхъ модныхъ французскихъ авторовъ и въ переводныхъ русскихъ постоянно изображались картины безцѣльности и бессмысленности жизни, которыя обнаруживали невѣріе въ Промыслъ Божій и въ христіанское ученіе о конечныхъ причинахъ; встрѣчаемъ выходки противъ вѣры въ будущую жизнь, намеки на то, что челоуѣкъ есть такой же продуктъ природы, какъ и все живое на землѣ и т. п. Отрицалась любовь къ врагамъ, какъ добродѣтель противоестественная и даже безнравственная, ведущая къ безнаказанности дурныхъ людей, къ умноженію пороковъ и зла, отрицалось умерщвленіе плоти и страстей; за недостаткомъ высшихъ цѣлей, вся добродѣтель сводилась къ цѣлямъ утилитарнымъ.

Вольнодумство въ жизни самого общества проявлялось еще рѣзче, чѣмъ въ литературѣ. Крайнее кощунство и задорныя выходки противъ вѣры считались яснымъ признакомъ образованнаго челоуѣка. Не быть вольнодумцемъ значило быть отсталымъ суевѣромъ, фанатикомъ, почти сумасшедшимъ. Какъ естественный результатъ такого направленія, явилась крайняя нравственная распущенность въ обществѣ и семьѣ.

Французская революція раскрыла глаза императрицѣ Екатеринѣ и она увидѣла, какое зло несетъ народу отчужденіе его отъ вѣры въ Бога и отъ церкви христіанской. Вотъ почему съ этого времени она предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ для поднятія въ Россіи религіозно-нравственнаго воспитанія и уваженія къ св. православной церкви. Чтобы нравственно возвысить народъ, пишетъ въ своемъ „Наказѣ“ Екатерина, надобно ему дать надлежащее воспитаніе. А надлежащимъ воспитаніемъ мудрая государыня считаетъ то, которое построено на началахъ разума, проникнуто духомъ христіанской любви и ведется не по средневѣковой рутинѣ, а по педагогическимъ правиламъ, сообразно природѣ.

Осуществить этот грандиозный план воспитания было поручено знаменитому сотруднику государыни, президенту академии художеств Ив. Ив. Бецкому (1704—1795).

Эпоха Александра Благословеннаго (1801—1825). При Императоре Александре I обнаружилась наиболее сильная реакция против вольнодумства и безбожия. После Петра I-го ни в одно царствование так не охватывала русское общество религиозная настроенность, как в царствование Александра I-го. Къ сожалѣнью, эта религиозность была дѣломъ одного чувства, а не преданности православной церкви. Вслѣдствіе этого почти во все царствование Александра I повсюду быстро развился крайній мистицизмъ съ масонствомъ, квакерствомъ и всѣми русскими мистическими сектами—духоборчествомъ, молоканствомъ, хлыстовствомъ, скопчествомъ и др. Все религиозное образование въ школахъ какъ среднихъ, такъ и начальныхъ, ограничивалось лишь тѣмъ, что по субботамъ приходилъ священникъ для бесѣды съ учащимися.

Эпоха Николая I. Расшатанность семьи, беспочвенность общественной жизни, ложныя начала воспитанія,— вотъ первое, что обратило на себя серьезныя заботы правительства, руководимаго Императоромъ Николаемъ I.

Съ первыхъ же мѣсяцевъ правительство обозначило новый и строгій руководящій принципъ воспитанія и образованія юношества, именно—*нравственная самостоятельность и законность*. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія царскіе манифесты 13-го іюля и 22 августа 1826 года. Въ первомъ, по поводу „горестныхъ происшествій, смутившихъ покой Россіи“, съ высоты престола дается завѣтъ какъ современному, такъ и всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ: „да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, по праздности ума—болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ къ мечтательной крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель“. Далѣе объясняется, что усилія правительства улучшить воспитаніе будутъ безсильны, если домашнее воспитаніе не будетъ содѣйствовать видамъ правительства. Всѣ сословія, особенно же дворянство, призываются

служить этимъ высокимъ государственнымъ интересамъ. „Всякій подвигъ къ усовершенствованію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія Мы примемъ съ признательностью и удовольствіемъ“. То же самое желаніе высказывается и во второмъ царскомъ обращеніи, 21-го августа: „Паче же всего, говорится здѣсь, да будетъ страхъ Божій и твердое отечественное воспитаніе юношества основою всѣхъ надеждъ къ лучшему, первою потребностью всѣхъ состояній“. Въ отношеніи религиознаго образованія Императору Николаю нельзя не поставить въ величайшую заслугу для русскаго народа то, что онъ первый издалъ повелѣніе ввести въ школахъ (кадетскихъ корпусахъ) Законъ Божій, какъ учебный предметъ школьнаго образованія.

Эпоха Александра II богаче всѣхъ предыдущихъ гуманными, глубокопреобразовательными и воспитательными началами. Наилучшимъ выразителемъ возрѣвнѣяющаго Государя на христіанское воспитаніе юношества былъ знаменитый русскій ученый, профессоръ и попечитель Кіевскаго учебнаго округа *Н. И. Пироговъ*.

Его статья „*Вопросы жизни*“ произвела глубокой нравственный переворотъ въ русскомъ обществѣ; ее называютъ статьюю безсмертною въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Въ противоположность мнѣнію о преимуществѣ спеціальнаго образованія надъ общимъ, онъ указалъ въ простыхъ, но краснорѣчивыхъ словахъ, научную цѣль всякаго воспитанія—образование изъ человѣка человѣка. Развивая эту основную идею, Пироговъ устанавливаетъ правильный идеалъ личнаго и общественнаго воспитанія и доказываетъ, что 1) нравственно-религиозныя начала необходимы по самому существу духовной природы человѣка; 2) что какъ бы ни специализировались учебныя заведенія и университетскіе факультеты, они не могутъ не служить главной своей цѣли, т. е., общечеловѣческому образованію и 3) что всякому образованному правительству, сколько бы оно ни нуждалось въ специалистахъ, болѣе всего нужны „истинные люди“. Ученіе Спасителя, чуждое нравственнаго произвола, указало человѣчеству прямой путь, опредѣлило и цѣль, и средоточіе его житейскихъ стремленій. Найдя въ Откровеніи самый главный вопросъ жизни разрѣшеннымъ, казалось бы, человѣчеству ничего другого не должно дѣлать, какъ слѣдовать съ убѣжденіемъ и вѣрою по опредѣленной стезѣ. Но протекли столѣтія, а все осталось „яко же бысть во дни Ноевы“.

Главная бѣда заключается въ томъ, что самыя существенныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направлениемъ, которому слѣдуетъ общество. Мы—христіане и слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служить и должно служить *Откровеніе*. Христіанское ученіе, представляя собою бого-

откровенные отвѣты на всѣ высшіе запросы ума, тѣмъ самымъ даетъ возможность человѣку и познать, какъ слѣдуетъ, самого себя и образовать единственное въ своемъ родѣ, безусловно истинное, правильное міросозерцаніе, а слѣдовательно, нельзя быть истинно-образованнымъ человѣкомъ, не зная богооткровеннаго христіанскаго ученія. Положеніе это, по мысли Пирогова, представляется основнымъ, центральнымъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ возвышенный взглядъ Пирогова на женщину.

Пусть, говоритъ онъ, *женщины поймутъ свое высокое назначеніе* въ вертоградѣ человѣческой жизни. Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова, и первую молитву, дѣлаются главными зодчими общества. *Краугольный камень кладется ихъ руками.*

Христіанство открыло женщинамъ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. И Марѳа, и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искушителя.

Пусть *мысль воспитать себя для этой цѣли*, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій *проникнетъ все нравственное существованіе женщины*, пусть вдохновеніе осѣнить ея волю,—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эмансипаціи.

Но та, которая въ минуты святаго вдохновенія, услышавъ призывный голосъ Высшей Воли: *иди*,—на благородное призваніе для будущаго жить въ борьбѣ, взаимной жертвою одушевлять другихъ и жертвовать собою,—та пусть протянетъ руку, сказавъ: *да, я готова.*

Въ 1861 году Александръ II-й освободилъ миллионы народа русскаго отъ крѣпостныхъ язвъ. Явилось общее сознаніе необходимости просвѣщенія для народа, получившаго свободу. Первымъ и при томъ безкорыстнымъ дѣятелемъ въ этомъ великомъ трудѣ явилось *духовенство*. Свободно, по собственному побужденію, безъ поддержки и матеріальныхъ средствъ, оно стало устраивать школы и учить народъ, который довѣрчиво шелъ за своими пастырями и охотно вручалъ имъ дѣтей своихъ для ученія. О сочувствіи народа церковной школѣ и энергіи духовенства свидѣлствуютъ факты. Въ 1860 году при церквахъ и монастыряхъ было 7907 школъ, въ которыхъ обучалось 133,660 дѣтей; а въ 1865 году церковныхъ школъ было уже 21,420 и въ нихъ обучалось 413,525 дѣтей.

Если бы это благое начало было поддержано правительствомъ и обществомъ, то несомнѣнно вся Россія скоро была бы покрыта густою сѣтью народныхъ школъ. Къ сожалѣнію, эпоха преобразованій была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпо-

хою увлеченія западнымъ либерализмомъ, и духовенство было отгѣснено отъ школы. Церковныя школы стали сокращаться въ числѣ, и къ 1884 г. ихъ было всего 5,517. Религіозно-нравственное воспитаніе и обученіе въ означенный періодъ времени находилось въ упадкѣ. Обращалось вниманіе не на воспитаніе характера и пробужденіе религіознаго чувства, а на развитіе ума и обогащеніе его познаніями. Число уроковъ по Закону Божію было весьма ограничено. Самая программа по предмету Закона Божія была составлена не надлежащимъ образомъ: изъ числа евангельскихъ чудесъ въ программу было внесено одно только чудо объ исцѣленіи Гадаринскаго бѣсноватаго.

Послѣднее тридцатилѣтіе. Печальный опытъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ показалъ, какъ пагубно отражается на народной и общественной жизни разрывъ между школою и православною церковью. Съ 1878 г. въ обществѣ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ снова возникла мысль о необходимости предоставленія православному духовенству должнаго вліянія на народное образованіе.

Великимъ выразителемъ этой идеи явился *Императоръ Александръ III-й*, воскресившій для Руси святыя завѣты исторіи и возвеличившій Россію пробужденіемъ сознанія ея самобытности и внутренней силы. Вполнѣ понявъ и оцѣнивъ значеніе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, въ 1884 г. онъ утвердилъ „*Положеніе о церковныхъ школахъ*“ и тѣмъ положилъ твердую основу для дальнѣйшаго ихъ развитія. „*Надѣюсь*, начерталъ Монархъ, *что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ*“.

Самое названіе церковно-приходскихъ школъ ясно говоритъ о характерѣ ихъ, которымъ они должны отличаться отъ остальныхъ школъ, существующихъ у насъ на Руси. Школы церковно-приходскія имѣютъ своей цѣлю утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія.

Духовенство, проникнутое сознаніемъ долга, внявъ торжественному призыву Государя, самоотверженно и безкорыстно, съ полной энергіей вышло на трудное дѣланіе, вѣры въ помощь Божію и милость царскую, а также въ сочув-

стве народа православнаго. И Господь благословилъ успѣхомъ труды духовенства.

Два главныхъ недостатка препятствовали дальнѣйшему развитію церковной школы: недостатокъ матеріальныхъ средствъ и отсутствіе правильной организаціи управленія и надзора за школами.

Великой нуждѣ народной внялъ благополучно нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай II-й: въ 5-й день іюня 1895 года онъ утвердилъ мнѣніе Государственнаго Совѣта о ежегодномъ ассигнованіи достаточныхъ средствъ: на содержаніе существующихъ и открытіе новыхъ церковныхъ школъ, на устройство второклассныхъ школъ съ учительскими курсами и на уѣздную, окружную и областную инспекцію.

Церковная школа могла вздохнуть теперь свободно, и труженники ея съ вѣрою и упованіемъ стали продолжать свое дѣло, благословляя высокую милость и щедрость Государя. Такимъ образомъ, начатое Александромъ III-мъ утверждено и завершено Николаемъ II-мъ.

На общемъ фонѣ создателей и устроителей церковно-приходской школы выдѣляются величественныя фигуры маститыхъ архипастырей русской церкви, великихъ государственныхъ мужей и славныхъ педагогическихъ дѣятелей. Личность почившаго Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева несомнѣнно должна стоять во главѣ церковно-школьнаго возрожденія. Будучи преданнѣйшимъ и ближайшимъ сподвижникомъ трехъ императоровъ и вѣрнымъ исполнителемъ предначертаній Великаго Государя Александра III-го, онъ по справедливости можетъ быть названъ зиждителемъ церковно-приходской школы. Рядомъ съ К. П. Побѣдоносцевымъ, какъ истолкователи его идеи, стоятъ профессоръ С. А. Рачинскій и Н. И. Ильминскій. Мы прямо должны сказать, что генію этихъ трехъ замѣчательныхъ мужей церковно-школьная педагогія обязана почти всею. Въ ихъ произведеніяхъ основная идея церковно-народной педагогіи нашла себѣ превосходное выраженіе въ образахъ недостижимыхъ по глубинѣ и изяществу, которые останутся навсегда источникомъ для идейнаго руководства и вдохновенія друзей церковно-школьнаго просвѣщенія.

Въ это же царствованіе былъ предпринятъ цѣлый рядъ реформъ по улучшенію религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя управляющаго Мин. Нар. Пр. Г. Э. Зенгера, Государь Императоръ прежде всего обращаетъ свое вниманіе на эту сторону дѣла: „Прежде всего, читаемъ здѣсь, подтверждаю Мое требова-

ніе, чтобы въ школъ съ образованіемъ юношества соединились воспитаніе его въ духъ вѣры, преданности престолу и отечеству и уваженіе къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи приучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самосмѣніе“.

ОБЩАЯ МЕТОДИКА ЗАКОНА БОЖІЯ.

I.

Возрастъ, съ котораго должно начинать религіозно-нравственное воспитаніе и обученіе; сужденія Ж.-Ж. Руссо и Бенеке.

По мнѣнію Руссо и филантропической школы религіозное воспитаніе должно начинаться только тогда, когда въ дитяти разовьется разумъ для пониманія всякихъ религіозныхъ истинъ и когда въ немъ начнетъ проявляться религіозная потребность.

По Руссо воспитанникъ получаетъ первыя свѣдѣнія о душѣ и Богѣ только во второе десятилѣтіе своей жизни. По ученію Бенеке дѣтямъ не надо толковать о догматахъ христіанства, потому что, не постигая ихъ сущности, они будутъ представлять ихъ въ ложномъ видѣ, что породитъ въ нихъ предразсудки и суевѣрія, которыя, можетъ быть, въ продолженіе цѣлой жизни будутъ затмевать ихъ умъ и препятствовать имъ возвыситься до истинно-религіознаго убѣжденія.

Такія разсужденія нужно признать совершенно неосновательными. Неосновательность ихъ вытекаетъ изъ того, что въ нихъ религія понимается какъ знаніе, а самое отношеніе человѣка къ содержанію религіи, какъ отношеніе ко всякому научному положенію. Хотя и нельзя отрицать значенія зна-

нія въ области религіи (Іоан. XII, 3; Ср. 2 Кор. III; Іак. 19, 20), тѣмъ не менѣе сущность религіи нельзя полагать только въ одномъ знаніи. Примѣры дѣйствительной жизни показываютъ намъ, что люди умственно развитые не всегда бываютъ религіозны, и наоборотъ, въ простыхъ, необразованныхъ людяхъ религіозность обнаруживается иногда сильнѣе, чѣмъ у людей образованныхъ. Божественное ученіе Христа имѣетъ то чудное свойство, что оно равно доступно для умовъ младенческихъ, какъ неисчерпаемо и для самыхъ глубокихъ мыслителей. Такимъ образомъ, религіозное воспитаніе, подобно нравственному, отнюдь не слѣдуетъ откладывать до времени болѣе или менѣе полного умственного развитія человека, а слѣдуетъ начинать его на первыхъ порахъ проявленія сознанія въ ребенкѣ.

По заповѣди Церкви, родители безусловно обязаны съ самыхъ первыхъ дней рожденія приносить дѣтей какъ можно чаще въ храмъ Божій для причащенія Св. Таинъ, а съ раскрытіемъ перваго разумѣнія—пріучать ихъ ходить въ храмъ Божій не по обычаю только, но и по усердію, благоговѣнію и любви къ Господу Іисусу Христу. Съ шестилѣтняго возраста дитя изучаетъ церковныя молитвы, а съ семи лѣтъ приводится на исповѣдь къ духовному отцу. Эта первая исповѣдь есть первое испытаніе ихъ вѣры, начало самосознанія. Дитя познаетъ, что есть воля Божія, благая, угодная, совершенная (2 Тим. I, 8), различаетъ добро отъ зла и навикаетъ избѣгать грѣха.

Что касается сообщенія религіозныхъ истинъ, то его нужно вести постепенно, сообразуясь съ характеромъ ихъ содержанія и степенью умственного развитія дѣтей и ихъ религіозной потребности.

А. Средства религіозно-нравственнаго воспитанія внѣ школы.

Средства религіозно-нравственнаго воспитанія весьма многообразны, такъ что для удобства ознакомленія съ ними ихъ необходимо раздѣлить на два вида: а) средства религіозно-нравственнаго воспитанія *внѣ школы* и б) *въ школѣ*.

1. Семья. *Первоначальной школой воспитанія* дитяти является семья. Никто не можетъ миновать этой школы: въ семьѣ вырастаютъ и члены общества, члены церкви, члены общества и государства. Школа семьи есть въ то же время

и наилучшая школа воспитанія: первыя впечатлѣнія дѣтства глубоко западаютъ въ душу дитяти и остаются на всю жизнь; поэтому въ семьѣ полагается основаніе для всей послѣдующей жизни. Но не всякое семейство можетъ воспитать и воспитываетъ надлежащимъ образомъ своихъ дѣтей. Только истинно-христіанская семья служитъ тѣмъ святилищемъ, въ которомъ пробуждаются и правильно развиваются прирожденныя душѣ дѣтей начала религіозности и нравственности. Въ этомъ отношеніи даже необразованная, но православная и добрая христіанская семья имѣетъ весьма большое воспитательное значеніе.

Примѣръ родителей и вообще старшихъ служитъ главнымъ воспитательнымъ средствомъ въ семьѣ; онъ замѣняетъ дитяти и наставленіе и книгу. Въ самомъ раннемъ возрастѣ, когда дитя еще не научилось говорить, оно уже находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ окружающихъ. Сила примѣра велика и во всю дальнѣйшую жизнь дитяти.

Когда ни одинъ членъ семейства, раскрываетъ картину семейныхъ вліяній преосвящ. Амвросій, не можетъ остаться безъ вечерней и утренней молитвы; когда отецъ не выходитъ изъ дома на свое дѣло, не помолившись предъ святыми иконами, а мать ничего не начинаетъ безъ крестнаго знаменія; когда и малому дитяти не позволяютъ дотронуться до пищи, пока оно не перекрестится; не пріучаются ли этимъ дѣти просить во всемъ Божіей помощи и призывать на все благословеніе Божіе, и вѣровать, что безъ помощи Божіей нѣтъ безопасности въ жизни, а безъ Его благословенія нѣтъ успѣха въ дѣлахъ человѣческихъ. Не можетъ остаться бесплодною для дѣтей вѣра родителей, когда они при нуждѣ и бѣдности, со слезами на глазахъ, говорятъ: „что дѣлать, будь воля Божія“; при опасности: „Богъ милостивъ“; при трудныхъ обстоятельствахъ: „Богъ поможетъ“; при успѣхѣ и радости: „слава Богу, Богъ послалъ“. Здѣсь всегда и во всемъ исповѣдуется Божія благодѣтельность, Божіе промышленіе, Божіе правосудіе.

На примѣрахъ въ набожной семьѣ дитя учится и правиламъ благочестія. Съ первымъ ударомъ колокола дитя вмѣстѣ съ родителями идетъ въ храмъ Божій, участвуетъ въ общественной молитвѣ, лобызаетъ крестъ и св. иконы, воспринимаетъ настроеніе присутствующихъ. Благочестивые родители стараются внушить дѣтямъ усердіе къ церковному богослуженію, строгое соблюденіе церковныхъ уставовъ и уваженіе къ духовному сану. Въ домашней жизни дитя также повсюду видитъ предъ собою примѣры благочестія: оно видитъ, какъ старшіе творятъ молитвы утреннюю и ве-

чернюю, предъ принятиемъ пищи и послѣ принятія ея, предъ началомъ всякаго дѣла и послѣ совершенія его; видитъ оно благоговѣйное отношеніе старшихъ ко всему священному, видитъ также, что родители во всѣхъ затруднительныхъ и радостныхъ случаяхъ жизни обращаются чрезъ священника съ молитвою къ Богу. А что сказать о домашнихъ приготовленіяхъ къ великимъ праздникамъ Церкви, какова Пасха и Рождество Христово? Сколько духовной радости переживаетъ дитя въ эти дни, привыкая видѣть въ нихъ не только отдыхъ отъ трудовъ, но и величайшее церковное торжество.

Заслуживаетъ также особеннаго вниманія добрый обычай благочестивыхъ родителей *освятить своихъ дѣтей крестнымъ знаменіемъ* во всѣхъ случаяхъ, когда и сами взрослые должны креститься. Трудно прослѣдить таинственную силу сего осѣненія, но сила креста при вѣрѣ родителей и по вѣрѣ церкви, низводитъ на дѣтей благословеніе Божіе.

Безмолвный урокъ примѣра и молитва родителей служатъ главными средствами воспитанія, пока въ дитяти не пробудилось еще сознаніе и пока оно не обладаетъ даромъ рѣчи. Съ пробужденіемъ же сознанія средства религіознаго воспитанія значительно расширяются. Этими средствами служить: *религіозныя бесѣды, наученіе молитвъ, посѣщеніе храма Божія и упражненіе въ благочестіи.*

Бесѣды родителей съ дѣтьми о предметахъ вѣры по характеру своему должны быть просты и безыскусственны, ясны и по возможности кратки ¹⁾.

2. Мать. Ближайшею и самую *естественною руководительницею дитяти* является вѣрующая въ простотѣ сердца и любящая *мать*. Значеніе матери въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія безконечно велико и ничѣмъ не замѣнимо.

Мать-христіанка, говоритъ преосвящ. Амвросій, даже не получившая никакого научнаго образованія, становится учительницей богопознанія для дитяти съ самаго его рожденія. Она наблюдаетъ, чтобы оно не оставалось ни на минуту безъ св. креста, возложеннаго на него при крещеніи; она предъ глазами дитяти прикрѣпляетъ къ колыбели св. икону; она призываетъ ангела-хранителя. Едва пока-

¹⁾ Примѣрную программу свѣдѣній для бесѣдъ родителей съ дѣтьми этого возраста мы находимъ въ сочиненіи: „О развитіи религіознаго чувства у дѣтей до-школьнаго возраста“. Свящ. А. Малияревскій. СПб. 1890.

жуются въ глазахъ дитяти первые признаки сознанія, едва начнетъ языкъ его намекать первыя слова,—она подноситъ его къ кивоту, освѣщенному лампадой и, указывая на икону Спасителя, говоритъ ему: это Богъ. И счастливо дитя, которое съ первыми рѣченіями, доступными для его языка, усвоить это святое и достопоклоняемое имя. Отъ этого простаго приѣма происходитъ то, что многіе христіане не запоминаютъ времени, съ котораго образъ Спасителя сталъ для нихъ любезнымъ. И какое великое приобрѣтеніе—любить Его съ младенчества!

Мать, предметъ любви и нѣжности дитяти, стоитъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ лица и молится предъ иконой Спасителя: дитя посмотреть—то на нее, то на образъ и не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ того, что это значить. Вотъ первый урокъ Богопознанія.

Великое значеніе матери въ дѣлѣ добраго воспитанія ея дѣтей объясняется особенными преимуществами ея духовной природы. Вѣра въ Бога имѣетъ свой жизненный корень по преимуществу въ нашемъ сердцѣ. Но извѣстно, что въ женской природѣ сердечная жизнь преобладаетъ надъ всѣми другими проявленіями человѣческаго духа. Такимъ образомъ, женщинамъ самую природою ихъ духа дано преимущество предъ мужчинами въ области религіозной жизни. Женщины вообще религіознѣе мужчинъ; въ этой религіозности—ихъ особенность, отличительный признакъ по сравненію съ мужчинами. Отсюда ея прямое призваніе и долгъ—воспитывать своихъ дѣтей въ добрѣ, вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ: въ этомъ ея собственное величіе и добро, и величіе и добро ея семьи.

Воспитывая дѣтей въ духѣ религіозномъ, мать выполняетъ свое назначеніе, и только этимъ создаетъ себѣ славу, которую никогда не уничтожитъ никакая зависть, и которая всегда будетъ имѣть значеніе на судѣ Божіемъ и человѣческомъ, на судѣ совѣсти и потомства. На этомъ судѣ насъ не спросятъ, какъ часто мы выѣзжали, какъ хорошо умѣли одѣться и держать себя въ обществѣ, какъ превосходили одни другихъ на поприщѣ забавъ, остротъ и искусственныхъ развлеченій. Все это обыкновенно исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ, для котораго мы приносили суетныя жертвы. Насъ будутъ судить по тѣмъ плодамъ, какіе мы завѣщаемъ будущему времени въ своихъ дѣтяхъ и питомцахъ. „Сынъ безуменъ, говоритъ премудрый, безчестіе матери“. Святый апостоль Павелъ общается женѣ спасеніе ради чадородія (1 Тимое. 2, 15), то есть, если богобоязненная христіанская мать умножитъ своими дѣтьми число святыхъ, чистыхъ и спасаемыхъ членовъ церкви Христовой.

Тайна преимущественнаго добраго вліянія матери на ея дѣтей скрывается еще въ ея нѣжномъ и любящемъ сердцѣ

и въ той особенной близости ея къ дѣтямъ, въ какую она поставлена самою природою. Мать является душою семьи; ея любовь теплѣе, доступнѣе и ближе къ дѣтямъ, чѣмъ любовь отца. Въ то время, какъ отецъ семейства, на которомъ естественно лежитъ обязанность заботиться о довольствѣ семьи, долженъ по нуждѣ оставить свой домъ и выходить изъ него, мудрая жена устрояетъ свой домъ (Притч. Солом. 14, 1), направляя свои заботы преимущественно на воспитаніе своихъ дѣтей. Дѣйствія и наставленія, въ которыхъ мать преподаетъ основныя нравственныя правила своимъ дѣтямъ въ самомъ раннемъ возрастѣ ихъ, когда душа ихъ еще чиста отъ всякихъ вредныхъ вліяній, проникнута кроткимъ, нѣжнымъ чувствомъ. Эта кротость даетъ особую силу наставленіямъ матери, сообщаетъ имъ живучесть и долговѣчность. Отсюда вліяніе матери на образованіе души, на нравственный складъ и характеръ дѣтей простирается далеко, не ограничиваясь только временемъ младенчества и юности ея дѣтей. Оно сохраняетъ и въ зрѣломъ возрастѣ ихъ, создавая въ душѣ ихъ прочное, ничѣмъ и никѣмъ не могущее быть уничтоженнымъ, основаніе истинно благочестивой жизни. Достойная удивленія и славной памяти Соломонія, мать семи сыновъ Маккавеевъ, такъ прочно насадила въ сердцахъ своихъ дѣтей любовь къ истинному Богу, что нечестивый гонитель Антиохъ Епифанъ никакими мученіями не могъ заставить ихъ отречься отъ вѣры, самъ изумлялся ихъ мужеству въ страданіяхъ и долженъ былъ выслушивать отъ каждаго изъ нихъ справедливое осужденіе своего нечестія. То же самое нужно сказать и о святой мученицѣ Софіи, воспитавшей въ духѣ христіанскаго благочестія трехъ своихъ дочерей—Вѣру, Надежду и Любовь. Если прослѣдить, какъ образовались великіе люди, пишетъ въ предисловіи къ прекрасной книгѣ „Жизнь святой Павлы“ неизвѣстный авторъ, то найдемъ у колыбели каждаго изъ нихъ женщину, мать или сестру, которая была святыня и которымъ они обязаны своею святостію, направлениемъ своей жизни и лучшею частію своего величія душевнаго. Вообще исторія представляетъ множество примѣровъ, доказывающихъ съ очевидностію, что великіе угодники Божіи и доблестные мужи, обезсмертившіе себя дѣятельною любовью къ Богу и ближнимъ, были воспитаны въ этой любви преимущественно своими благочестивыми матерями.

3. Нравственное вліяніе другихъ членовъ семьи на воспитаніе дитяти. Братья и сестры составляютъ первое общество, въ которомъ дитя чувствуетъ себя членомъ и принимаетъ непосредственное участіе въ его жизни.

Вступая въ отношеніе къ братьямъ и сестрамъ, дитя впервые вступаетъ въ общество равноправныхъ лицъ. Чувствуя себя въ отношеніяхъ къ послѣднимъ свободнымъ и равноправнымъ, дитя упражняется въ самостоятельности и независимости; имѣя нужду оберегать и защищать права свои, прочими братьями и сестрами иногда попираемая, оно научается напрягаться и бороться. Видя кого-либо изъ братьевъ или сестеръ обижаемого прочими братьями и сестрами, оно защищаетъ его; имѣя влеченіе и желаніе быть въ обществѣ и дружествѣ съ братьями и сестрами своими, оно учится приравливаться къ нимъ и ладить съ ними; вступая съ братьями и сестрами въ разныя столкновенія, оно приобретаетъ тѣ опыты, которыми сопровождаются ссора и примиреніе; предпринимая совмѣстно съ братьями и сестрами какое-либо общее дѣло, оно собираетъ всѣ свои силы и все свое мужество, лишь бы не отстать отъ прочихъ. Такимъ образомъ, изъ сожительства съ братьями и сестрами дитя прежде всего приобретаетъ и укрѣпляетъ въ себѣ формальную сторону нравственности или нравственной жизни, именно—самостоятельность, свободу, мужество. Но вмѣстѣ съ тѣмъ душа его наполняется и содержаніемъ нравственной жизни, состоящимъ въ благожеланіи, въ любви къ людямъ. Вступая въ близкія сношенія съ братьями и сестрами и имѣя однѣ съ ними потребности и преслѣдуя однѣ цѣли, дитя начинаетъ имѣть одни съ ними чувства и любить ихъ.

Насколько благотворно взаимное вліяніе братьевъ и сестеръ, когда между ними живетъ духъ хорошей, благоустроенной семьи, настолько оно вредно, когда этого нѣтъ. Мало того, вслѣдствіе испорченности человѣческой природы и въ благоустроенной семьѣ часто проявляются въ дѣтяхъ эпохвальныя влеченія и стремленія. Долгъ родителей противодѣйствовать послѣднимъ. Родители поступаютъ несправедливо и погрѣшаютъ въ отношеніяхъ къ своимъ дѣтямъ, когда избираютъ изъ среды ихъ любимца, или когда чувствуютъ и обнаруживаютъ нерасположеніе, а можетъ быть, даже и отвращеніе къ своему дитяти, такъ сказать, неудавшемуся. Погрѣшаютъ родители и въ томъ случаѣ, когда

одно дитя поставляють въ примѣръ другому. Наконецъ, опасно одному дитяти давать право надзора и господства надъ другими дѣтьми. Положительное средство для установленія правильныхъ отношеній между дѣтьми—общность интересовъ. Какъ взрослые сближаются и дружатся въ томъ случаѣ, когда имѣютъ одни и тѣ же занятія, преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли, часто бываютъ вмѣстѣ, такъ то же самое надобно сказать и о дѣтяхъ. Развитію сердечныхъ отношеній и любви между членами семьи могутъ служить и семейные праздники: дни рожденія родителей и ихъ дѣтей, день приобщенія Св. Таинъ и т. п.

Важно установить отношенія дѣтей и къ прислугѣ, также составляющей часть семейнаго дома. Дитя не должно само отъ себя давать приказаній прислугѣ, оно можетъ только передавать приказанія родителей: свои же собственныя желанія оно должно высказывать въ формѣ просьбы.

Въ самомъ близкомъ отношеніи къ ребенку находятся няня и воспитательница. Поэтому удачный выборъ ихъ весьма важенъ. Няня и воспитательница суть помощницы матери въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Кромѣ знаній, воспитательница должна имѣть „теплое сердце“, твердый характеръ, терпѣніе, самоотверженное смиреніе, то подлинно христіанское чувство, которое не ищетъ своего; она должна имѣть, наконецъ, педагогическую опытность. Что касается національности няни и воспитательницы, то онѣ должны быть русскія—для русскаго дитяти.

4. Кружокъ товарищей. Для воспитанія въ дѣтяхъ христіанской любви и уваженія къ людямъ, необходимо поставить ихъ на первыхъ же порахъ въ тѣсныя сношенія и взаимодействія съ ближними. Большую ошибку дѣлаютъ воспитатели, держа дѣтей вдали отъ всякаго общества: въ такомъ случаѣ ребенокъ, принужденный въ своихъ представленіяхъ, чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ имѣть дѣло только съ собою, привыкаетъ вовсе не обращать вниманія на ближнихъ,—склонности и влеченія его принимаютъ одностороннее направленіе и онъ невольно дѣлается эгоистомъ, или мало воспримчивымъ къ чувству долга по отношенію къ другимъ людямъ.

Послѣ родной семьи самую удобною средою для развитія и укрѣпленія въ дѣтяхъ добрыхъ нравственныхъ качествъ является *кружокъ дѣтей—товарищей или подругъ*. Кружокъ

товарищей долженъ быть признанъ лучшимъ средствомъ для воспитанія.

Правда, дитя можетъ услышать отъ товарищей и увидѣть много такого, что нежелательно въ интересахъ нравственнаго воспитанія и что послужитъ зародышемъ образованія нѣкоторыхъ пороковъ; въ школахъ-же, вслѣдствіе разныхъ столкновеній и споровъ товарищей, вслѣдствіе образованія кружковъ или партій, нерѣдко зажигаются и недобрыя страсти. Съ другой стороны, въ товарищескомъ кругу могутъ быть дѣти благонравныя, но крайне бѣдныя, возможны несчастные случаи—потери или болѣзни въ семьяхъ сверстниковъ или сверстницъ. Горе и нужда товарищей естественно могутъ возбуждать состраданіе другихъ дѣтей. Долгъ воспитателей указать дѣтямъ средство помочь нуждающимся. Пусть нѣжное сердце дитяти сожалеетъ о бѣдныхъ, лишенныхъ куска хлѣба или нужной по времени одежды; пусть скорбитъ о чужомъ горѣ, страдаетъ о недугахъ, болѣзняхъ другихъ, хотя и не родныхъ по крови; пусть рука ребенка приучится подавать помощь нуждающемуся сверстнику. Выростутъ дѣти, будутъ общественными дѣятелями и непременно благотворительными; всякій изъ нихъ съ готовностью поможетъ ближнему во всемъ, что для него возможно и доступно: одинъ—иниціативу (починъ) добраго дѣла, другой—свое высокое покровительство, третій—избытокъ средствъ; всѣ же вообще—христіанскую любовь. Въ виду этого со стороны родителей требуется большая осторожность въ выборѣ чужихъ дѣтей для знакомства съ своими. Родители твердо должны помнить, что чувства и расположенія ихъ дѣтей во многомъ будутъ зависѣть отъ того, какими товарищами или подругами окружены они. Въ священномъ писаніи говорится: „съ преподобнымъ преподобенъ будеши и съ неповиннымъ неповиненъ будеши, и со избраннымъ избранъ будеши, и со строптивымъ развратишия“ (Псал. 17, 16). Дурной примѣръ, грубая манера, жестокое слово собесѣдниковъ-дѣтей скоро, къ несчастію, усвоится и другими, даже гораздо легче и скорѣе, чѣмъ хорошая манера, ласковое обращеніе. Такова наша поврежденная природа: къ злу мы бываемъ болѣе склонны, чѣмъ къ добру. Поэтому-то и нужно смотрѣть, нѣтъ ли въ комъ изъ дѣтей какой-либо дурной привычки, какъ заразы, вліяющей на добрую душу родного

ребенка. Злыми бесѣдами портятся добрые нравы (I Коринѣ. 15, 33) и во взрослыхъ, а тѣмъ болѣе въ дѣтяхъ.

5. Общество; общественное мнѣніе. Великую силу и значеніе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго образованія имѣетъ, такъ называемое, *общественное мнѣніе*. Оно устанавливаетъ взгляды на многіе вопросы знанія и жизни; оно вводитъ обычаи, создаетъ законы общественнаго приличія и даетъ направленіе и характеръ идеаламъ общества; оно влачитъ за собою людей, не имѣющихъ собственныхъ убѣжденій и не разсуждающихъ о томъ, куда они идутъ и куда придутъ. *Всѣ такъ думаютъ: таково общественное мнѣніе*,—вогь основаніе для мысли и жизни весьма многихъ людей.

Такъ какъ общественное мнѣніе по характеру и направленію своему бываетъ весьма разнообразно, то воспитатели съ особенною разборчивостію должны относиться къ нему. Когда общественные взгляды носятъ христіанскій характеръ, то воспитатели должны пользоваться имъ, какъ могущественнымъ средствомъ религіозно-нравственнаго воспитанія. Къ сожалѣнію, весьма нерѣдко общественное мнѣніе принимаетъ ложное направленіе, и тогда трудная борьба предстоитъ воспитателю, чтобы питомцы не поддались его вліянію. Поэтому воспитатели должны внушать своимъ питомцамъ необходимость сознательнаго и критическаго отношенія къ общественному мнѣнію по слѣдующимъ основаніямъ. Прежде всего не согласно съ достоинствомъ человѣка, какъ личнаго существа, слѣпо слѣдовать чужому мнѣнію, хотя бы и общественному. Всякій человѣкъ отвѣтственъ за свои мысли, дѣйствія и поступки. Притомъ, отъ направленія нашихъ мыслей, откуда-бы мы ихъ ни заимствовали, и отъ качества нашихъ дѣлъ зависитъ наша судьба, за которую самимъ себѣ и Господу Богу мы одни отвѣчаемъ; общественное мнѣніе не освободитъ насъ отъ этой отвѣтственности. Еще большую отвѣтственность берутъ на себя тѣ воспитатели, которые руководствуются общественнымъ мнѣніемъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія юношества.

Къ этой же мысли приводитъ насъ и самое понятіе объ общественномъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое общественное мнѣніе? Общественное мнѣніе, по самому точному опредѣленію, есть *сужденіе большинства въ извѣстномъ кругѣ*

людей. Измѣнчивость человѣческихъ мнѣній не только даетъ намъ право, но и обязываетъ каждаго изъ насъ имѣть свое собственное мнѣніе, а если кто сдѣлать этого не въ силахъ, тотъ вправѣ по своему убѣжденію избирать себѣ въ руководители тѣхъ, кого пожелаетъ, а не тѣхъ, кто ему навязывается.

Въ этомъ же смыслѣ признавалъ общественное мнѣніе и Самъ Исусъ Христосъ. Спрашивая учениковъ Своихъ, за кого люди почитаютъ Его, Онъ никому насильственно не навязывалъ того или другого мнѣнія о Себѣ, а призывалъ всѣхъ обратить вниманіе на слова и дѣла Его, которыя свидѣтельствовали о Немъ. Отсюда и въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія должно управлять не мнѣніе, частное или общественное, а истина. Мнѣніе подлежитъ разбору и обсужденію; только разборъ и обсужденіе мнѣній есть путь къ истинѣ. А такъ какъ всѣ люди склонны къ заблужденіямъ: то ни наука человѣческая, ни познанія, ни дарованія, ни высокое общественное положеніе не могутъ дать намъ ручательства за истину высказываемыхъ мнѣній. Истина въ томъ, кто сказалъ о Себѣ, что Онъ есть истина, путь и животъ. А такъ какъ преемниками Исуса Христа являются пастыри и учителя христіанства, то для людей, желающихъ понять истинное значеніе распространяемыхъ въ обществѣ новыхъ ученій—обязательно обращаться къ мнѣнію и сужденію „слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ“ (I Кор. 4, 1). Ученіе Христово, воплощаемое въ живыхъ людяхъ и хранимое въ цѣлости въ церкви Христовой, достаточно не только для опредѣленія и оцѣнки духа и направленія нашего вѣка, но и всѣхъ вѣковъ грядущихъ.

6. Церковь. Церковь православная есть истинная мать и воспитательница всѣхъ дѣтей своихъ,—она пріемлетъ ихъ отъ рожденія, руководитъ въ жизни и сопровождаетъ прощеніемъ и благословеніемъ въ жизнь загробную. Младенецъ по рожденіи вступаетъ въ общеніе съ Церковью чрезъ таинство крещенія. Съ этихъ поръ онъ дѣлается сыномъ ея: она заботливо охраняетъ его и воспитываетъ къ лучшей жизни, къ истинному счастью на землѣ и къ блаженству на небѣ; она участливо предлагаетъ ему всѣ свои благодатныя средства. Крещеніе есть возрожденіе падшей природы дитяти-человѣка. Крещеному, въ лицѣ воспріемника, Церковь даетъ руководителя въ вѣрѣ, а Господь посылаетъ ангела-храни-

теля. Миропомазаніе сообщаетъ дѣтямъ дары Св. Духа, благодатную силу, дѣлающую младенцевъ воспріимчивыми ко всему Божественному. Таинство св. причащенія, къ которому Церковь также призываетъ дѣтей, соединяетъ младенца съ Богомъ, освящаетъ и укрѣпляетъ его духовную природу, даетъ здоровье душѣ и тѣлу. Затѣмъ Церковь, вселенская учительница, учитъ вѣрѣ и благочестію дѣтей своихъ и устанавливаетъ живое съ ними общеніе.

По ученію слова Божія, внѣ Церкви нѣтъ спасенія. Св. Киприанъ говоритъ, что „не имѣющей матерію Церкви Божіей на землѣ, не можетъ имѣть отцомъ своимъ Бога на небѣ“. Слѣдовательно, внѣ Церкви не можетъ быть истиннаго христіанскаго воспитанія и ученія.

7. Православный храмъ и Богослуженіе. Жизнь Церкви видимымъ образомъ яснѣе всего выражается въ храмѣ Божіемъ. Поэтому посѣщеніе храма должно имѣть высокое нравственно-воспитательное вліяніе на душу дитяти.

Уже одни внѣшнія естественныя средства, какими располагаетъ храмъ, говорятъ намъ о его воспитательномъ значеніи. Православная христіанская церковь не только благословляетъ всѣ роды искусства, но и сама широко пользуется ими какъ для прославленія Творца, такъ и для возбужденія и воспитанія въ вѣрующихъ чистаго религіознаго чувства. *Архитектура*, устрояющая для насъ храмы Божіи, самымъ характеромъ ихъ построенія говоритъ намъ о Богѣ и нашихъ отношеніяхъ къ Нему. Въ свѣтломъ, величественномъ храмѣ византійскаго стиля, съ его обширнымъ полукруглымъ куполомъ, напоминающимъ собою безпредѣльный сводъ неба, мы возносимся мыслью къ Тому, Кто простеръ это небо надъ звѣздами и Кто зоветъ насъ къ Себѣ въ наше вѣчное жилище; мы невольно останавливаемся здѣсь своимъ размышленіемъ на томъ, что кромѣ грѣшной земли есть для насъ еще и иная область бытія. Войдя въ церковь, мы устремляемъ свой взоръ къ произведеніямъ другого искусства—*живописи*. Предъ нами святые иконы, изображающія Самого Господа нашего Иисуса Христа, явившагося во плоти, Его Пречистую Матерь, святыхъ угодниковъ Божіихъ. Здѣсь творческій духъ человѣка въ живыхъ образахъ и картинахъ представляетъ намъ все великое дѣло нашего спасенія. И сколько разъ скорбное и удрученное страданіями сердце человѣческое было утѣшено и облегчено въ храмѣ Божіемъ этимъ

созерцаніемъ святыхъ иконъ! Но наибольшее значеніе въ религіозной жизни человѣка имѣютъ высшіе роды искусства: *музыка* и *поэзія*—церковныя молитвы и пѣнопѣнія. Молитва, какъ бесѣда души человѣческой съ Богомъ, какъ изліяніе предъ нимъ возвышенныхъ религіозныхъ чувствъ, требуетъ для своего выраженія и соотвѣтствующей формы—чистой, одушевленной и благородной лирики. Но этихъ чувствъ, которыя въ сердцѣ человѣка бьютъ живымъ ключемъ, нельзя передать однимъ простымъ чтеніемъ; они сами невольно изливаются въ звуки и мелодіи—то грустныя и скорбныя,—въ которыхъ слышится терзаніе духа, сокрушающагося о содѣянныхъ грѣхахъ,—то радостныя и восторженныя, какія могутъ быть порождены лишь непосредственнымъ сознаніемъ человѣка своего общенія съ Божествомъ. Этихъ чувствъ не можетъ передать музыка мертвая, инструментальная. Вотъ почему православная церковь и приняла для выраженія своихъ молитвословій и гимновъ только музыку вокальную, которая не только способна въ гармоническихъ звукахъ воспроизвести всѣ оттѣнки сложнаго религіознаго чувства, всѣ тайные изгибы нашего сердца, но и даетъ возможность вѣрующимъ внятно слышать слова молитвословій и ощущать въ себѣ то чистое молитвенное настроеніе, которое охватило душу самихъ составителей церковныхъ молитвословій. Въ этомъ отношеніи православная церковь лишь только выполняетъ завѣтъ Божественнаго Откровенія. Святые апостолы неоднократно наставляютъ насъ „научать и вразумлять другъ друга псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, воспѣвая въ сердцахъ нашихъ Господу“.

Хотя малые дѣти многого не понимаютъ въ Богослуженіи, но зато они живо воспринимаютъ все это своимъ чувствомъ. Вѣдь не одинъ только анализирующій разумъ является проводникомъ религіозныхъ вліяній въ душу человѣка. Вѣра только начинается въ мысляхъ, но принадлежитъ она главнымъ образомъ сердцу. А дитя преимущественно живетъ сердцемъ, чувствомъ; оно скорѣе чувствуетъ святыхъ, благодатныя вліянія, чѣмъ постигаетъ ихъ умомъ. Въ православномъ же христіанскомъ Богослуженіи и воспитывается собственно чувство, какъ главный двигатель духовной жизни человѣка. Обряды православной церкви имѣютъ въ этомъ отношеніи величайшую важность. Они служатъ тѣмъ внѣш-

нимъ органомъ, чрезъ который и при помощи котораго усвоится внутренняя, существенная сторона религіи. Внѣшнее благолѣпіе храма, освѣщеніе, свѣтлыя облаченія священнослужащихъ, пѣніе и безмолвное предстояніе молящихся, обращенныхъ къ алтарю, священныя дѣйствія, отсутствие предметовъ обыденной жизни, запрещеніе неблагоговѣйныхъ движеній, требованіе вниманія къ чему-то высокому, особенному—все это для дитяти является великими уроками благоговѣнія предъ Богомъ. Всякій, съ дѣтства наученный любить домъ Божій, привыкшій часто посѣщать церковное Богослуженіе, можетъ припомнить, какъ онъ любилъ Христа Спасителя въ дѣтствѣ своемъ, съ какимъ наслажденіемъ и усердіемъ участвовалъ въ священныхъ обрядахъ церкви, какъ легко тогда вѣрилось, какъ чиста была молитва и какъ близко и доступно было сердцу все святое и благородное. А какъ живо трепещетъ душа наша отъ религіознаго восторга при воспоминаніи о свѣтлыхъ и радостныхъ дняхъ праздника Пасхи! Это было время невинности; это былъ рай души, чувствующей Бога, невидимо обитающаго въ храмѣ.

Дитя можно отчасти сравнить въ этомъ отношеніи съ простымъ народомъ, который тоже въ большей степени обладаетъ чувствомъ, чѣмъ умомъ. Простой народъ многого, конечно, въ Богослуженіи церковномъ не понимаетъ, но ему пріятно и радостно стоять въ церкви. Красота православнаго церковнаго богослуженія поразила и нашихъ предковъ, испытателей вѣры и привела ихъ къ истинѣ. „Мы не знаемъ, говорили они, на небѣ ли мы находились или на землѣ, потому что на землѣ нѣтъ такого вида и красоты; знаемъ только, что тамъ съ людьми обитаетъ Богъ и что забыть этой красоты мы не можемъ“. Этотъ историческій фактъ объясняетъ и силу того вліянія, какое можетъ производить на дитя церковь и ея богослуженія.

8. Исполненіе дѣтьми христіанскаго долга Исповѣди и Св. Причастія. Дѣти должны навѣкать въ послушаніи и твердомъ исполненіи предписаній и обычаевъ церкви православной. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ исполненіе христіанской обязанности бывать неопустительно у *исповѣди* и *св. причастія* въ дни, установленныя церковію. Таинство св. причащенія тѣснѣйшимъ образомъ соединяетъ человѣка съ Господомъ Богомъ, питаетъ его духовно, укрѣ-

пляетъ и развиваетъ въ немъ сѣмя Божественной жизни (Іоан. 6, 54—58; 15, 1—6). По ученію православной церкви, святыя тайны бываютъ причастнику ихъ во освященіе, просвѣщеніе, здравіе души и тѣла, въ соблюденіе отъ всякаго дѣвольскаго дѣйствія, въ дерзновеніе и любовь къ Богу, въ возвращеніе добродѣтели и совершенства, въ Духа Святаго общеніе, въ напутіе живота вѣчнаго. Съ шестилѣтняго возраста дитя изучаетъ церковныя молитвы, а съ семи лѣтъ, по заповѣди церкви, дѣти приводятся на исповѣдь къ духовному отцу. Эта первая исповѣдь есть первое испытаніе ихъ вѣры, начало самосознанія. Пусть же дѣти пріучаются благоговѣйно, съ сердечнымъ расположеніемъ и искреннимъ сознаніемъ грѣховности приступать къ симъ, св. таинствамъ, тщательно подготовляя себя къ нимъ въ дни говѣнія.

9. Соблюденіе устава, заповѣдей и благочестивыхъ обычаевъ церкви православной; значеніе церковной дисциплины. Соблюденіе постовъ, которое такъ цѣнить нашъ православный народъ, строгое исполненіе обѣтовъ, даваемыхъ по случаю явленія Божіей помощи въ трудныхъ испытаніяхъ жизни, дѣла милости христіанской, служеніе молебновъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, поминовеніе усопшихъ—должны утверждаться въ дѣтяхъ, какъ исполненіе долга христіанскаго. Равнымъ образомъ дѣти должны навѣкать въ соблюденіи православныхъ обычаевъ—воздерживаться отъ пищи въ дни воскресныя и праздничныя до окончанія богослуженія, до принятія антидора; говѣть до принятія св. воды на Богоявленіе и въ пятокъ на Страстной седмицѣ; въ установленное время полагать поклоны, ставить свѣчи предъ иконами, испрашивать прощенія въ день исповѣди и др. Эти обычаи суть церковныя заповѣди; они служатъ выраженіемъ церковной дисциплины.

Цѣль этихъ упражненій—*урегулировать волю человека*, дать ей надлежащее христіанское направленіе, пріучить человека къ самообладанію и сдѣлать способнымъ къ собственному нравственному подвигу, чтобы онъ былъ всегда готовымъ подчинить свое самолюбіе нравственному долгу и волѣ Божіей. Навыкнувъ подъ руководствомъ своихъ родителей и другихъ близкихъ лицъ обуздывать самого себя, подчинять свои низшія потребности высшимъ и свою волю Божественному авторитету, дитя незамѣтно пріобрѣтаетъ христіанское настроеніе и твердость въ подвигахъ добродѣтели и впослѣд-

ствию всю свою жизнь будетъ, при помощи Божіей, свободно и непринужденно совершенствоваться въ томъ же духѣ и направленіи.

Никакая мірская дисциплина не замѣнитъ *дисциплины церковной*. Кто съ раннихъ лѣтъ привыкаетъ подчинять свои личныя пожеланія требованіямъ церковнаго порядка, тотъ заранѣе предохраняетъ себя отъ искушенія своеволія и чувственности и при самыхъ нравственныхъ паденіяхъ своихъ будетъ способенъ скоро оправляться, съ помощію благодатныхъ средствъ церкви, силу которыхъ онъ знаетъ по опыту. Напротивъ, не научившійся въ молодости уважать правила благочестія и относиться къ церкви, какъ къ своей духовной матери, не имѣетъ твердыхъ опоръ для противодѣйствія разнообразнымъ соблазнамъ въ мірской жизни, не чувствуя стоящей за собою могучей духовной силы, поддерживающей его при испытаніяхъ и всегда готовой поднять отъ паденія. Требования мірскаго приличія и мірскихъ порядковъ не могутъ имѣть большого значенія тамъ, гдѣ они сами не поддерживаются внушеніями и предписаніями высшаго, божественнаго авторитета. Поэтому можно сказать съ печальною увѣренностію, что чѣмъ болѣе вытѣсняется изъ нашей частной и общественной жизни все церковное, тѣмъ болѣе открывается у насъ простора для человѣческаго произвола и человѣческихъ страстей, этихъ страшныхъ враговъ всякаго порядка и благоустройства жизни.

10. Чтеніе Слова Божія и книгъ религиозно-нравственнаго содержанія. Религиозно-нравственное чтеніе составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ средствъ воспитанія и самообразования дитяти внѣ школы. Въ книгахъ религиозно-нравственнаго содержанія оно найдетъ удовлетвореніе всѣмъ высшимъ потребностямъ своего духа; здѣсь оно встрѣтитъ указаніе, какъ надо жить и къ чему нужно стремиться. Поэтому и народъ охотно учится языку церкви и любитъ читать церковныя книги и все „божественное“. „Языкъ церкви, какъ замѣчаетъ глубокой наблюдатель народной нашей жизни, С. А. Рачинскій, открываетъ ему неисчерпаемая богатства нашего богослужебнаго круга,—этого сокровища поэзіи, нравственнаго и догматическаго поученія, которое, на ряду съ Священнымъ Писаніемъ и житіями святыхъ, даетъ постоянную пищу уму, воображенію, нравственной жаднѣ чело-

вѣка, поддерживааетъ въ немъ способность къ тому серьезному чтенію, которое одно полезно и желательно“.

Изъ всѣхъ богослужебныхъ книгъ народомъ любима болѣе другихъ псалтирь, и она съ особенною любовію читается въ семьяхъ. Хотя не все въ ней доступно пониманію простолюдина, но и того, что ему непосредственно доступно, по трогательному замѣчанію г. Рачинскаго, „достаточно, чтобы потрясать сердца, чтобы дать выраженіе всѣмъ скорбямъ, всѣмъ упованіямъ вѣрующей души“. Чтеніе псалтири сопровождаетъ чловѣка при переходѣ его въ загробную жизнь, и это еще болѣе увеличиваетъ ея значеніе въ глазахъ православнаго народа.

Евангеліе, по содержанію и достоинству, высшая изъ всѣхъ книгъ Священнаго Писанія, въ которой заключается исполненіе всѣхъ обѣтованій ветхозавѣтныхъ и не только жизнь Спасителя и Его дѣянія, но и Его слова, Его ученіе, Его „завѣтъ“,—должно быть основною книгою для богоговѣйнаго чтенія. Затѣмъ, по мѣрѣ возможности, полезно читать книги богослужебныя и житія святыхъ, творенія св. отцевъ и другія назидательныя книги религиозно-нравственнаго содержанія. „Житія—это живое училище благочестія, крѣпкой вѣры, неумирающей надежды и любви, готовой на все страданія; это практическая школа христіанскаго смиренія и самоотверженія“.

11. Миръ и природа. Предметы и явленія міра видимаго и духовнаго также могутъ служить возбудителями религиозныхъ чувствованій ребенка. При своемъ разнообразіи эти явленія способны давать впечатлѣнія для питанія самыхъ разнообразныхъ элементовъ религиознаго чувства.

Все въ мірѣ имѣетъ свое основаніе. Каждая вещь имѣетъ свою причину въ другой, настоящее состояніе въ предъидущемъ, но другая вещь и предъидущее состояніе опять имѣютъ свое основаніе въ новой вещи и въ новомъ предъидущемъ состояніи, такъ что, продолжая далѣе и далѣе, мы никогда не достигнемъ до такого основанія, которое бы не имѣло нужды въ дальнѣйшей основѣ. Отсюда видно, что совершеннѣйшаго и окончательнаго основанія мы должны искать не въ этихъ частныхъ предметахъ и состояніяхъ, но во всеобщей Первопричинѣ, отъ Которой и прежнее и настоящее состояніе происходитъ непосредственно (Лейбницъ). „Я спрашивалъ землю, говоритъ Августинъ, не

Богъ ли она,—и она сказала мнѣ: это не я; и все, что на ней, сказало то же самое. Я спрашивалъ море и бездны и все, что тамъ пресмыкается и живетъ и они отвѣчали мнѣ: мы не Богъ твой, ищи выше. Я спрашивалъ бушующіе вѣтры и весь воздухъ со всеми своими обитателями и они отвѣчали мнѣ: мы не Богъ твой. Я спрашивалъ небо, солнце, луну и звѣзды и они сказали мнѣ: мы также не Богъ, Котораго ты ищешь. И я сказалъ всему, что окружаетъ меня: вы мнѣ сказали о моемъ Богѣ, что вы—не Онъ, такъ скажите же мнѣ о Немъ! и они всѣ громкимъ голосомъ воскликнули: Онъ сотворилъ насъ“. (Исп. X, 6). Таковъ путь естественнаго откровенія, помощью котораго даже язычники, не знавшіе Писанія, познавали своего Творца чрезъ разсматриваніе Его твореній.

Этотъ же путь Богопознанія доступенъ и для дитяти, у котораго рядомъ съ воображеніемъ и чувствомъ начинается развиваться мышленіе или разумъ, и которое при наблюденіи разныхъ вещей и явленій природы часто ставитъ вопросъ—почему, отчего? Здѣсь-то воспитатель направляетъ мысль питомца отъ творенія къ Творцу, отъ законовъ и порядка природы къ Законодателю и Міроправителю, отъ полезности и благотворности для человѣка предметовъ природы къ Благодѣтелю человѣчества. И достаточно, если воспитатель въ нѣсколькихъ словахъ объяснитъ дитяти, что все совершается по волѣ Бога, что онъ Творецъ всего, что Онъ сотворилъ людей и любитъ ихъ, какъ дѣтей Своихъ. Это *умственный или интеллектуальный мотивъ развитія религіознаго чувства*.

Сила, красота и величіе окружающей насъ природы съ ея разнообразными явленіями то грозно-могущественными, то благотворно-мирными; разумность и цѣлесообразность устройства предметовъ и явленій, стройность міра, какъ цѣлаго; всесторонній, все въ гармонію приводящій порядокъ и цѣлесообразность, простирающіеся какъ на великое, такъ и на малое, выражающіеся какъ въ стройномъ теченіи міровыхъ свѣтилъ, такъ и въ движеніи и жизни малѣйшихъ предметовъ; солнце и луна, звѣздное небо и радуга, и буря и громъ, молнія и другія атмосферныя явленія, весна и разнообразныя красоты растительнаго и животнаго царства,—все это такіе предметы и явленія, при созерцаніи которыхъ питомецъ съ удивленіемъ чувствуетъ присутствіе

высшей силы, величіе и богатство которыхъ невольно вызываетъ къ произнесенію имени Божія. И здѣсь дѣйствуютъ главнымъ образомъ воображеніе и чувство, которыми такъ сильно дитя. Въ такихъ случаяхъ лучше всего предоставлять дѣтей ихъ собственнымъ впечатлѣніямъ; не нужно въ торжественныя минуты созерцанія возбуждать ихъ къ восторгу или удивленію фразами и длинными толкованіями; достаточно для нихъ быть въ присутствіи великаго творенія Божія: оно само говоритъ безъ словъ, но краснорѣчиво и прямо сердцу. Это *эстетическіе мотивы развитія религіознаго чувства*.

Лишь только дозволить возрастъ дитяти, воспитатель долженъ обращать его вниманіе на то, что происходитъ въ немъ самомъ, и всегда раздѣляя его чувства и мысли долженъ научить его въ явленіяхъ внутренней жизни своей и другихъ людей усматривать святое воздѣйствіе Божественной правды и милосердія. Заболѣло дитя или кто-либо изъ членовъ семьи—мать молится о выздоровленіи, и дитя слышитъ слова и вздохъ ея къ Богу. Радуется дитя и особенно счастливо при какомъ-либо обстоятельстве—мать вызываетъ его благодарить Бога. Сказало оно неправду или скрытничаетъ—мать указываетъ ему на всевѣдущаго и праведнаго Бога. Ожесточилось оно и злобно—мать напоминаетъ ему, что Богъ любитъ только добрыхъ и кроткихъ людей. Это *практическіе мотивы воспитанія религіознаго чувства*.

При ознакомленіи дитяти съ предметами и явленіями міра внѣшняго и внутренняго главною цѣлью въ религіозномъ отношеніи должно быть возбужденіе въ дитяти любви и признательности къ Богу, какъ любящему людей Отцу небесному, и мысли о томъ, что Богъ устроляетъ все для счастья, и пользы людей, такъ какъ Онъ любитъ ихъ, какъ отецъ своихъ дѣтей. Пусть воспитатель скажетъ дитяти, что Господь печется о всехъ тваряхъ какъ большихъ, такъ и самыхъ малыхъ и ничтожныхъ, что преимущественно предъ всеми твореніями Онъ любитъ человѣка, подаетъ каждому изъ насъ жизнь, здоровье, пищу, питье и приставляетъ особыхъ ангеловъ-хранителей.

Б. Средства религиозно нравственного воспитания и обучения дѣтей въ школь.

1. Личность преподавателя Закона Божія. Личность преподавателя Закона Божія имѣетъ большое значеніе для правильной постановки религиозно-нравственнаго развитія дѣтей. Развить въ дѣтяхъ религиозность, утвердить въ сердцахъ ихъ твердыя правила нравственности возможно только при посредствѣ глубокой религиозности наставника и собственнаго *примѣра его жизни*. Нравственное вліяніе сильно и благотворно, но оно не прививается никакими правилами, наставленіями и даже наилучшими научными объясненіями. Дѣти всегда могутъ предъявлять къ своему воспитателю отмѣченное Иисусомъ Христомъ требованіе: „врачу, исцѣлись самъ“. При недостаткѣ нравственныхъ качествъ въ учителѣ, самое его усердіе можетъ произвести результаты, противоположныя желаніямъ и ожиданіямъ. вмѣсто искренней религиозности можетъ развиться въ ученикахъ внѣшнее ханженство, вмѣсто любящей сострадательности можетъ возникнуть религиозный фанатизмъ, вмѣсто глубокой, горячей набожности душу можетъ охватить холодный индифферентизмъ и невѣріе.

2. Жизнь и примѣръ начальствующихъ и воспитывающихъ. Важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія дѣтей имѣютъ также личныя качества и примѣръ и всѣхъ вообще начальствующихъ и воспитывающихъ лицъ. Дѣти отъ природы склонны къ переимчивости и подражанію. Въ раннюю пору они еще не живутъ своимъ умомъ, ко всему присматриваются и незамѣтно усваиваютъ не только привычки, внѣшность, обращеніе, но и взгляды взрослыхъ. Поэтому наставники часто гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на ребенка безмолвнымъ поученіемъ своихъ дѣлъ, чѣмъ словами. Нигдѣ такъ не вреденъ разладъ между словомъ и дѣломъ, какъ въ области воспитанія. Поэтому счастливъ тотъ воспитатель, на могильномъ памятникѣ котораго ученики сдѣлаютъ надпись „жилъ, какъ училъ“. „Длинень и малополезенъ путь наставленій, коротокъ и дѣйствителенъ путь примѣра“, говоритъ Сенека. О вліяніи примѣра учителя на учениковъ одинъ опытный педагогъ (Керъ) говоритъ слѣдующее: „Примѣръ воспитателя неотразимо сильно дѣйствуетъ на учениковъ. Они соблюдаютъ порядокъ и аккуратность,

если находятъ ихъ въ учителѣ; они кротки, доброжелательны, миролюбивы и справедливы, если учитель встрѣчаетъ ихъ и поступаетъ съ ними съ кротостью, справедливостью и добродушіемъ; они веселы, довольны и счастливы, если онъ веселъ, доволенъ и счастливъ; напротивъ—весьма обыкновенное явленіе въ учебной практикѣ,—если воспитатель упрямъ и грубъ, онъ всегда жалуется на упрямство учениковъ; безпорядочный и лѣнивый всегда борется съ безпорядкомъ и лѣнью; невѣжливый и дерзкій чаще всего встрѣчаетъ грубость отъ своихъ учениковъ. Если воспитатель замѣчаетъ недостатки въ массѣ своихъ учениковъ, то пусть прежде всего онъ потрудится разсмотрѣть свои поступки и рѣдко онъ не найдетъ ихъ въ себѣ: каковъ учитель, таковъ и ученикъ; каковъ источникъ, таковъ и ручей. Гдѣ нѣтъ добраго жизненнаго примѣра, гдѣ учитель говоритъ о правилахъ, коими самъ пренебрегаетъ, гдѣ наказываетъ за поступки, въ коихъ самъ повиненъ,—тамъ болѣе чѣмъ сомнителенъ успѣхъ воспитанія дѣтей“.

Кромѣ искренняго религиознаго чувства, нравственныя качества воспитателя должны быть слѣдующія: чистота и твердость христіанскихъ убѣжденій, жизнь по уставамъ Церкви православной, патриотизмъ, любовь къ русскому народу и ясное пониманіе его духовныхъ потребностей, добросовѣстность въ исполненіи своихъ обязанностей, любовь къ дѣтямъ, терпѣливость, твердость характера, послѣдовательность въ дѣйствіяхъ, справедливость, привѣтливость, основательная подготовка къ школьнымъ занятіямъ, практическое изученіе учебнаго дѣла и самообразование.

3. Учебники и руководства по Закону Божію. Подъ именемъ *учебниковъ* разумѣются книги, по которымъ учитель преподаетъ, а дѣти повторяютъ и частію заучиваютъ наизусть преподаваемое. *Руководствами* называются книги, по которымъ учитель готовится къ урокамъ и вообще изучаетъ порученные ему предметы преподаванія.

Необходимость учебниковъ и руководствъ по преподаванію Закона Божія въ начальныхъ училищахъ не подлежитъ сомнѣнію. Руководства безусловно необходимы для всѣхъ преподавателей, такъ какъ и самые опытные изъ нихъ имѣютъ постоянную надобность въ справкахъ, въ повѣркѣ своихъ познаній и методовъ познаніями и методами другихъ педагоговъ. Учебники необходимы въ равной мѣрѣ

какъ для учителей, такъ и для учениковъ. Преподаваніе по учебнику тверже, основательнѣе, заучиваніе по учебнику легче и надежнѣе.

Учебники и руководства по преподаванію Закона Божія въ начальныхъ училищахъ должны быть вполне приспособлены къ своему назначенію. Учебники должны соответствовать духу, характеру и самому языку книгъ Св. Писанія. Учебники должны отличаться въ изложеніи предметовъ возможною краткостію, ясностію и простотою. По внутреннему составу и расположенію предметовъ они должны находиться въ строгомъ соответствіи съ объемомъ, духомъ и направленіемъ учебной программы, а также и съ руководящими указаніями объяснительной записки къ этой программѣ. Внешняя сторона учебника должна соответствовать важности предмета. Бумага должна быть плотная, печать четкая, крупная, особенно въ частяхъ, предназначаемыхъ для первыхъ двухъ годовъ обученія. Текстъ учебника долженъ быть снабженъ возможно большимъ числомъ художественно выполненныхъ пояснительныхъ рисунковъ, которые помѣщаются не только въ отдѣлѣ св. исторіи, но и въ ученіи о богослуженіи (рисунки скинии, православнаго храма внутри и снаружи, изображеніе священныхъ предметовъ, одежды, утвари, рисунки совершенія таинствъ и т. п.). Къ учебнику должны быть приложены также карты Палестины и прилегающихъ къ ней мѣстностей древняго востока и т. п.

Кромѣ сего желательно изданіе для школьнаго употребленія особой библейской хрестоматіи или такъ называемой учебной библіи, а также хрестоматіи религіозно-нравственнаго характера.

Въ основу преподаванія Закона Божія въ начальныхъ школахъ должна быть положена „Программа для преподаванія Закона Божія въ одноклассной церковно-приходской школѣ“, съ распредѣленіемъ учебнаго матеріала на 3 и 4 года, утвержденная Св. Синодомъ отъ 6—13 октября 1911 г.

Наиболѣе распространенными учебниками по Закону Божію для начальныхъ школъ являются слѣдующіе: „Начатки христіанскаго ученія“ (изд. Уч. Сов. при Св. Синодѣ), заслуживая одобренія по своей замѣчательной точности, строгой логичности, страдаютъ краткостію изложенія, отвлеченностью, сухостію, содержатъ много неясныхъ выраженій и потому не могутъ быть признаны доступными для дѣтей. Особенно непригодны вслѣдствіе чрезвычайной краткости „Начатки“ послѣдняго изданія. „Наставленіе въ Законъ Божіемъ“ прот. П. Смирнова не отвѣчаетъ своему назначенію вслѣд-

ствіе сухости, книжности, тяжеловатости изложенія со множествомъ причастій, дѣе-причастій, малопонятныхъ славянскихъ словъ и выраженій. Имъ всегда тяготились въ школахъ. Въ частности въ немъ нѣтъ истолкованія молитвъ, изложеніе событій не сопровождается нравственными выводами, въ отдѣлѣ о богослуженіи не приведено ни одной ектеніи и даже не упомянуто о великой ектеніи въ началѣ литургіи.

Болѣе удовлетворительнымъ признается учебникъ „Наставленіе въ Законъ Божіемъ“ пресвященнаго Агаводора. Достоинствами его являются: сравнительная простота изложенія, болѣе обстоятельное изложеніе отдѣла о молитвахъ и нравственные выводы для дѣтей, присоединяемые къ священно-историческимъ рассказамъ. При этомъ болѣе пригоднымъ считается изданіе самого автора, въ которое внесенъ катихизическій отдѣлъ, отсутствующій въ изданіи Уч. Совѣта при Св. Синодѣ. Наряду съ перечисленными достоинствами надо отмѣтить и нѣкоторые недостатки руководства. Такъ, относительно изложенія слѣдуетъ замѣтить, что оно не всегда отличается достаточною доступностію и живостію; часто безъ особой нужды приводятся въ выдержкахъ славянскія слова и выраженія, оставляемые безъ перевода на русскій языкъ; нравственные выводы слишкомъ сухи, формальны и не всегда поставлены въ надлежащую связь съ рассказами:

Въ качествѣ общаго недостатка всѣхъ этихъ учебниковъ надо указать отсутствіе въ нихъ иллюстрацій.

Безспорныя достоинства имѣютъ также слѣдующіе учебники: прот. Чельцова, у котораго изложеніе свящ. исторіи отличается ясностію, въ катихизисѣ вопросо-отвѣтная форма замѣнена связно-послѣдовательной; прот. Темномѣрова, достоинства котораго признаются простота и ясность изложенія, близость къ Библии, установленіе связи ветхозавѣтныхъ повѣствованій съ христіанскимъ вѣроученіемъ и дополненіе рассказовъ указаніемъ на содержащіеся въ нихъ истины вѣры и нравственности. Преимущества этого учебника предъ всеми другими усматриваются въ томъ, что онъ написанъ простымъ, яснымъ, мѣстами живымъ языкомъ; даетъ достаточный учебный матеріалъ для перваго года, обстоятельно повѣствуетъ о священно-историческихъ событіяхъ, выясняетъ прообразы и исполнѣ естественно дѣлаетъ нравственные выводы изъ повѣствованій, предлагаетъ объясненія правдѣй блаженствъ и излагаетъ катихизическія истины въ послѣдовательной формѣ.

Наконецъ, нельзя отрицать важнаго значенія и за учебниками: прот. Д. Соколова, особенно при истолкованіи молитвъ, П. Авоинскаго—преимущественно для изученія свящ. исторіи, изложенной близко къ библейскому тексту и приуроченной къ дѣтскому пониманію, свящ. Ремезова, свящ. Воскресенскаго, Козыревой, свящ. М. Соколова, прот. Н. Попова и А. Рудакова.

Что касается учебныхъ руководствъ по Закону Божію, то они раздѣляются на два разряда. По однимъ преподаватель Закона Божія долженъ готовиться къ урокамъ: это

руководства въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ. Они должны быть составлены примѣнительно къ учебникамъ, должны руководствовать преподавателя, какъ объяснять уроки по этимъ учебникамъ, какіе приводить примѣры, рассказы, сравненія и проч. Всѣ другія руководства назначаются вообще для расширенія познаній законоучителя и поѣтому нѣтъ никакой необходимости требовать, чтобы они составлялись приспособительно къ учебникамъ. Они могутъ даже не соответствовать содержанію и плану учебниковъ; тѣмъ не менѣе законоучитель долженъ пользоваться ими для того, чтобы по каждому предмету имѣть, по возможности, всестороннія свѣдѣнія ¹⁾

4. Другіе учебные предметы. Кромѣ преподаванія Закона Божія дѣлу воспитанія въ учащихся религіознаго чувства должны содѣйствовать и другія науки, которыя находятся въ большей или меньшей связи съ вопросами нравственной жизни человѣка, каковы: *естествовъдѣніе, исторія и словесность.*

Отъ преподавателя не требуется, чтобы онъ, объясняя то или другое явленіе или произведеніе природы, безпрестанно повторялъ: „все это создано Богомъ, все это устроено Богомъ“. Если при этомъ изложеніи, онъ дастъ воспитанику почувствовать мудрость и гармонію законовъ жизни, то уже черезъ это онъ сообщитъ уму его высшее направленіе, которое рано или поздно окончится религіознымъ созерцаніемъ. Удивленіе устройству созданія есть уже начало благоговѣнія предъ Создателемъ.

Что касается исторіи, то будетъ ли она преподаваться въ видѣ очерковъ отдѣльныхъ лицъ и происшествій, или въ видѣ связнаго, послѣдовательнаго развитія событій, учитель всегда найдетъ возможность указать, какъ истина и добро никогда вполнѣ не угасаютъ въ человѣчествѣ и, несмотря на неблагопріятныя условія въ ходѣ жизни какаго-либо народа, въ большей или меньшей мѣрѣ сохраняютъ свою силу и наконецъ торжествуютъ надъ предразсудками, суевѣріями, заблужденіями и всякаго рода неправдой. Это уже есть начало вѣры въ провидѣніе—источникъ истины и добра.

¹⁾ Въ качествѣ руководства для законоучителей можно указать: Методическія указанія и конспекты по Закону Божію *свящ. Сосунцова* и Бесѣды по Закону Божію *прот. Шастина.*

Выясняя назначеніе каждаго народа, смыслъ его существованія, преподаватель безъ всякой натяжки можетъ привести своего ученика къ мысли о томъ, что жизнью человѣческаго рода руководитъ Божественное Провидѣніе, которое указываетъ каждому отдѣльному народу осуществленіе особаго идеала. Древніе Финикіяне явили собою примѣръ вышаго развитія торговли и промышленности; индійцы—отвлеченной философіи; персы—идеи добра и зла; древне-еврейскій народъ внесъ въ міровую сокровищницу человѣческаго духа идею Единаго Бога; Эллада—идею мудрости и красоты; древній Римъ—идею яснаго закона и государственности; Германія—идею серьезной, точной научности; Франція—идею утонченнаго, изяшнаго вкуса; Англо-Саксонскія расы—идею отважной предпримчивости. Не пройдетъ и Русскій народъ незамѣченнымъ въ исторіи; ему принадлежитъ воплощеніе идеи *истинно-христіанскаго государства* какъ не разъ на то указывали великіе гени—Гоголь, Достоевскій, Хомяковъ, Кирѣевскій, м. Филаретъ и Катковъ.

Еще болѣе чѣмъ естествовъдѣніе и исторія дѣлу религіи можетъ служить литература. Тутъ опять нужно заботиться не о томъ, чтобы выбирать для чтенія и разбора только духовныя оды, переложенныя псалмы и стихотворенія религіознаго и нравственнаго содержанія, но о томъ, чтобы посредствомъ высокохудожественныхъ произведеній приучить смотрѣть на истинныхъ поэтовъ, какъ на естественныхъ божественныхъ посланниковъ, которые явились въ міръ восхвалять добродѣтель и бичевать пороки, глаголомъ жечь сердца людей („Пророкъ“ А. С. Пушкина). Кромѣ того литературные типы и идеалы, будучи образцами духовнаго совершенства или нравственныхъ недостатковъ, способны возбуждать въ читателѣ чувство подражанія или же отвращенія, смотря по тому, какимъ характеромъ отличаются они—положительнымъ или отрицательнымъ. Такіе типы Гоголя, какъ *Плюшкинъ* и *Пятухъ* или *Скупой Рыцарь* Пушкина неволью порождаютъ чувство отвращенія какъ къ скупости, выражающейся въ безцѣльномъ накопленіи имущества, такъ и къ объяденію, доводящему человѣка до животнаго состоянія. Въ этомъ случаѣ изящная литература служитъ только живой иллюстраціей истинъ Божественнаго Откровенія.

5. Школьная дисциплина и воспитаніе характера въ школѣ. Главная задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы возбудить въ своихъ питомцахъ самодѣятельность и утвердить въ нихъ сознаніе, что они могутъ и должны сами содѣйствовать своему духовному росту во

всякое время,—и въ школѣ, и тогда, когда не будетъ около нихъ учителей и воспитателей. Для этого необходимо прежде всего привить имъ и укоренить въ нихъ добрые навыки и способность умножать ихъ въ послѣдствіи.

Первое условіе для воспитанія добрыхъ навыковъ есть порядокъ—порядокъ каждаго въ отдѣльности и цѣлаго класса. Сознательно установленный порядокъ долженъ быть таковъ, чтобы при немъ облегчалось приобрѣтеніе добрыхъ навыковъ, становилась возможною борьба съ пороками и уклоненіями отъ нравственныхъ требованій. Въ этомъ и состоитъ истинный *смыслъ дисциплины*. При этомъ воспитатель не долженъ забывать, что главное значеніе дисциплины не въ подавленіи и ослабленіи воли ученика, а въ ея опредѣленномъ разумномъ и самостоятельномъ развитіи.

Сознаніе своей силы, чувство удовлетворенія тѣмъ, что самъ сдѣлалъ, до чего самъ достигъ—это самое сильное воспитательное средство: такое сознаніе побуждаетъ ребенка идти впередъ и совершенствоваться. Добрая воля питомца должна быть положена въ основу школьной дисциплины. Иисусъ Христосъ не принуждаетъ своихъ послѣдователей, а предлагаетъ имъ добровольно слѣдовать за собою: „аще кто захочетъ по мнѣ идти, да отвержется себѣ“.

Сначала надобно утвердить порядокъ въ маломъ, приучить учениковъ, чтобы они въ незначительныхъ случаяхъ своей жизни и поведенія умѣли управлять собою, или—что тоже—подчиняться дисциплинѣ. Когда же они приобрѣтутъ этотъ навыкъ, учитель можетъ положиться на свободу ихъ во многомъ. Но и тутъ—главное, за чѣмъ надо слѣдить и чѣмъ надо пользоваться,—это стремленіе ученика къ самостоятельности.

Ходъ развитія ребенка можетъ быть выраженъ въ трехъ словахъ, означающихъ его ступени: „попробую“,—„сдѣлалъ“,—„пойду дальше“.—Первая ступень—усиліе сдѣлать. Къ усилію побуждаетъ трудность. Ощущеніе трудности неприятно. Надо преодолѣть его усиліемъ. Дисциплина побуждаетъ ученика сдѣлать усиліе, чтобы достигнуть цѣли, то есть, сдѣлать, что нужно. Наградой усилія будетъ, во-первыхъ, успѣхъ, во-вторыхъ, облегченіе дальнѣйшихъ усилій—ученикъ идетъ впередъ,—а конечнымъ результатомъ будетъ качественное преобразование въ характеръ ученика.

Дисциплина зависитъ: а) отъ личности воспитателей, б) рациональной постановки школьнаго дѣла, в) неуклоннаго соблюденія разъ установленныхъ школьныхъ правилъ, г) правильнаго и бдительнаго надзора, д) приказаній и запрещеній, е) замѣчаній, выговоровъ, внушеній и убѣжденій, ж) наградъ и наказаній.

Особенной внимательности требуютъ награды и наказанія. Похвалы и награды, говорить одинъ педагогъ, будучи неблагоприятно примѣняемы, могутъ сдѣлаться причиною порчи ученика. Они могутъ повести къ развитію въ немъ чрезмѣрной гордости. Кромѣ того, они могутъ получить значеніе цѣли, руководящей поступками. Не требованіе долга, не нравственное чувство и любовь къ добру и не стремленіе къ внутреннему самоусовершенствованію, а единственно желаніе отличиться предъ другими, удостоиться похвалы или награды будутъ побужденіемъ къ дѣйствіямъ его. Въмѣсто высшихъ побужденій своекорыстные расчеты сдѣлаются стимуломъ дѣйствій ученика. Добро будетъ цѣниться лишь настолько, насколько оно сопровождается наградой. Изъ всѣхъ видовъ награды самый лучший, самый дѣйствительный,—это чувство удовлетворенія совершеннымъ дѣломъ. Если наставникъ сумѣлъ довести своихъ питомцевъ до живого ощущенія своихъ успѣховъ, движеніе впередъ обеспечено.

Здравая дисциплина не можетъ обходиться безъ наказаній. Но какъ въ наградахъ, такъ и въ наказаніяхъ наставникъ долженъ быть крайне остороженъ и разсудителенъ. Школа, гдѣ часто примѣняются наказанія—нехорошая, нездоровая школа. Въ человѣкѣ есть нравственный двигатель, это—*совѣсть* его и *самолюбіе*. Если отнять ихъ у человѣка, убить ихъ въ немъ, то никакая боязнь наказанія не будетъ дѣйствовать на него. Въ ребенкѣ же особенно чувствительна совѣсть и самолюбіе; достаточно учителю сказать: „какъ тебѣ не совѣстно это дѣлать“, чтобы заставить его покраснѣть, иногда заплакать. Чувство стыда, укоры совѣсти есть самый естественный видъ наказанія ученика, уклоняющагося отъ требованія дисциплины.

Составъ Закона Божія, какъ учебнаго предмета.

Въ элементарномъ курсѣ обученія Законъ Божій, какъ отдѣльный предметъ, имѣеть, преимущественно, нравствен-

ное значеніе: онъ заключаетъ въ себѣ *ученіе о Богѣ и чело-
вѣкѣ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ*. Задачи начальнаго
обученія Закону Божію состоятъ поэтому въ томъ, чтобы
съ дѣтства утвердить въ душѣ челоуѣка правила христіан-
ской вѣры, здравыя понятія о христіанскихъ обязанностяхъ
и точное знаніе важнѣйшихъ частей Богослуженія право-
славной церкви, т. е., онѣ заключаются въ вѣроученіи, пра-
воученіи и въ усвоеніи смысла и духа христіанскаго Бого-
служенія. Такимъ образомъ, предметами обученія Закону
Божію являются: 1) священная исторія ветхаго и новаго за-
вѣта; 2) катихизисъ или ученіе о вѣрѣ и нравственности
христіанской и 3) объясненіе богослуженія. Но прежде чѣмъ
приступить къ изученію Закона Божія, дѣти должны быть
научены предварительно молиться Богу; поэтому, изученіе
важнѣйшихъ молитвъ, употребляемыхъ въ православной
церкви, существенно входитъ въ систему Закона Божія.

Значеніе рациональныхъ методовъ для начальнаго обученія дѣтей Закону Божію.

Главная задача преподаванія Закона Божія должна со-
стоять въ томъ, чтобы содержаніе предметовъ Закона Божія
стало достояніемъ учащагося. Но духовное развитіе учаща-
гося подчинено извѣстнымъ психологическимъ условіямъ,
которыхъ ни устранить, ни измѣнить невозможно. Обученіе
должно имѣть въ виду эти условія и приноравливаться къ
нимъ, чтобы имѣть успѣхъ. Отсюда открывается польза и
необходимость рациональныхъ способовъ или методовъ обу-
ченія, выработанныхъ современною педагогическою наукою,
и для первоначальнаго обученія дѣтей Закону Божію.

Основныхъ методовъ преподаванія, равно какъ и усвое-
нія преподаваемаго, два: *синтетическій* и *аналитическій*.
Сущность синтетическаго метода состоитъ въ томъ, что пре-
подаватель отъ разсмотрѣнія частныхъ явленій переходитъ
къ общему заключенію или выводу. Аналитическій методъ,
наоборотъ, состоитъ въ томъ, что преподаватель выходитъ
изъ какого-либо общаго понятія и, разложивъ его на со-
ставныя части, каждую изъ послѣднихъ разсматриваетъ
отдѣльно и самостоятельно. Слѣдованіе тому или другому
методу зависитъ или отъ характера самаго учебнаго пред-
мета, или отъ возраста дѣтей, ихъ развитія, научной под-

готовки и т. д. Такъ, молитвы и катихизисъ православной
церкви должны быть изучены только по аналитическому
методу. Катихизисъ православной церкви выходитъ изъ
общаго положенія и раздѣляется сначала на три части:
вѣра, надежда, любовь. Каждая изъ сихъ частей, наприм.,
вѣра, подраздѣляется на двѣнадцать членовъ. Каждый членъ
разсматривается отдѣльно и въ свою очередь подраздѣля-
ется на свои составныя части. Такъ наприм., въ девятомъ
членѣ символа вѣры „*О церкви*“ выдѣляются понятія о
церкви единой, святой, соборной и апостольской.

Что касается священной исторіи и ученія о богослу-
женіи православной церкви, то они могутъ быть изложены
и усвояемы только по синтетическому методу. Въ священной
исторіи изложеніе идетъ отъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ исто-
рическихъ событій къ общему выводу о томъ, какъ Боже-
ственное промысленіе руководило подготовленіемъ рода
челоуѣческаго къ принятію Спасителя.

Дѣти младшаго возраста съ недостаточно развитыми
умственными способностями должны быть подготовляемы по
синтетическому методу, дѣти старшаго возраста—по методу
аналитическому.

Но наставникъ Закона Божія допустить ошибку, вред-
ную для дѣла воспитанія дѣтей, если будетъ полагать все
достоинство и значеніе обученія *исключительно* въ методи-
ческихъ приѣмахъ. Методъ дѣйствуетъ преимущественно на
разсудочное *мышленіе* и *пониманіе*, и самъ по себѣ не
можетъ быть признанъ несомнѣнно обезпечивающимъ пра-
вильное и прочное религіозно-нравственное развитіе дѣтей,
которое должно охватить все душевныя силы дѣтей и на-
строить ихъ на всю жизнь. Для этой цѣли необходимо жи-
вое воздѣйствіе на живую дѣтскую натуру со всеѣмъ беско-
нечнымъ разнообразіемъ ея проявленій и дѣятельности, не-
обходимо постоянное воздѣйствіе наставника Закона Божія
на своихъ учениковъ всею совокупностью силъ и свойствъ
не только умственныхъ, но особенно нравственныхъ. Настав-
никъ Закона Божія долженъ главнымъ образомъ заботиться
не о суммѣ сообщаемыхъ знаній, а о томъ, чтобы учащійся
изъ каждаго его урока вынесли мысль, чувство, стремленіе,
способныя служить имъ сѣменемъ жизни нравственно-рели-
гіозной.

Акроаматическая и эротематическая формы начального обучения и применимость их къ Закону Божию.

Дидактика указываетъ двѣ главныя формы преподаванія всѣхъ вообще предметовъ обученія въ начальной школѣ: *акроаматическую и эротематическую*.

Акроаматическая форма, она же *повѣствовательная* (отъ греческаго слова *ἀκροάομαι*, слушаю) состоитъ въ томъ, что учитель сообщаетъ ученикамъ учебный матеріалъ въ повѣствовательной формѣ, а ученики слушаютъ и воспринимаютъ сообщаемое. Эта форма необходима при сообщеніи такихъ свѣдѣній, до которыхъ ученики не могутъ быть доведены никакими наводящими вопросами, напримѣръ, при преподаваніи священной исторіи. Акроаматическая форма обученія умѣстна при самомъ началѣ обученія, когда ученики еще вовсе не знаютъ преподаваемаго предмета и совершенно не умѣютъ выражаться. Далѣе, акроаматическая форма преподаванія должна быть употребляема тогда, когда ученики настолько уже развиты и подготовлены, что могутъ продолжительное время сосредоточивать свое вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ, правильно воспринимать и усвоять связанное и послѣдовательное изложеніе учителя.

Но при своихъ достоинствахъ акроаматическая форма преподаванія имѣетъ и свои недостатки. При акроаматической формѣ преподаванія учитель не имѣетъ возможности въ каждый данный моментъ услѣдить, внимательны-ли ученики, понимаютъ-ли они вообще преподаваемое, что для нихъ неясно и непонятно. Недостки эти восполняетъ другая форма преподаванія—*эротематическая*.

Эротематическая форма (отъ греческаго слова *ἐρωτάω* спрашиваю) есть форма преподаванія вопросо-отвѣтная. Учитель ведетъ обученіе по вопросамъ и отвѣтамъ. Но такъ какъ учитель можетъ предлагать вопросы съ разною цѣлью, или съ тѣмъ, чтобы провѣрить, поняли-ли его ученики и усвоили сказанное имъ; или съ тѣмъ, чтобы посредствомъ такъ называемыхъ наводящихъ вопросовъ заставить самихъ учениковъ дойти до рѣшенія того или другого вопроса; а съ другой стороны, такъ какъ при живой бесѣдѣ учителя съ учениками послѣдніе и сами могутъ обращаться къ нему съ своими недоумѣнными вопросами, то эротематическая

форма преподаванія имѣетъ три вида, или три особыхъ формы: катихизическую, эвристическую и діалогическую.

Названіе *катихизической* формы происходитъ отъ слова катихизисъ (*κατήχισις*—оглашать звуками; *ἡ κατήχισις*—изустное наставленіе). Это—та форма, въ которой издавна принято составлять катихизисы. Катихизическая форма состоитъ къ томъ, что учитель или сообщаетъ ученикамъ новыя свѣдѣнія въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, чтобы сдѣлать болѣе легкимъ усвоеніе имъ сообщаемого, причемъ вопросы и отвѣты на нихъ дѣлаетъ самъ учитель; или же, сообщивши ученикамъ извѣстныя свѣдѣнія въ формѣ акроаматической, предлагаетъ имъ вопросы, чтобы провѣрить, насколько ученики усвоили сообщенное и тверже укрѣпить сообщенное имъ въ памяти. Катихизическая форма, содѣйствуя болѣе легкому и болѣе прочному усвоенію преподаваемаго, не вызываетъ самостоятельности въ ученикахъ, потому что они въ этомъ случаѣ или только слушаютъ и воспринимаютъ преподаваемое, или, хотя и даютъ отвѣты, но изъ готоваго, сообщеннаго имъ ранѣе, матеріала.

Эвристическая форма преподаванія (отъ греческаго слова *εὕρισκω*, нахожу, отыскиваю, открываю) тоже—форма вопросо-отвѣтная. При эвристической формѣ преподаванія учитель не даетъ ученикамъ свѣдѣній готовыми, но они при помощи учителя сами трудятся надъ приобрѣтеніемъ ихъ. Дѣло учителя состоитъ въ томъ, что онъ наводящими вопросами, по заранѣе обдуманному плану, переводитъ учениковъ отъ однихъ, извѣстныхъ имъ положеній, къ другимъ, не даннымъ имъ непосредственно, помогаетъ имъ выводить извѣстныя данныя, группировать ихъ въ одно цѣлое и такимъ образомъ приводитъ къ извѣстнымъ выводамъ и заключеніямъ.

Діалогическая форма преподаванія (отъ греческ. слова *διαλέγομαι*, разговариваю) есть форма разговорная. Это живая бесѣда учителя съ учениками, когда и учитель спрашиваетъ учениковъ, и послѣдніе съ своей стороны обращаются къ учителю съ своими недоумѣнными вопросами. Всякая другая форма преподаванія можетъ переходить въ діалогическую въ томъ случаѣ, когда учитель сообщаетъ ученикамъ свѣдѣнія о предметахъ, хотя имъ извѣстныя, но о которыхъ они имѣютъ понятія неточныя, неправильныя, или суевѣрныя.

Эротематическая форма преподаванія во всѣхъ своихъ видахъ болѣе всего подходитъ къ младшему возрасту и съ успѣхомъ можетъ быть практикуема въ начальномъ обученіи. Повѣствовательная же форма наиболѣе удобна при преподаваніи дѣтямъ старшаго возраста, для дѣтей же средняго возраста лучше всего пользоваться смѣшанною формою, повѣствовательно-эвристическою. Эвристической формѣ дается предпочтеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можно предполагать въ дѣтяхъ способность къ самостоятельному усвоенію истины.

Но опредѣляясь, главнымъ образомъ, степенью духовнаго развитія учащихся, форма преподаванія зависитъ, однако же, и отъ самаго предмета преподаванія, а именно: свящ. исторія естественно должна быть преподаваема въ формѣ повѣствовательной, катихизисъ—въ формѣ вопросо-отвѣтной; эвристической же формой преподаванія всегда съ удобствомъ можно пользоваться при разъясненіи усвояемаго матеріала.

Системы расположенія отдѣльныхъ предметовъ Закона Божія.

Эпизодическій курсъ изученія Закона Божія. Систематическому изученію отдѣльныхъ предметовъ Закона Божія въ до-школьный періодъ долженъ предшествовать, такъ называемый, *эпизодическій курсъ*. Подъ именемъ эпизодическаго курса разумѣтся сообщеніе дѣтямъ свѣдѣній по тому или другому предмету въ формѣ случайной, отрывочной, частичной. Такъ поступаютъ родители, когда научаютъ своихъ дѣтей Богопознанію при посѣщеніи храма Божія, при видѣ разнообразныхъ явленій въ природѣ, по поводу различныхъ обстоятельствъ семейной жизни или путемъ разсматриванія священно-историческихъ картинъ.

Что касается школы, то преподаваніе въ ней Закона Божія должно быть непременно систематическимъ. Методика знаетъ *два основныхъ системы* расположенія учебныхъ предметовъ Закона Божія: 1) *поступательную* и 2) *совмѣстную*. Совмѣстная система встрѣчается въ двухъ наиболѣе характерныхъ видахъ: а) въ видѣ системы собственно совмѣстной или, такъ называемой, *смѣшанной* и б) *концентрической*.

Система поступательная. Поступательная система состоитъ въ послѣдовательномъ изученіи всѣхъ предме-

товъ Закона Божія одного за другимъ. По этой системѣ сначала изучаются молитвы, затѣмъ свящ. исторія ветхаго заветъа, далѣе исторія новозавѣтная, катихизисъ и объясненіе православнаго Богослуженія.

Оснóванія, приводимыя въ пользу этой системы, слѣдующія: 1) Поступательная система имѣетъ сходство съ ходомъ просвѣщенія рода человѣческаго истинами Богооткровенной религіи. Ветхозавѣтное Откровеніе предшествовало новозавѣтному. Этотъ путь просвѣщенія Богооткровенной религіей необходимъ и для каждаго отдѣльнаго человѣка. 2) За поступательной системой видятъ то преимущество, что при ней ветхозавѣтное ученіе подготавливаетъ ученика къ новозавѣтному. Свящ. исторія ветхаго заветъа есть исторія дѣтства человѣческаго рода. Она заключаетъ въ себѣ начатки Божественнаго Откровенія, данные человечеству въ его дѣтскомъ состояніи. Она представляетъ черты основнаго элементарнаго ученія о вѣрѣ и благочестіи. Она, такимъ образомъ, естественно подготавливаетъ къ Евангелію, которое даетъ болѣе широкое толкованіе заповѣдямъ. 3) На разсказахъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ вырабатывается языкъ учащихся, которымъ прилично излагать событія новозавѣтныя. 4) Наконецъ, поступательная система имѣетъ за собою и дидактическія достоинства, заключающіяся: а) въ сосредоточенности вниманія учащихся на одномъ предметѣ или одной извѣстной сторонѣ его и б) въ годовой систематичности, законченности и округленности содержанія преподаваемаго. При этой системѣ преподаваніе Закона Божія ведется путемъ перехода отъ одного предмета къ другому, пока не заканчивается весь кругъ законоученія.

Само собою понятно, что преподаваніе по поступательной системѣ возможно и удобно только тамъ, гдѣ изученію предмета Закона Божія отводится достаточно времени. Поэтому она является наиболѣе пригодною для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ каковыхъ она съ успѣхомъ и практикуется. Что касается начальной народной школы, то въ отношеніи ея поступательная система представляетъ весьма важныя неудобства при примѣненіи ея на практикѣ. Такъ какъ ученики народной школы не всѣ оканчиваютъ въ ней трехлѣтній курсъ, а часто выходятъ изъ нея, проучившись только одинъ или два года, то и слѣдуетъ на первое мѣсто въ программѣ, на первое время учебнаго курса,

ставить самые необходимые свѣдѣнія. При поступательной системѣ сдѣлать этого нельзя: при ней придется изучать съ дѣтьми менѣе необходимое прежде совершенно необходимаго, напимѣрь, ученіе Спасителя прежде всей свящ. исторіи ветхаго завѣта.

Совмѣстная или смѣшанная система. Совмѣстная система состоитъ въ одновременномъ преподаваніи всѣхъ отдѣльныхъ частей Закона Божія, сообразно ихъ взаимной связи; причѣмъ за основной предметъ принимается или священная исторія, или катихизисъ; за однимъ изъ этихъ предметовъ и удерживается свойственный ему порядокъ изложенія, прочія же части располагаются въ порядкѣ этого предмета. По этому методу составлены учебныя руководства протоіерея Д. Соколова и протоіерея І. Вѣтвѣницкаго. Первый за основной предметъ принимаетъ священную исторію, второй—катихизисъ. Были попытки поставить въ основу курса ученіе о богослуженіи и около него группировать священно-историческіе рассказы, молитвы, члены символа вѣры и заповѣди.

Наиболѣе примѣнимою формою совмѣстной системы нужно признать тотъ ея видъ, когда въ основу изученія Закона Божія полагается свящ. исторія, которая должна дать матеріалъ для усвоенія молитвъ, катихизиса и ученія о богослуженіи. Сущность этого способа обученія состоитъ въ разумномъ и естественномъ сочетаніи историческаго факта съ общеупотребительною молитвою, съ догматическою и нравственною истиною, съ тѣмъ или другимъ праздникомъ или богослужебнымъ обрядомъ. Поэтому, въ связи съ событіями изъ свящ. исторіи идетъ изъясненіе общеупотребительныхъ молитвъ, изложеніе догматовъ вѣры и правилъ нравственности и церковнаго богослуженія, такъ что всѣ религіозныя понятія, сообщаемыя дѣтямъ, утверждаются на исторической почвѣ, какъ на прочномъ и наиболѣе доступномъ дѣтскому уму основаніи.

Говоря о сотвореніи міра, учитель вноситъ сюда 1-й членъ Символа вѣры и призываніе молитвы Господней; при рассказѣ объ освященіи седьмого дня творенія изучается 4-я заповѣдь и 1-е прошеніе молитвы Господней; къ рассказу о грѣхопадѣніи первыхъ людей присоединяются 6 и 7 прошенія молитвы Господней и 10-я заповѣдь. При рассказѣ о Рождествѣ Пресвятой Дѣвы Маріи, Ея Введеніи во храмъ и Благовѣщеніи указывается, что Пресвятую Дѣву Марію должно чтить и ублажать выше херувимовъ и серафимовъ,

при чемъ изучаются молитвы, которыми мы прославляемъ Ее и указываются дни Ея жизни, какіе мы празднуемъ. При изложеніи исторіи Рождества Іисуса Христа, Его жизни, страданій, смерти, воскресенія и вознесенія на небо объясняются 2, 3, 4, 5, 6 и 7 члены Символа вѣры, въ которомъ говорится о лицѣ Іисуса Христа, Его воплощеніи и вочеловѣченіи, распятіи, страданіяхъ, смерти, воскресеніи, вознесеніи на небо и будущемъ второмъ пришествіи на землю, соответствующіе праздники, и т. д.

Естественность и разумность составляютъ главныя преимущества совмѣстной системы преподаванія Закона Божія. При изложеніи свящ. исторіи съ постояннымъ указаніемъ на вѣроученіе и нравоученіе православной церкви, учащійся ознакомится съ истинами вѣры и нравственности христіанской и чрезъ то приготовится къ пониманію катихизиса. Уразумѣвъ вѣру Христову при изученіи свящ. исторіи путемъ синтеза, онъ усвоитъ этотъ же предметъ по катихизису путемъ анализа. При этомъ и катихизическіе тексты будутъ для него не отрывочными изреченіями, а живою нитью, связывающею въ его умѣ ученіе церкви съ ученіемъ Христа Спасителя. Такое изложеніе свящ. исторіи даетъ зачатки и для объясненія богослуженія православной церкви. Усвоивши путемъ исторіи ученіе церкви, учащійся легко пойметъ его и въ церковныхъ обрядахъ.

Но при своихъ положительныхъ достоинствахъ совмѣстная система имѣетъ и важныя педагогическія затрудненія. Важнѣйшими являются слѣдующія: 1) естественная несомѣстимость одновременнаго преподаванія предметовъ Закона Божія, причѣмъ необходимо бываетъ прибѣгать къ натяжкамъ, произвольнымъ сближеніямъ, словомъ, къ искусственности. Чтобы могла быть выдержана связь между предметами при совмѣстной системѣ, ради этого содержаніе предметовъ, съ одной стороны, искусственно расширяется, съ другой стороны, больше, чѣмъ сколько нужно, сокращается, а нѣкоторые отдѣлы, хотя бы они сами по себѣ были необходимы, вовсе опускаются (особенно рѣзко выступаетъ этотъ недостатокъ въ руководствѣ прот. Д. Соколова). 2) При совмѣстной системѣ является неизбежною сложность и смѣшанность всего преподаванія, вслѣдствіе чего религіозныя понятія у дѣтей бываютъ неясны, сбивчивы и неотчетливы. Въ совмѣстной системѣ, напр., свящ. исторія является главнымъ предметомъ, а всѣ остальные какъ бы дополненіями ея; но катихизисъ не есть только обобщеніе фактовъ свящ.

исторіи, въ немъ преподается также и положительное учение церкви. 3) Ставя предъ учителемъ и учениками разнообразныя задачи, совмѣстная система можетъ затруднять успѣшность обученія. Гонясь за достиженіемъ многихъ цѣлей, учитель рискуетъ не достигнуть ни одной; обучаясь всему, ученики въ концѣ концовъ могутъ ничего не знать опредѣленнаго—ни катихизиса, ни свящ. исторіи, ни богослуженія, ибо все это смѣшивается при совмѣстной системѣ ученія.

Тѣмъ не менѣе совмѣстная система, если не въ цѣломъ своемъ видѣ, то по частямъ можетъ быть примѣняема въ школахъ, способствуя болѣе цѣлостному, разумному и жизненному усвоенію религіи. Ею особенно рекомендуется пользоваться при изученіи катихизиса и повтореніи изученнаго курса Закона Божія.

Концентрическая система. Преимущества ея предъ другими системами и неудобства ея примѣненія. Въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго обученія весьма важно, чтобы каждый малолѣтній ученикъ получилъ законченное образованіе, учится ли онъ въ начальной школѣ, или дома. Такое образованіе, повидимому, могла бы дать концентрическая система расположенія учебнаго матеріала.

Сущность концентрической системы состоитъ въ такомъ тѣсномъ соединеніи предметовъ Закона Божія, при которомъ изученіе ихъ могло бы вести къ наиболѣе живому и цѣлостному усвоенію религіи. Эта цѣль достигается такимъ расположеніемъ всего содержанія Закона Божія, когда учебный матеріалъ распределяется по ступенямъ или кругамъ (концентрамъ) такъ, что каждая ступень образуетъ законченное цѣлое, и послѣдующія ступени являются цѣлесообразнымъ расширеніемъ и углубленіемъ ступени низшей. Вновь сообщаемое на каждой высшей ступени входитъ въ связь съ прежде сообщеннымъ на низшей ступени, истины и выводы на каждой высшей ступени приобщаются все въ большемъ и большемъ размѣрѣ, и въ то же время преподаваніе становится все глубже и глубже. Кругъ свѣдѣній учениковъ по этой системѣ расширяется послѣдовательно подобно тому, какъ расширяются послѣдовательно концентрическіе круги по мѣрѣ удаленія отъ центра. Послѣдующій кругъ, прибавляя къ предыдущему новыя свѣдѣнія, имѣетъ вмѣстѣ съ нимъ одинъ общій центръ, или другими словами, тѣ основныя,

въ педагогическомъ смыслѣ, свѣдѣнія, которыя учитель заложилъ въ ученикахъ, какъ основаніе для построенія послѣдующихъ круговъ. Такъ, если ученіе продолжается три года, то бываетъ и три круга: причемъ какъ въ первомъ, такъ и въ остальныхъ кругахъ изучаютъ всѣ предметы Закона Божія, т. е., свящ. исторію, молитвы, катихизисъ и богослуженіе. Но въ первомъ кругѣ сообщаются только самыя общія элементарныя свѣдѣнія объ этихъ предметахъ, во второмъ—тѣ же предметы изучаются болѣе подробно, освѣщаются вѣроятными свѣдѣніями, напр., географическими, хронологическими, и въ третьемъ, насколько возможно, внутренній смыслъ этихъ событій, указываются причины, ихъ вызвавшія и послѣдствія, которыми они сопровождались.

Если концентрическая система состоитъ въ распредѣленіи всѣхъ предметовъ Закона Божія на отдѣльные круги, имѣющіе одинъ общій центръ, то какой же предметъ Закона Божія долженъ быть центральнымъ?

Несомнѣнно, что одинъ какой-либо предметъ изъ цѣлаго состава Закона Божія не можетъ быть поставленъ центральнымъ для всѣхъ ступеней религіознаго обученія, потому что при этомъ послѣднее неизбѣжно получило бы одностороннее направленіе. Различные предметы Закона Божія, хотя имѣютъ своимъ содержаніемъ одинъ и тотъ же предметъ—религію, но исчерпываютъ этотъ предметъ съ различныхъ сторонъ; цѣлостно усвоить религію, которая представляетъ въ себѣ различныя стороны, можно, разумѣется, только въ томъ случаѣ, если разсматривать ее послѣдовательно то съ одной стороны, то съ другой, но при этомъ каждую сторону имѣть въ виду непремѣнно въ ея живомъ отношеніи ко всѣмъ другимъ. Слѣдовательно, всему религіозному обученію лучше всего дать такую постановку, чтобы на различныхъ ступеняхъ его принимали центральное положеніе послѣдовательно то одинъ, то другой предметъ Закона Божія, и около одного—центрального предмета тѣснымъ, живымъ образомъ группировались бы стоящіе съ нимъ въ ближайшей связи знанія изъ всѣхъ другихъ предметовъ.

Какъ же именно учебный матеріалъ долженъ быть расположенъ по отдѣльнымъ ступенямъ обученія и какіе предметы Закона Божія должны занять центральное положеніе на каждой ступени?

Болѣ правильнымъ нужно признать слѣдующее расположение этихъ предметовъ по учебнымъ годамъ. Молитвы удобнѣе расположить какъ главный предметъ обученія на первомъ году; это потому, что молитва есть первое, чѣмъ ознаменовывается религіозная жизнь ребенка; для воспитанія благочестивой жизни молитва служить первымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ. Во второмъ году ученія главнымъ предметомъ долженъ быть поставленъ катихизисъ (въ „начаткахъ“), какъ предметъ, предлагающій въ существенныхъ чертахъ все, что необходимо знать христианину. Наконецъ, къ третьему году должно быть отнесено ознакомленіе съ церковнымъ богослуженіемъ. Изученіе свящ. исторіи должно распространиться на всѣ три года ученія, т. е., въ каждомъ году учащіеся должны знакомиться съ тѣми рассказами изъ нея, которые будутъ имѣть ближайшее тѣсное отношеніе къ главному, изучаемому въ этомъ году, предмету Закона Божія. Въ данномъ случаѣ имѣются въ виду три года начального школьнаго обученія; но, безъ сомнѣнія, такого порядка въ преподаваніи отдѣльныхъ частей Закона Божія можно придерживаться, готовя дѣтей для поступленія въ среднія учебныя заведенія.

Концентрическая система имѣетъ полное преимущество предъ всѣми другими системами, но нужно при этомъ замѣтить, что ею лишь только научно и принципиально разрѣшается вопросъ о лучшей системѣ преподаванія Закона Божія. Для того, чтобы законоучитель могъ приступить къ преподаванію Закона Божія по этой системѣ, необходимо сдѣлать слѣдующее: во 1-хъ, распределить учебный матеріалъ по отдѣленіямъ, причемъ ему пришлось бы разрѣшить нѣкѣмъ еще не разрѣшенную задачу—при распределеніи соединить учебный матеріалъ изъ разныхъ частей Закона Божія такъ, чтобы онъ группировался около одного какого-нибудь основного предмета и по внутренней связи содержанія, и по простотѣ и доступности для пониманія учениковъ разнаго возраста и развитія; во 2-хъ, ему нужно было бы составить учебникъ, приуроченный къ этой системѣ, такъ какъ подобныхъ учебниковъ пока нѣтъ, безъ учебника же законоучителю обойтись нельзя вообще, а при трехъ отдѣленіяхъ въ школѣ—въ особенности. Такимъ образомъ, ни одна изъ означенныхъ системъ расположения учебнаго ма-

теріала по Закону Божію не можетъ быть проведена строго въ начальной школѣ.

Въ виду этого рекомендуется законоучителямъ пользоваться поступательной системой при совмѣстномъ распределеніи учебнаго матеріала по Закону Божію, располагая этотъ матеріалъ такимъ образомъ, чтобы въ первомъ году были изучены самыя общія и главныя части всѣхъ четырехъ предметовъ Закона Божія; во второмъ—тѣ же предметы изучаются въ болѣе обширномъ видѣ и, наконецъ, въ третьемъ въ еще болѣе широкомъ объемѣ съ изъясненіемъ внутренняго смысла изучаемаго.

Необходимость особыхъ предварительныхъ или вступительныхъ бесѣдъ по Закону Божію.

При всякомъ преподаваніи признается необходимымъ соблюденіе слѣдующихъ правилъ: а) начинать уроки съ того, что дѣтямъ уже сколько-нибудь извѣстно, т. е., съ пересмотра того запаса ихъ личныхъ опытовъ, наблюденій и свѣдѣній, который они приносятъ въ школу; б) напередъ привести въ порядокъ всѣ имѣющіяся у дѣтей знанія—нѣкоторыя исправить, другія пополнить, и уже послѣ этого приступить къ изученію предмета.

То же самое должно сдѣлать и приступая къ обученію Закона Божія. Прежде всего слѣдуетъ хорошо ознакомиться съ тѣми религіозными познаніями и тѣмъ развитіемъ учащихся, съ какими они поступаютъ въ школу. Но такъ какъ тѣ знанія религіи, съ какими ученики являются въ школу, бывають обыкновенно неполны, неясны, невѣрны, то первую задачею преподавателя Закона Божія должно быть исправленіе ихъ, выясненіе и пополненіе. Иначе, если бы недостатки этихъ знаній оставлены были безъ провѣрки и исправленія, то они могли бы неблагоприятно отразиться на всѣхъ послѣдующихъ занятіяхъ учащихся, могли бы повести къ неправильности и неточности усвоенія того, что было бы сообщено имъ при систематическомъ обученіи. Такимъ образомъ, курсъ Закона Божія должно начинать предварительными или вступительными уроками.

ЧАСТНАЯ МЕТОДИКА ЗАКОНА БОЖІЯ.

Изучение общепотребительных молитв.

Потребность молитвы сказывается в дѣтях уже в раннемъ возрастѣ: подъ влияніемъ примѣра и наставленій дѣти преклоняютъ колѣна, крестятся и кланяются, смотря на св. иконы. Поэтому, какъ только дѣти научились говорить, ихъ необходимо учить молитвѣ словами. Первоначально достаточно для дѣтей самыхъ простыхъ и краткихъ молитвъ, приспособленныхъ къ ихъ жизни и пониманію, которыя могутъ быть церковными или же свободно созданными подъ влияніемъ религіознаго чувства. Встаётъ дитя съ постели, старшіе заставляютъ его предварительно перекреститься и произнести слова: „Господи благослови“; заболѣло дитя—оно повторяетъ за старшими: „Господи, посѣти, исцѣли и спаси насъ“; молясь за родителей—оно говоритъ: „Господи, помилуй папу и маму“ и др. Пусть дитя чаще повторяетъ эти и подобныя молитвы и частымъ ихъ повтореніемъ доходить до того, чтобы молитва превратилась въ навѣкъ и потребность сердца.

Съ наступленіемъ школьнаго возраста, когда у дѣтей достаточно окрѣпли память и рассудокъ и когда учитель ознакомится со степенью развитія ихъ религіознаго чувства и религіозныхъ понятій, приступаютъ къ систематическому объясненію и изученію молитвъ или, смотря по обстоятельствамъ, къ исправленію неправильно заученнаго ими въ предшествующій періодъ. При этомъ для большей сознательности воспитатель прежде изученія молитвъ даетъ дѣтямъ слѣдующія разъясненія: 1) прежде всего онъ сообщаетъ имъ краткое понятіе о значеніи изображенія Бога и святыхъ на иконахъ и знакомитъ ихъ съ правильнымъ почитаніемъ иконъ. 2) Затѣмъ въ краткой бесѣдѣ онъ выясняетъ дѣтямъ смыслъ и значеніе религіозныхъ обрядовъ, употребляемыхъ при молитвѣ—возженія лампадки, прямого стоянія предъ иконою, поклоновъ малыхъ, поясныхъ и земныхъ, крестнаго знаменія. 3) Далѣе воспитатель долженъ выяснитъ дѣтямъ и все глубокое значеніе христіанской молитвы, какъ бесѣды души человѣческой съ Богомъ, требующей возвышенія ума и сердца къ Богу. 4) Наконецъ, ведетъ краткую бесѣду о значеніи самыхъ формулъ церковныхъ молитвъ. Формулы церковныхъ молитвъ составлены людьми глубоко религіоз-

ными и потому обладаютъ рѣдкимъ свойствомъ возбуждать въ насъ такое же благоговѣніе и молитвенныя чувства, какіхъ были исполнены умы и сердца самихъ составителей.

Выборъ молитвъ для изученія. Не всѣ молитвы, употребляемыя въ православной церкви, должны быть изучаемы въ школѣ. Въ школѣ должны быть изучаемы только общепотребительныя церковныя молитвы и славословія, которыя необходимы каждому христіанину для постояннаго употребленія въ жизни. Такимъ образомъ, выборъ молитвъ, подлежащихъ изученію въ школѣ, опредѣляется повседневными нуждами въ нихъ каждого христіанина. Къ такимъ молитвамъ относятся: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, „Господи Исусе Христе“, „Господи, помилуй“, „Господи, благослови“, „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“, „Царю небесный“, „Святый Боже“, „Слава и нынѣ“, „Пресвятая Троице“, „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво, радуйся“, „Достойно есть“, утренняя и вечерняя молитва; молитвы: Ангелу хранителю, молитва за Царя; молитвы предъ принятіемъ и послѣ принятія пищи, молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія.

Порядокъ изученія молитвъ. По вопросу о томъ, въ какомъ порядкѣ должны быть изучаемы молитвы, существуетъ нѣсколько мнѣній.

1. Одни законоучители, исходя изъ того положенія, что всѣ собираемыя дѣтямъ элементарныя свѣдѣнія должны быть прикрѣплены къ мѣсту и времени, назначаютъ для изученія *молитвы утреннія, дневныя и вечернія*. О порядкѣ изученія молитвъ во времени сутокъ достаточно замѣтить, что онъ, будучи естественнымъ въ *одномъ внѣшнемъ отношеніи*, оказывается неестественнымъ въ другомъ, гораздо болѣе важномъ. Въ преподаваніи важно исходить отъ легкаго къ болѣе трудному; но не всѣ молитвы утреннія могутъ быть признаны легчайшими для усвоенія, молитвы дневныя—трудными, а вечернія труднѣйшими. Поэтому можно изучать молитвы и не въ порядкѣ дня, можно изучать ихъ въ порядкѣ, такъ сказать, смѣшанномъ, лишь бы изучитъ ихъ легко и толково.

2. Нѣкоторые (напр., г. Нурминскій) рекомендуютъ такой порядокъ изученія молитвъ, по которому сначала изучаются *молитвы семейныя*, напр., молитвы передъ обѣдомъ и послѣ обѣда; за молитвами семейными слѣдуютъ *школьныя*: молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія; послѣ этихъ изучаются молитвы *церковныя*, напр., молитвы Св. Духу, и наконецъ, молитвы *общественныя*, напр., молитва за царя и отечество. Этотъ порядокъ также не можетъ быть согласованъ съ порядкомъ изученія молитвъ по степени ихъ доступности для дѣтскаго пониманія и не соотвѣтствуетъ основному требованію методики относительно перехода отъ легкаго къ трудному.

3. Существует и такое мнѣніе о порядкѣ изученія молитвъ, по которому цѣлесообразнѣе изучать молитвы *въ системѣ вѣроученія*, въ нихъ заключающагося, чтобы, объясняя ихъ, можно было познать дѣтей съ главными истинами православной вѣры и приготовить ихъ къ пониманію символа вѣры. Въ такомъ порядкѣ составлена книжка „Молитвы, заповѣди и символъ вѣры“, съ объясненіемъ, *прот. Д. Соколова*. Согласно такому порядку, обученіе молитвамъ становится уже не цѣлью, а средствомъ къ достиженію другой цѣли, —цѣли усвоенія вѣроученія христіанскаго. Между тѣмъ изученіе молитвъ имѣетъ свою особую цѣль, не менѣе важную, чѣмъ вѣроученіе. Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы ученики усвоили, кромѣ текста молитвословій, съ посильнымъ разумѣніемъ ихъ, благочестивый навыкъ къ молитвѣ и чтобы молитва сдѣлалась насущною потребностью ихъ души.

4. Нѣкоторые изъ педагоговъ (свещ. М. Соколовъ, Аѳ. Соколовъ и друг.) обращаютъ особенное вниманіе на связь молитвъ, символа вѣры и заповѣдей съ свещ. исторіей и считаютъ наиболѣе педагогическимъ изучать ихъ *въ связи съ разсказами изъ свещ. исторіи ветхаго и новаго заветъа*. По ихъ мнѣнію, какъ всѣ общеупотребительныя молитвы, такъ и десять заповѣдей и символъ вѣры носятъ на себѣ характеръ историческій, и внѣ исторіи объяснить ихъ нѣтъ никакой возможности. Напротивъ, свещ. исторія даетъ весь матеріалъ какъ содержанію молитвъ, такъ и содержанію заповѣдей, символа вѣры и потому она представляетъ первыя и вѣрныя средства основательно уяснить ихъ и болѣе ясно, болѣе прочно закрѣпить ихъ въ памяти дѣтей.

Историческій порядокъ изученія молитвъ имѣетъ за собою важныя преимущества; но онъ непримѣнимъ къ современной народной школѣ, такъ какъ при немъ нѣтъ возможности изучать молитвы въ теченіи перваго года; при немъ дѣтямъ придется не знать нѣкоторыхъ молитвъ въ теченіи двухъ лѣтъ и болѣе. Напр., молитву Св. Духу слѣдуетъ изучать, держась этого порядка, только послѣ разсказа о сошествіи Св. Духа на апостоловъ; а между тѣмъ многіе изъ дѣтей покидаютъ школу, не пробывши въ ней и одного года; кромѣ того не всѣ указанные въ программѣ для начальныхъ школъ молитвы могутъ быть выведены изъ священно-историческихъ разсказовъ.

5. Въ большинствѣ случаевъ молитвы сообщаются дѣтямъ въ *порядкѣ церковномъ*. Въ такой послѣдовательности молитвы обыкновенно печатаются въ молитвословахъ. Порядокъ этотъ имѣетъ глубокое педагогическое основаніе, такъ какъ молитвы здѣсь расположены въ постепенно возрастающемъ по объему порядкѣ. Само собою разумѣется, что послѣ изученія всѣхъ молитвъ въ порядкѣ церковномъ законоучитель долженъ ознакомить дѣтей и съ тѣмъ порядкомъ, въ какомъ читаются онѣ въ теченіе дня, чтобы приготовить ихъ къ ежедневному совершенію утренней и вечерней домашней молитвы. Но такъ какъ послѣдовательное заучиваніе одной

молитвы за другой становится для дѣтей скучнымъ и вмѣсто того, чтобы возбудить живую потребность въ молитвѣ, можетъ приучить ихъ къ механическому исполненію ея, изученіе молитвъ непременно должно чередоваться со священно-историческими разсказами и бесѣдами изъ церковной исторіи.

Способы изьясненія и заучиванія молитвъ. Въ начальныхъ школахъ практикуется нѣсколько способовъ изьясненія и заучиванія молитвъ.

1. Молитвы изучаются *черезъ многократное прочитываніе ихъ по книгѣ*. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Едва только ученики научились читать, имъ указывается въ книгѣ молитва, назначенная къ заучиванію, и они должны читать и перечитывать ее до тѣхъ поръ, пока не заучатъ наизусть.

Недостатки этого стариннаго способа заучиванія молитвъ очевидны. Онъ противорѣчитъ а) тому дидактическому правилу, что ученикъ долженъ заучивать только то, что доступно его пониманію само по себѣ или вслѣдствіе предварительнаго разъясненія со стороны учителя. Славянскій текстъ молитвы, безъ предварительныхъ объясненій, очевидно, не можетъ быть понятенъ ученикамъ. Онъ противорѣчитъ б) другому такому же требованію, по которому преподаваемое должно быть интересно для учениковъ. Понятно само собою, что перечитываніе одного и того же нѣсколько разъ, и притомъ недостаточнаго пониманію, не можетъ имѣть для учениковъ никакого интереса. Заучиваніемъ непонятнаго и потому неинтереснаго убивается всякая любознательность, порождается равнодушіе къ содержанію и смыслу изучаемаго.

2. Способъ заучиванія молитвъ *посредствомъ пѣнія* существуетъ на практикѣ въ двухъ видахъ. Въ началѣ и концѣ классныхъ занятій ежедневно поются извѣстныя общеупотребительныя молитвы дѣтьми уже пробывшими въ школѣ годъ или два и, слѣдовательно, знающими ихъ; дѣти же, обучающіяся въ школѣ первый годъ, слушаютъ пѣніе молитвъ и съ теченіемъ времени запоминаютъ ихъ. Второй видъ способа заучиванія молитвъ черезъ пѣніе состоитъ въ томъ, что учитель сперва самъ говоритъ нѣсколько словъ молитвы, а дѣти повторяютъ ихъ; затѣмъ и учитель и дѣти поютъ ихъ вмѣстѣ, и такъ до конца молитвы.

Главный недостатокъ разсмотрѣнныхъ способовъ заучиванія молитвъ—усвоеніе дѣтьми того, чего они еще не понимаютъ—приущь и этому способу. Вообще о пѣніи нужно замѣтить, что оно можетъ быть употребляемо при заучиваніи молитвъ не болѣе, какъ вспомогательное средство—тверже закрѣпить въ памяти дѣтей молитвы, уже объясненныя имъ и понятыя ими.

3. Способъ заучиванія молитвъ *черезъ хоровое повтореніе за учителемъ, съ голоса*, состоитъ въ слѣдующемъ. Учитель дѣлитъ текстъ молитвы сперва на нѣсколько мелкихъ частей, положимъ, на десять, и произноситъ каждую отдѣльно. Какъ только онъ произнесъ первую часть и далъ знакъ, дѣти хоромъ повторяютъ то же самое. Далѣе

учитель произноситъ вторую часть молитвы, а ученики повторяютъ ее. Потомъ, соединивъ обѣ части вмѣстѣ, произноситъ самъ и заставляетъ повторить дѣтей. Затѣмъ онъ переходитъ къ заучиванію третьей части и четвертой, изучая ихъ по образцу первыхъ двухъ частей, т. е., сначала каждую отдѣльно, а потомъ вмѣстѣ. Послѣ заучиванія четырехъ частей молитвы, учитель соединяетъ ихъ вмѣстѣ, читаетъ ихъ самъ и заставляетъ повторить дѣтей.

Объ этомъ способѣ нужно сказать то же самое, что сказано и о способѣ заучиванія молитвъ чрезъ пѣніе. Такой способъ усвоенія молитвъ, составляя тяжелый трудъ какъ для учениковъ, такъ и для законоучителя, можетъ убить въ ученикахъ всякій интересъ къ изученію Закона Божія, такъ какъ все обученіе отличается чисто механическимъ характеромъ. Съ другой стороны, при такомъ способѣ обученія молитвамъ не можетъ быть и рѣчи о воспитаніи въ ученикахъ тѣхъ чувствъ, какія выражаются въ молитвахъ. Но онъ можетъ имѣть полезное приложеніе въ томъ, напр., случая, когда молитва объяснена дѣтямъ по частямъ и въ цѣломъ и имъ надобно заучить эти части въ должномъ порядкѣ.

4. *Способъ заучиванія молитвъ по методикѣ Ае. Соколова.* По этому способу изученіе каждой молитвы идетъ по слѣдующему плану: 1) Изученію молитвы предшествуетъ библейскій рассказъ, дающій матеріалъ для извѣстной молитвы, или повтореніе изученныхъ ранѣе историческихъ фактовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ содержанію молитвы. 2) Затѣмъ идетъ бесѣда законоучителя, во время которой дѣти постепенно доводятся до полного пониманія смысла всей молитвы или изучаемой части ея и научаются передавать содержаніе молитвы словами, близкими къ русскому тексту изучаемой молитвы. 3) Послѣ этого законоучителемъ прочитывается русскій текстъ молитвы, какъ обобщеніе сказаннаго въ бесѣдѣ. 4) Затѣмъ нѣкоторыя русскія слова и выраженія переводятся на церковно-славянскій языкъ, а потомъ предлагается ученикамъ и связанный переводъ молитвы на церковно-славянскій языкъ, и 5) наконецъ, слѣдуетъ заучиваніе славянскаго текста молитвы съ поясненіемъ ея содержанія.

Изложенный способъ заучиванія молитвъ отличается большой сложностью и требуетъ для своего осуществленія много времени. Стремленіе довести учениковъ до передачи содержанія молитвъ прежде изученія текста ихъ посредствомъ бесѣды нельзя признать цѣлесообразнымъ и посильнымъ для дѣтей: имъ гораздо легче объяснить смыслъ молитвъ по тексту, чѣмъ передавать все содержаніе ея, не зная текста. Говоря такъ, мы вовсе не отвергаемъ цѣлесообразности какихъ бы то

ни было бесѣдъ вообще примѣнительно къ содержанію молитвъ. Бесѣды полезны, но въ нихъ нужно касаться не теоретической стороны молитвъ, то есть, содержанія ихъ; но преимущественно практической—объясненія того, почему нужно совершать извѣстную молитву, какъ совершать, когда и т. п., смотря по содержанію изучаемой молитвы. Содержаніемъ этихъ бесѣдъ должны быть тѣ мысли и чувствованія, какими должна быть преисполнена душа человѣческая при произнесеніи той или другой молитвы, а не тѣ догматическія или нравственныя истины, которыя въ ней заключаются. Такая бесѣда, при указанномъ нами порядкѣ обученія молитвъ, можетъ быть введена съ одинаковою пользою какъ предъ изученіемъ молитвъ, такъ и послѣ изученія.

Усвоеніе учениками русскаго перевода молитвъ прежде славянскаго текста и переводъ молитвъ съ русскаго языка на церковно-славянскій также нельзя признать цѣлесообразными. Это дѣлается, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы ученики свачала усвоили молитву на русскомъ языкѣ, какъ болѣе понятномъ для нихъ, а потомъ уже на церковно-славянскомъ, т. е., съ цѣлью облегчить ученикамъ разумѣніе и заучиваніе молитвъ. Но трудность разумѣнія учениками молитвъ зависитъ не отъ того, что молитвы излагаются на церковно-славянскомъ языкѣ, а главнымъ образомъ отъ того, что понятія и мысли, выражаемыя въ молитвахъ, безъ разъясненія мало или совсѣмъ недоступны разумѣнію учениковъ. Чтобы довести учениковъ до разумѣнія молитвъ, нужно объяснить заключающіяся въ нихъ понятія и мысли, а русскимъ переводомъ эта цѣль большею частью не достигается. Въ молитвахъ найдется слишкомъ мало такихъ выраженій, которыя, по переводѣ на русскій языкъ, могутъ быть доступны разумѣнію дѣтей. Такимъ образомъ, русскій переводъ почти ничего не прибавляетъ къ уразумѣнію текста молитвъ, а потому онъ не нуженъ. Тѣмъ болѣе излишне заучиваніе учениками русскаго перевода молитвъ, такъ какъ они никогда не будутъ и не должны читать молитвъ по русски.

Въ виду изложенныхъ соображеній и способъ изученія молитвъ, рекомендуемый Ае. Соколовымъ, не можетъ имѣть въ полной мѣрѣ примѣненія въ начальной школѣ.

5. *Способъ изученія молитвъ, рекомендуемый объяснительной запиской къ программѣ преподаванія Закона*

Божія въ церковно-приходскихъ школахъ долженъ быть признанъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Молитва, по прекрасному опредѣленію ея приснопамятнымъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, есть возношеніе ума и сердца къ Богу. Поэтому въ наученіи дѣтей молитвамъ необходимо достигать не того только, чтобы дѣти затвердили слова молитвы на память и умѣли объяснить то или другое непонятное слово, а главнымъ образомъ того, чтобы въ сердцахъ дѣтей утвердить молитвенное настроеніе, чтобы, молясь, дѣти не только твердили заученныя слова, но всѣмъ сердцемъ возносились къ Тому, къ Кому обращена ихъ молитва. Для этого нужно, чтобы молитва была возможно сознательно понята дѣтьми и не только выучена, но и прочувствована. Эта цѣль изученія молитвъ указывается и въ объяснительной запискѣ къ нынѣ практикуемой во всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ программѣ Закона Божія, утвержденной Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ въ 1884 году.

Дѣти должны усвоить себѣ благочестивый навыкъ къ молитвѣ, чтобы молитва сдѣлалась насущною потребностію ихъ души и они чувствовали себя спокойными, не исполнивъ ея долга. Для сего представляется нужнымъ приучить дѣтей къ ежедневному, строго для нихъ обязательному, исполненію молитвы въ извѣстное время, по извѣстному узаконенному правилу. „Молитвою и непремѣннымъ исполненіемъ ея въ назначенное время“, пишетъ митрополитъ Иннокентій въ письмѣ къ графу Протасову, „дѣтямъ внушается, что они не животныя (вольныя), но чѣмъ-то обязаны, что есть Кто-то, Кому они должны поклоняться и кланяться иначе, нежели людямъ“. Святитель не останавливается предъ тѣмъ, что это дѣйствіе дѣтей будетъ въ началѣ нѣсколько какъ бы механическимъ: онъ видитъ даже пользу въ этомъ, именно ту, что такая молитва, внушая чувство обязанности, приучаетъ дѣтей къ терпѣнію. Пусть ребенокъ еще не понимаетъ молитвъ, важно то, что онъ молитву считаетъ долгомъ, который непремѣнно долженъ исполнить утромъ и вечеромъ, при началіи и окончаніи дѣла, предъ обѣдомъ и послѣ него и т. п. Чтеніе это исполняетъ или самъ наставникъ, или одинъ изъ старшихъ воспитанниковъ школы, при чемъ нѣкоторыя молитвы (Царю Небесный, Отче Нашъ, Богородице Дѣво, радуйся; Спаси, Господи, люди Твоя; Достойно есть) должны быть пропѣты хоромъ. Приобрѣтая на-

выкъ къ молитвѣ, дѣти вслушиваются въ слова и выраженія молитвъ и незамѣтно усваиваютъ ихъ своею памятью. Послѣ сего имъ легко будетъ заучить необходимыя молитвы или со словъ законоучителя, или по молитвослову, когда они выучатся читать по-славянски. При этомъ заучиваніи должно быть сообщено имъ буквальное значеніе непонятныхъ славянскихъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ той или другой молитвѣ. Истолкованіе внутренняго глубокаго смысла молитвъ должно быть ведено въ уровень съ ихъ общимъ наставленіемъ въ Законъ Божіемъ. Наставникъ терпѣливо долженъ ждать времени, когда можетъ ввести дѣтей въ полное, по ихъ возможности, разумѣніе той или другой молитвы. Напримѣръ, при разсказѣ о Благовѣщеніи Божіей Матери и посѣщеніи ею праведной Елизаветы весьма удобно можетъ быть объяснена молитва: „Богородице Дѣво, радуйся“; при разсказѣ о сошествіи Святаго Духа—молитва „Царю небесный“. То же самое съ пользою можетъ быть повторено при объясненіи 3-го и 8-го членовъ Символа вѣры, какъ это указано въ „Начаткахъ Христіанскаго ученія“. Для учащагося полезнѣе будетъ, если онъ, при изученіи соотвѣтственнаго мѣста изъ священной исторіи и катихизиса, прозрѣть въ несовсѣмъ понятный для него до сихъ поръ смыслъ молитвы, чѣмъ забѣгать впередъ и преждевременными искусственными, вѣрнѣе—насильственными мѣрами внѣдрять въ его память объясненіе, которое часто бываетъ непонятнѣе самой объясняемой молитвы. Ясное и отчетливое прославленіе милости Божіей, явленной въ томъ или другомъ событіи, своевременно данное уму, не замедлитъ отразиться и въ чувствахъ сердца. Должно помнить при семъ, что къ поддержанію и усиленію молитвеннаго настроенія сильнѣе слова дѣйствуетъ примѣръ наставника и окружающей ребенка среды. Дѣти видятъ, какъ молятся большіе, и сами проникаются тѣмъ же молитвеннымъ духомъ. Подавая самъ дѣтямъ примѣръ искренней, благоговѣйной молитвы, наставникъ долженъ пользоваться всѣми случаями, какіе представляетъ его пастырская дѣятельность въ церкви и приходѣ, чтобы ввести дѣтей въ соучастіе общей церковной молитвы и утвердить ихъ въ молитвенномъ настроеніи, почитая это дѣло важнѣйшимъ въ законоученіи.

Преподавание священной истории.

Выборъ содержания священной истории и цель ея преподаванія. Выборъ священно-историческаго матеріала, подлежащаго изученію въ начальной школѣ, долженъ быть сдѣланъ со всею строгостію и разборчивостію относительно значенія тѣхъ или другихъ событій священной истории для главной цѣли преподаванія въ ней Закона Божія.

Преподаваніе Закона Божія въ начальной школѣ имѣетъ своею цѣлю выясненіе пути нашего спасенія и примиренія грѣшнаго человѣка съ Богомъ. Сообразно съ этою цѣлю ветхозавѣтная история должна представить не гражданскую историю евреевъ, а историю вѣры ихъ; должна указать, какъ обѣтованіе о грядущемъ Спасителѣ, съ теченіемъ времени, болѣе и болѣе раскрывалось въ ходѣ внѣшнихъ судьбъ народа Божія, посредствомъ прообразовъ и пророчествъ; должна раскрыть, какъ событія жизни и установленія закона развивали въ родѣ человѣческомъ, и преимущественно въ народѣ еврейскомъ, сознаніе его безсилія, немощи и возбуждали желаніе и ожиданіе Мессіи. Кромѣ того, она должна показать, какъ въ богоизбранномъ народѣ развивалось самодовольство, самооправданіе, исключительность, замкнутость и презрѣніе ко всему окружающему, и какъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ несчастій и внутренняго самодовольства, самое ожиданіе Спасителя исказилось и превратилось въ ожиданіе земнаго Іудейскаго Мессіи. Поэтому наставникъ неуклонно долженъ обращать взоръ дѣтей ко временамъ Мессіи: 1) раскрыть имъ важнѣйшіе ветхозавѣтные прообразы и пророчества; 2) уяснить имъ ту народную среду, въ которой явился Спаситель міра, и 3) въ событіяхъ изъ жизни отдѣльных ветхозавѣтныхъ лицъ отмѣтить ясныя слѣды Божественнаго Промышленія о человѣкѣ.

Кромѣ того, при изученіи священной истории дѣти изъ живыхъ примѣровъ должны получить первыя понятія о главныхъ обязанностяхъ какъ семейныхъ, такъ и общественныхъ (какъ должно почитать родителей и дорожить ихъ благословеніемъ, о братской и родственной любви и т. п.). Въ то же самое время дѣти увидятъ здѣсь начало и возникновеніе многихъ обычаевъ, учрежденій и обрядовъ, которые до сихъ поръ сохраняются въ семейномъ, обще-

ственномъ и церковномъ быту (семейныя могилы, закрытіе очей умершаго ближайшимъ родственникомъ, исканіе указаній свыше при выборѣ невѣсты, покрывало на головѣ ея и т. п.). Здѣсь открывается для наставника возможность ознакомить дѣтей съ нѣкоторыми и притомъ наиболѣе важными сторонами человѣческой жизни и сообщить взгляду ихъ на всѣ явленія ея направленіе религиозное. Дѣти увидятъ, какъ Самъ Господь Богъ воздвигаетъ власть вождя народнаго первосвященника (пророки Моисей и Ааронъ) и строго караетъ противниковъ этой власти (казнь Корея, Даана и Авирона) и какъ, наконецъ, передаетъ не иную, а Свою собственную власть надъ народомъ—особенному Своему избраннику Царю (исторія избранія на царство Саула), какое внушается къ ней уваженіе и какъ строго охраняется неприкосновенность помазанника Божія (отношеніе Давида къ Саулу). Въ жизни избранниковъ Божіихъ и вообще богоизбраннаго еврейскаго народа въ особенности ясно и наглядно представляются пути Божія Промысла: за преступленіемъ большею частію сейчасъ же изрекается и неминуемо, рано или поздно, слѣдуетъ наказаніе, по молитвѣ подается прошеніе и помилованіе.

Новозавѣтная священная история представляетъ исполненіе всѣхъ тѣхъ чаяній и надеждъ, которыми жили праведники ветхозавѣтные. Это—исторія спасенія всѣхъ людей и каждаго человѣка въ особенности. Передавая дѣтямъ ученіе Господа Спасителя, наставникъ долженъ внушать имъ, что слово Господа не имѣетъ въ виду только лицъ, жившихъ во время Его земной жизни, а обращено къ каждому изъ насъ и есть для насъ непремѣнная заповѣдь. И всѣ праведные люди подають намъ примѣръ добродѣтелей; но въ особенности въ сердцахъ дѣтей должны ясно и твердо напечатлѣться черты спасительной жизни Господа нашего Іисуса Христа (самоотверженіе, смиреніе, кротость, милосердіе, дружба, заботливость о матери, повиновеніе ей и мнимому отцу, любовь ко врагамъ и др.), какъ образецъ и правило жизни христіанской. Евангельскія повѣствованія о чудесахъ Господа Спасителя укрѣпляютъ въ сердцахъ дѣтей вѣру въ Его всемогущую силу и надежду на Его милосердіе. При изображеніи страданій Господа, наставникъ долженъ въ особенности возвышать въ мысли ихъ истину Его Божества, внушая имъ, что Онъ добровольно ради насъ

смирить Себя, и указывая, как Божественная слава Его сияет среди самого крайнего уничтожения. Наконец, новозавѣтная священная исторія должна объяснить дѣтямъ, сколько возможно, происхождение христіанской Церкви и Божественное установленіе ея іерархіи, выяснитъ имъ въ особенности содержаніе празднуемыхъ въ ней событій изъ исторіи спасенія, указать самое начало праздниковъ (въ исторіи Воскресенія Христова) и постовъ (примѣръ Господа Спасителя и ученіе Его о постѣ) ею соблюдаемыхъ, и такимъ образомъ предпослать нѣкоторыя данныя для изученія катихизиса и для объясненія Богослуженія. Такимъ образомъ, основная мысль, которой должны объединяться рассказы изъ новозавѣтной исторіи, та, какъ явившійся обѣтованный Избавитель міра открывалъ путь къ вѣчному блаженству и какія указалъ и даровалъ къ тому средства.

Соотвѣтственно этому содержанію священной исторіи законоучитель долженъ е) сообщить дѣтямъ твердое и основательное познаніе наиболѣе важныхъ фактовъ домостроительства нашего спасенія, б) пробудитъ въ дѣтяхъ живую вѣру и дать направленіе ихъ волѣ къ истинно-христіанской жизни. Достигнуть этой двоякой цѣли законоучитель можетъ путемъ: 1) *рассказа*, 2) *объясненія*, 3) *заучиванія* и 4) *нравственнаго приложенія* священо-историческихъ повѣствованій къ жизни.

1. Форма передачи дѣтямъ библейскихъ повѣствованій; рассказъ. Основною формою преподаванія священной исторіи нужно признать форму *акроаматическую*, т. е., *рассказъ* законоучителя. Это вытекаетъ изъ самого существа священной исторіи, имѣющей повѣствовательный характеръ. Рассказъ, помимо этого, имѣетъ и свое педагогическое значеніе. Живая рѣчь законоучителя скорѣе произведетъ на душу учащагося цѣльное впечатлѣніе отъ того или другого священо-историческаго событія.

Кромѣ акроаматической формы въ примѣненіи къ преподаванію священной исторіи можетъ быть употребляема и *катихизическая*. Катихизация неизбѣжна при начальномъ повтореніи учениками рассказаннаго, потому что нельзя предположить, что ученики всегда могутъ повторять рассказанное связною рѣчью, хотя бы законоучитель рассказывалъ каждое священо-историческое событіе по частямъ. Нѣкоторыя священные повѣствованія заключаютъ въ себѣ истинныя нравоученія. Нравственные выводы могутъ быть дѣлаемы или въ формѣ акроаматической, или въ формѣ *эвристической*. Эвристическая

форма въ этомъ случаѣ особенно примѣнима тогда, когда въ жизни дѣтей могутъ быть случаи и обстоятельства, сходныя съ священо-историческимъ рассказомъ. Такихъ рассказовъ найдется не мало: наприм., изъ рассказа о жертвоприношеніи Каина и Авеля можетъ быть сдѣланъ нравственный выводъ о поведеніи учениковъ во время богослуженія и молитвы вообще. Авель изображенъ на священо-исторической картинѣ въ молитвенномъ положеніи, а Каинъ смотритъ въ сторону, что бываетъ и съ учениками во время богослуженія и молитвы въ школѣ. Совершенно необходима катихизация при преподаваніи священной исторіи по картинамъ.

Впрочемъ нельзя стѣснять преподавателя употребленіемъ одной какой-либо формы. Опытный преподаватель съ удобствомъ можетъ воспользоваться и, такъ называемой, *смѣшанной* формою.

Каковы же должны быть свойства хорошаго рассказа?

Принимая во вниманіе воспитательное значеніе священной исторіи какъ ветхозавѣтной, такъ въ особенности новозавѣтной, а также возрастъ дѣтей, наставникъ долженъ стараться о *живости* и *впечатлительности* рассказа и избѣгать сухого перечня лицъ и событій. Живость и впечатлительность присущи рассказу только тогда, когда въ рассказѣ извѣстное событіе изображается во всей его полнотѣ, когда нравственный образъ историческаго лица выражается въ его словахъ и дѣйствіяхъ. Напротивъ, сжатость и краткость изложенія событія дѣлаютъ рассказъ сухимъ и безжизненнымъ, а потому рассказы такого рода не могутъ возбуждать вниманія учениковъ, не легко ими усвоятся, скоро забываются и не могутъ оказывать на учениковъ воспитательнаго вліянія. Обыкновенно священо-историческія повѣствованія передаются ученикамъ въ сокращенномъ видѣ съ тою цѣлью, чтобы скорѣе выполнить программу; при этомъ предполагается, что для подробнаго выполненія программы не достанетъ учебнаго времени. Но это—большая ошибка. Ученикамъ нужно рассказывать съ надлежащею подробностью, не опускаая второстепенныхъ обстоятельствъ. Такіе рассказы усвоятся учениками скорѣе и прочнѣе. Второстепенныя обстоятельства оживляютъ рассказъ, лучше запоминаются учениками и служатъ для нихъ какъ бы указателями, по которымъ они припоминаютъ весь рассказъ. Въ рассказѣ изъ библейскаго текста слѣдуетъ опускать только такія подробности, которыя усложняютъ ходъ передаваемого событія, отвлекаютъ вниманіе учениковъ отъ главнаго предмета и могутъ запутывать ихъ; но не слѣдуетъ опускать тѣхъ подробностей, которыя придаютъ рассказу

картинность. Урокъ, изложенный съ библейскою полнотою, часто въ формѣ разговоръ двухъ-трехъ лицъ, выводимыхъ въ томъ или другомъ эпизодѣ, не только не потребуетъ бесполезной траты времени, но сбережетъ его—это психологическій законъ. Впечатлѣнія сильныя, возможныя лишь при живомъ, картинномъ изложеніи урока, долѣе продержатся въ памяти и меньше потребуютъ повтореній для закрѣпленія ихъ, чѣмъ свѣдѣнія, предложенныя догматически. Уроки въ 5—6 строкъ, повидимому, скорѣе изучаются, чѣмъ тѣ же уроки въ 50—60 строкъ; но это только повидимому такъ, на самомъ же дѣлѣ первые уроки потребуютъ, быть можетъ, болѣе 50-ти повтореній, чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ достояніемъ ученика, тогда какъ вторые не потребуютъ и пяти.

Избѣгая сжатости и сухости разсказа, преподаватель долженъ заботиться о *простотѣ и доступности* его для учениковъ, а потому не долженъ употреблять словъ и выраженій, непонятныхъ ученикамъ. Равно также не приличествуетъ священному повѣствованію употребленіе словъ простонародныхъ съ цѣлью упростить разсказъ. Чтобы не ослабить въ ученикахъ впечатлѣнія разсказа, какъ повѣствованія объ историческомъ событіи, учитель при разсказѣ не долженъ уклоняться въ сторону, прерывая разсказъ сообщеніемъ свѣдѣній хотя бы и полезныхъ, но въ библейское повѣствованіе не входящихъ. Объясненіе прообразовъ и всякіе выводы изъ историческаго разсказа должно дѣлать послѣ усвоенія учениками разсказа, а не вести на ряду съ ними.

Разсказъ долженъ быть *нагляденъ*, почему можетъ и долженъ переходить въ описаніе. Наглядность разсказу сообщается хорошимъ преподаваніемъ, которое состоитъ въ ясномъ, спокойномъ изложеніи, въ правильной интонаціи голоса и выраженій, равно какъ и въ живомъ представленіи разсказываемаго событія. Наглядность при разсказѣ достигается также употребленіемъ священно-историческихъ картинъ.

Разсказъ долженъ быть *связнымъ*. Подъ связностью разсказа слѣдуетъ разумѣть не одну послѣдовательность явленій, но и ихъ внутреннюю связь и отношеніе къ главной мысли.

Наконецъ, разсказъ долженъ быть *благоговѣйнымъ, воодушевленнымъ, точнымъ* по своему содержанію, и *отчетливымъ, медленнымъ и выразительнымъ* по формѣ.

Характеръ разсказа или языка повѣствователя.

Относительно того, какимъ языкомъ или какою рѣчью разсказывать священно-историческія событія, существуетъ три мнѣнія. Нужно разсказывать священную исторію словами Библии, говорятъ одни. Нужно разсказывать свободною рѣчью, но въ библейскомъ духѣ, говорятъ другіе. Защитники библейскаго изложенія разсказовъ справедливо оцѣниваютъ значеніе библейской формы изложенія, но законоучитель не долженъ быть связаннымъ обязанностью разсказывать такъ, а не иначе: если законоучитель не выработалъ себѣ библейской рѣчи продолжительной практикой, то и разсказъ его будетъ отличаться искусственностью, почему онъ и не произведетъ на учениковъ жизненнаго впечатлѣнія. Въ виду этого и нельзя требовать отъ законоучителя, чтобы онъ безусловно держался въ своемъ разсказѣ библейскаго текста. Защитники свободной формы разсказа священно-историческихъ событій справедливо указываютъ, что библейскій текстъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно понимается дѣтьми. Тѣмъ не менѣе пользованіе свободной рѣчью при разсказѣ священно-историческихъ событій можетъ привести къ тому, что разсказы могутъ принять форму обыкновенныхъ мірскихъ разговоровъ и даже форму сказокъ.

Въ объяснительной запискѣ къ программѣ преподаванія Закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ сказано: „въ собственныхъ разсказахъ наставникъ долженъ какъ можно ближе держаться не только духа, но и самаго текста священныхъ повѣствованій“. Указаніе объяснительной записки, очевидно, должно признать среднимъ мнѣніемъ между двумя первыми, или тою благоразумною серединою, которая обыкновенно предполагается между двумя крайностями. Здѣсь не сказано, что законоучитель долженъ разсказывать словами Библии, не сказано также, что онъ долженъ разсказывать свободною рѣчью, а говорится лишь то, что онъ долженъ какъ можно ближе держаться текста священныхъ повѣствованій. Здѣсь законоучитель не стѣсненъ формою разсказа, не связанъ обязанностью разсказывать непременно такъ, а не иначе, разсказывать, напр., непременно словами Библии, хотя бы онъ и не выработалъ въ себѣ та-

кой рѣчи. Объяснительная записка предлагаетъ законоучителю выработать въ себѣ такую рѣчь священно-историческихъ разсказовъ, которая хотябы и была свободною его рѣчью, но была бы какъ можно болѣе ближе къ библейскому духу и тексту; чтобы рѣчь его лилась сама собою, безъ особыхъ усилий, а тѣмъ болѣе безъ предварительнаго усвоенія на память библейскаго текста извѣстнаго повѣствованія; чтобы, такимъ образомъ, разсказъ его былъ дѣйствительно живымъ словомъ, могущимъ вліять на дѣтскую душу. Такую рѣчь законоучитель можетъ выработать постепенно. Лучшимъ средствомъ къ тому служить, кромѣ частаго чтенія Слова Божія, подготовка къ урокамъ. Предъ каждымъ урокомъ законоучитель долженъ прочитывать по священнымъ книгамъ то, что онъ предполагаетъ сообщить ученикамъ.

II. Объясненіе. За разсказомъ историческаго событія слѣдуетъ объясненіе. Главныя качества объясненія историческаго разсказа заключаются въ слѣдующемъ: а) Объясненіе ограничивается фактической стороною разсказа, раскрываетъ исторію, какъ исторію, не касаясь вовсе ученія и нравственныхъ правилъ, вытекающихъ изъ разсказа; б) имѣетъ задачу: испытать внимательность учениковъ при слушаніи разсказа, усвоить и уяснить ученикамъ подробности разсказа и такимъ образомъ подготовить ихъ къ передачѣ разсказанной исторіи своими словами; в) строго соотнобразится съ порядкомъ предметовъ, изложенныхъ въ разсказѣ; для этого законоучитель дѣлитъ разсказъ на главныя части его и въ каждой части объясняетъ болѣе или менѣе подробно, смотря по возрасту учениковъ, сначала существенно важныя, потомъ сторонніе, побочные предметы, затѣмъ соединяетъ всѣ эти части въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ, стараясь при этомъ какъ можно отчетливѣе выяснить главное содержаніе исторіи.

III. Заучиваніе. Послѣ разсказа и объясненія историческаго событія необходимо, чтобы оно было усвоено прочно учениками и твердо хранилось въ ихъ памяти. Эта послѣдняя цѣль достигается разнообразными приемами, къ которымъ можно приложить общее названіе *заучиванія*. Къ этимъ приемамъ принадлежатъ: а) усвоеніе разсказа со словъ законоучителя; б) классное чтеніе священно-историческаго разсказа по учебной книгѣ; в) домашнее чтеніе слышаннаго

въ классѣ разсказа по учебной книгѣ; г) повтореніе и д) приведеніе въ связь.

а) Для того, чтобы укрѣпить въ памяти дѣтей только что выслушанный и объясненный разсказъ, законоучитель долженъ прибѣгать къ катихизаціи. Непосредственно послѣ окончанія разсказа законоучитель предлагаетъ цѣлый рядъ повторительныхъ вопросовъ, имѣющихъ своей задачей воспроизвести въ памяти учениковъ переданный разсказъ. На первый разъ вопросы къ разсказу, переданному дѣтямъ, дѣлаются подробныя, катихизируется каждая отдѣльная, полная мысль. Когда дѣти по такимъ вопросамъ въ состояніи отвѣчать, катихизація изъ подробной дѣлается постепенно обобщающей; предлагаются вопросы болѣе захватывающіе содержаніе разсказа, и отвѣты дѣтей сами собою усложняются. На этой ступени законоучитель опять стоитъ лишь столько, сколько нужно; предлагается вопросовъ для разсказа еще меньше; наконецъ, весь разсказъ сводится къ нѣсколькимъ частямъ. Эти части ясно поставляются на видъ дѣтямъ и они передаютъ разсказъ самостоятельно.

б) Усвоеніе разсказа исключительно со словъ законоучителя идетъ въ то время, когда дѣти еще учатся чтенію и не усвоили навыка понимать прочитанное. Съ пріобрѣтеніемъ такого навыка законоучитель можетъ прочитывать съ учениками разсказъ по учебнику. Такое чтеніе воспроизведетъ въ сознаніи учениковъ разсказъ въ болѣе сжатой и опредѣленной формѣ, затѣмъ подготовить ихъ къ домашнему повторенію уроковъ по книгѣ и, наконецъ, дать имъ точную норму, къ которой ученики могутъ во всякое время обратиться для повѣрки усвоенныхъ ими знаній. Чтеніе по учебнику производится слѣдующимъ образомъ. Законоучитель или прочитываетъ изъ учебника соотвѣтствующее мѣсто самъ или заставляетъ прочитать способнѣйшаго ученика. Во время чтенія законоучитель останавливаетъ вниманіе учениковъ на тѣхъ мѣстахъ учебника, которыя по своей сжатости могутъ быть непонятны для учениковъ, и путемъ надлежащихъ вопросовъ напоминаетъ дѣтямъ тѣ характеристическія мѣста разсказа, которыя могутъ уяснить для дѣтей не всегда понятный для дѣтей текстъ учебника.

в) Домашнее чтеніе учениками учебника должно служить средствомъ для лучшаго укрѣпленія въ памяти слышаннаго разсказа. Учебникъ обращаетъ вниманіе учениковъ

на главные пункты рассказа, устанавливает порядок и связь событий, напоминает забытое название города, рѣки и т. п., словомъ—служить для дѣтей *путеводителемъ* въ цѣломъ рядѣ историческихъ событий. Повторяя рассказъ по книгѣ, дѣти должны припомнить все.

г) Наконецъ, законоучитель прибѣгаетъ къ *повторенію*. Повтореніе должно имѣть мѣсто, во-первыхъ, предъ началомъ новаго урока. Приступая къ новому уроку, законоучитель прежде всего долженъ убѣдиться, твердо ли запомнили и хорошо ли поняли ученики преподанный урокъ, для чего предлагаетъ повторительные вопросы. Во-вторыхъ, повтореніе должно имѣть мѣсто предъ началомъ новыхъ отдѣловъ и въ концѣ учебнаго года. При этомъ очень полезно отступать отъ хронологическаго порядка и группировать священно-историческіе факты по ихъ содержанию. Такъ можетъ быть повторенъ рядъ рассказовъ, имѣющихъ отношеніе къ четвертой заповѣди. Можно исходнымъ пунктомъ повторенія сдѣлать географическую карту Палестины или какое-либо лицо на библейской картинѣ и т. п.

д) Чтобы достигнуть прочнаго знанія учениками священной исторіи, законоучитель долженъ священно-историческіе рассказы ставить въ надлежащую связь. Приступая къ новому рассказу, законоучитель даетъ дѣтямъ рядъ вопросовъ, относящихся къ предшествующей исторіи, и послѣдовательно переходитъ къ предмету своего урока. Далѣе священно-историческіе рассказы нужно приводить въ постоянную связь или съ соответствующими имъ молитвами или съ церковными праздниками или съ церковнымъ богослуженіемъ, или съ церковными обрядами, пѣснопѣніями и таинствами. Чѣмъ чаще отдѣльныя священно-историческія повѣствованія ставятся въ связь со всей христіанской вѣрой, тѣмъ и знанія учениковъ будутъ полнѣе, тѣмъ и запомнаніе преподаннаго будетъ совершеннѣе.

IV. *Нравственное приложеніе*. Преподаваніе священной исторіи тогда достигнетъ своихъ цѣлей, если священно-историческіе факты будутъ постоянно представляться дѣтямъ какъ образецъ и правило для внутренней и внѣшней жизни. Поэтому законоучитель на своихъ урокахъ долженъ озаботиться о примѣненіи къ жизни изучаемыхъ дѣтьми священно-историческихъ повѣствованій.

Особенное вниманіе нужно обращать на примѣненіе исторіи къ внутренней, нравственной жизни воспитанниковъ. Нѣтъ надобности извлекать изъ каждой исторіи нравственное ученіе въ формѣ какого либо опредѣленнаго наставленія. Но безусловно необходимо, чтобы каждая исторія оказывала соответствующее ей вліяніе на сердце дѣтей. Довольно иногда сказать одно слово, чтобы произвести глубокое и сильное впечатлѣніе на сердце дѣтей. Полезно также заканчивать примѣнительный разговоръ какимъ-либо текстомъ св. писанія, пѣніемъ церковной пѣсни, имѣющей отношеніе къ объясненной исторіи, соответствующимъ мѣстомъ изъ катихизиса, указаніемъ на искушеніе и опыты изъ собственной жизни дѣтей и т. п. Черезъ это полученныя впечатлѣнія собираются вмѣстѣ, и потому сильнѣе согрѣваютъ сердце дѣтей, глубже проникаютъ въ него и оставляютъ болѣе твердые, неизгладимые слѣды.

Наглядныя пособія при преподаваніи свящ. исторіи: 1) священно-географическія карты и 2) священно-историческія картины. Основные моменты урока по картинамъ. Необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ при поясненіи свящ. исторіи служитъ *библейская географія*. Примѣненіе библейской географіи къ преподаванію исторіи зависитъ отъ возраста и степени развитія дѣтей. Чѣмъ ниже это развитіе, тѣмъ менѣе, по самому существу дѣла, можетъ быть рѣчи о чисто географическомъ употребленіи карты. Преимущественное вниманіе учащихся должно сосредоточить на географіи и характеристическихъ особенностяхъ самой земли обѣтованной, Палестины,—самой великой и святой земли по ея великому и всемірному историческому значенію. При этомъ нужно имѣть въ виду, что при классномъ преподаваніи гораздо удобнѣе пользоваться общею географическою картою, которая вывѣшивается на виду всего класса; въ домашнихъ же занятіяхъ удобнѣе употребить географическіе атласы.

Затѣмъ при преподаваніи свящ. исторіи весьма важнымъ пособіемъ служатъ *священно-историческія картины*. Уже христіанская древность смотрѣла на картины, какъ на выдающееся пособіе для религіознаго образованія. Такъ, св. Григорій Великій пишетъ: „Что даетъ священное писаніе умѣющимъ читать, то для незнакомыхъ съ искусствомъ чтенія дается взглядомъ на картину; на ней и необразованные

видять, какими путями имъ должно идти. По картинѣ именно читаютъ тѣ, которые не могутъ читать Писанія“.

Польза картинъ очевидна: 1) Картина облегчаетъ цѣлостное усвоеніе всего разсказа. Слова могутъ представить исторію только по частямъ, между тѣмъ какъ на картинѣ она является предъ умственнымъ взоромъ ребенка сразу и во всякое время находится въ его распоряженіи. 2) Картина часто бываетъ наилучшимъ пособіемъ для объясненія. Она всего скорѣе, легче и лучше знакомитъ дѣтей съ чуждыми или для ихъ понятія отдаленными предметами, напр., ковчегомъ, палаткой, цистерною, пальмою, храмомъ, скиніей, ковчегомъ завѣта, трапезою для хлѣбовъ предложенія, сандалями, цитрою, кимваломъ и т. п. 3) Картины оживляютъ преподаваніе свящ. исторіи. Онѣ изображаютъ предъ умственнымъ взоромъ ребенка: а) лица, б) моментъ дѣйствія въ самой сжатой формѣ, в) сцену и нѣкоторыя обстоятельства событій, г) чувствованія и настроенія лицъ, выражающіяся въ чертахъ лица и въ осанкѣ. Картина производитъ то, что дѣти какъ бы присутствуютъ при самомъ событіи, видятъ лица, чувствуютъ вмѣстѣ съ ними, страдают и ведутъ борьбу. 4) При помощи картинъ, по свидѣтельству опыта, священно-историческіе разсказы гораздо легче запечатлѣваются и по большей части прочно хранятся въ памяти. 5) Библейскія картины производятъ продолжительное вліяніе на чувство и волю, и пробуждаютъ благочестивыя настроенія. 6) Картины облегчаютъ повтореніе разсказовъ изъ священной исторіи, особенно для дѣтей, не умѣющихъ читать бѣгло. Картина быстро и точно воспроизводитъ въ сознаніи разсказанныя черты повѣствованія. 7) Въ болѣе зрѣлыхъ дѣтяхъ библейскія картины развиваютъ чувство красоты.

Укажемъ для примѣра картины *Шнорра*: „Библия въ лицахъ“, изд. Генкеля. См. отзывъ о нихъ въ „Руков. къ преподав. общобраз. предметовъ“; *Веселя*, т. II. Удобнѣе всего пользоваться картинами, одобренными Святейшимъ Синодомъ, напр., изданными *Раккочіемъ и К^о*, изданными *Н. Фену и К^о* и *А. Ильинимъ*, подъ названіемъ: „Картины для начальнаго курса Закона Божія“. Въ настоящее время имѣются въ продажѣ картины знаменитыхъ русскихъ художниковъ: гг. *Васнецова*, *Свѣдомскаго*, *Котарбинскаго* и др.

Какъ же вести преподаваніе свящ. исторіи по священно-историческимъ картинамъ?

Способы пользованія картинами различны: одни пользуются картинами какъ поводомъ къ разсказу событій; другіе сначала ведутъ разсказъ, а потомъ уже показываютъ картину, какъ средство для болѣе прочнаго закрѣпленія событій въ памяти учениковъ. Лучшимъ способомъ нужно признать тотъ, по которому разсказъ событій ведется по самой картинѣ.

Способъ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ моментовъ: 1) разсматриваніе картины, для чего она вывѣшивается на видномъ мѣстѣ, напр., на классной доскѣ, гдѣ и остается во все продолженіе урока; 2) передача содержанія картины учениками при помощи законоучителя. Въ этомъ случаѣ законоучитель указываетъ на разные предметы, изображенные на картинѣ, и своими вопросами заставляетъ учениковъ называть эти предметы, высказывать свои соображенія о положеніи предметовъ и т. п. Чтобы картина послѣ разсмотрѣнія ея могла наводить учениковъ на связную передачу событій, учитель при описаніи картины предлагаетъ ученикамъ вопросы, насколько возможно, въ порядкѣ послѣдовательности событій; кромѣ того учитель называетъ имена лицъ изображенныхъ на картинѣ, мѣсто и время дѣйствія и вообще сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, пополняющія содержаніе картины; 3) послѣдовательный разсказъ изучаемаго событій учителемъ; 4) разъясненіе всѣхъ частныхъ чертъ и эпизодовъ разсказа; 5) для возстановленія легко утрачиваемой связи и послѣдовательности разсказа—чтеніе учителемъ или лучшимъ ученикомъ изучаемаго событій по учебной книгѣ или лучше по Библии; 6) повтореніе разсказа учениками сначала по картинѣ, а потомъ безъ ея помощи. При повтореніи учениками разсказа по картинѣ, учитель, въ случаѣ надобности, наводитъ ихъ на послѣдовательность разсказа указаніемъ на тѣ или другіе предметы на картинѣ. По окончаніи урока, картину слѣдуетъ повѣсить на классной стѣнѣ на видномъ мѣстѣ, гдѣ она и остается до конца учебнаго года.

Картины должны быть вывѣшиваемы на стѣнѣ постепенно, по мѣрѣ изученія дѣтьми соответствующихъ историческихъ событій, а не всѣ разомъ; въ противномъ случаѣ, ознакомившись съ содержаніемъ этихъ картинъ, дѣти потеряютъ къ нимъ интересъ и самое содержаніе ихъ безъ надлежащаго руководства будетъ понято ими превратно. Съ

этої точки зрѣнія нѣкоторыми педагогами признається не-
 правильнымъ въ педагогическомъ отношеніи снабженіе кар-
 тинами учебниковъ по Закону Божію.

Преподаваніе православнаго христіанскаго катихизиса.

**Цѣль преподаванія катихизиса и объемъ изу-
 ченія его.** Православный христіанскій катихизисъ есть симво-
 лическая книга православной церкви, а потому составленіе и
 изданіе сей книги всецѣло должно зависѣть отъ Св. Синода,
 какъ высшаго церковнаго управленія. Въ виду этого задача
 законоучителя состоитъ лишь въ разъясненіи дѣтямъ издавае-
 маго Св. Синодомъ катихизиса и въ облегченіи его усвоенія.
 Въ настоящее время при обученіи употребляется или „*Про-
 страннѣй христіанскій катихизисъ*“ или „*Начатки хри-
 стіанскаго ученія*“, издаваемые по благословенію Св. Синода.
 Христіанскій катихизисъ состоитъ изъ трехъ частей: ученія
 о *вѣрѣ*, о *надеждѣ*, и о *любви*. Основаніемъ христіанскаго
 вѣроученія и правоученія служитъ *символъ вѣры и десять
 заповѣдей Господнихъ*, такъ какъ въ нихъ содержится все,
 что потребно всякому христіанину для благоугожденія Богу
 и спасенія души: въ символѣ вѣры содержатся всѣ догматы
 православной вѣры, ведущіе къ познанію истиннаго Бога и
 правой вѣры въ Него, въ десяти заповѣдяхъ заключаются
 всѣ заповѣди Божіи, которыми опредѣляется христіанская
 жизнь по вѣрѣ и добрымъ дѣламъ. Какъ средство для укрѣпле-
 нія и усиленія *христіанской надежды*, въ катихизисѣ пред-
 лагается *молитва и ученіе о блаженствахъ*. Образцомъ хри-
 стіанской молитвы естественно является *молитва Господня*.

Содержаніемъ катихизиса опредѣляется и *цѣль* его пре-
 подаванія въ начальной школѣ. Преподаваніе катихизиса
 должно возбуждать къ дѣятельности всѣ душевныя силы
 дѣтей: память, разумъ, волю и сердце. Дѣти должны усво-
 ить катихизическое ученіе своимъ разумомъ, запомнить его,
 прилѣпиться къ нему своимъ сердцемъ, принять его за пра-
 вило и руководство въ жизни. Для достиженія этой цѣли
 преподаватель Закона Божія доводитъ дѣтей до разумнаго
 пониманія катихизиса, заставляя дѣтей заучивать его наизу-
 стъ и направляетъ преподаваніе его такъ, чтобы оно ока-
 зывало вліяніе на сердце и волю дѣтей, иначе сказать, поль-
 зуется: I) *изъясненіемъ* катихизиса, II) *заучиваніемъ* его и

III) *нравственнымъ приложеніемъ* катихизическихъ истинъ
 къ жизни.

I. **Способъ изъясненія катихизиса.** Въ школахъ
 стараго времени, а въ нѣкоторыхъ школахъ и настоящаго
 времени, законоучитель сводилъ преподаваніе катихизиса
 къ тому, что заставлялъ учениковъ заучивать катихизисъ
 слово въ слово, безъ предварительнаго объясненія. Задан-
 ный въ классѣ урокъ дѣти перечитывали дома по строчкамъ
 и предложеніямъ до тѣхъ поръ, пока текстъ учебника не
 укладывался въ памяти. Легко видѣть, что описанный спо-
 собъ ученія покоится на простомъ *механическомъ* усвоеніи
 учениками заданнаго матеріала, почему и изученіе катихи-
 зиса было крайне труднымъ, скучнымъ и однообразнымъ
 занятіемъ, противорѣчащимъ требованіямъ дидактики. Ошиб-
 очнымъ будетъ и такое преподаваніе катихизиса, при кото-
 ромъ законоучитель задумаетъ давать *научныя* доказы-
 тельства истинамъ, воспринятымъ дѣтьми до-школьнаго обуче-
 нія, т. е., истинѣ бытія Божія, духовности, свободы и без-
 смертія души и т. д. Дѣти по своему умственному развитію
 не нуждаются еще въ научныхъ доказательствахъ, и нѣтъ
 никакой необходимости, чтобы воспринятія дѣтьми религи-
 озныя истины были для нихъ научно обоснованы.

Чтобы рѣшить вопросъ о надлежащемъ изъясненіи
 катихизиса, нужно имѣть въ виду не только существенное
 содержаніе, но и характеръ катихизическихъ истинъ. Ка-
 тихизисъ излагаетъ въ ясныхъ и опредѣленныхъ чертахъ
 ученіе о *вѣрѣ, надеждѣ и любви* христіанской. Здѣсь *обоб-
 щаются и группируются* свѣдѣнія, преподанныя дѣтямъ
 изъ священной исторіи, и представляются въ связи и вза-
 имномъ отношеніи. Историческій рассказъ имѣетъ цѣлью,
 по преимуществу, доброе впечатлѣніе на сердце дѣтей. Въ
 катихизисѣ идетъ разсужденіе о томъ, что они знаютъ изъ
 исторіи. Въ виду этого изученіе катихизиса должно быть
 поставлено слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ въ катихи-
 зисѣ представляются въ связи и взаимномъ отношеніи мно-
 гія изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ священной
 исторіи, то главнѣйшей основой изученія катихизическихъ
 истинъ и должны служить священно-историческія повѣство-
 ванія. Символъ вѣры представляетъ, за небольшими исклю-
 ченіями, краткое изложеніе историческихъ фактовъ; но эти
 факты суть въ то же время и истины вѣроученія, догматы

(вочеловѣченіе Сына Божія, Его страданія и распятіе за насъ, воскресеніе и проч.). Поэтому, въ педагогическомъ отношеніи весьма плодотворно какъ изученіе сѣмвола вѣры, такъ особенно объясненіе его поставить въ связь съ историческими событіями жизни, страданій, крестной смерти, воскресенія и вознесенія на небо Христа Спасителя, такъ чтобы объясненію каждаго члена сѣмвола вѣры, имѣющаго историческій характеръ, предшествовало изображеніе событія, въ немъ кратко упоминаемыхъ. При такой постановкѣ дѣла учителю легче будетъ объяснить сѣмволъ вѣры, а главное онъ основательнѣе и глубже будетъ усвоенъ учениками, такъ какъ событія уясненныя и пережитыя, какъ историческіе факты, лучше и опредѣленнѣе уясняются и глубже уложатся въ душѣ дитяти и какъ догматическія положенія или истины, но при этомъ они не останутся въ ней въ качествѣ теоретическихъ положеній только принятыхъ на вѣру, а превратятся въ живыя созерцанія вѣрующей души.

Связь священно-историческихъ событій съ членами сѣмвола вѣры и заповѣдями можетъ быть слѣдующая: 1) Сотвореніе міра и человѣка съ 1 членомъ сѣмвола вѣры и 4 заповѣдью; 2) Каинъ и Авель—съ 6 заповѣдью; 3) Всемирный потопъ—съ 1 и 2 заповѣдями; 4) Дѣти Ноя—съ 5 заповѣдью; 5) Пророки, жившіе въ царствѣ Израильскомъ и Иудейскомъ—съ 8 членомъ сѣмвола вѣры; 6) Благовѣщеніе Божіей Матери и Рождество Иисуса Христа—съ 3 членомъ сѣмвола вѣры; 7) Воскрешеніе сына вдовы Наинской и воскрешеніе дочери Таира—съ 11 членомъ сѣмвола вѣры; 8) Притча о милосердномъ самаритинѣ—съ 6 заповѣдью; 9) Притча о Богатомъ и Лазарѣ—съ 12 членомъ сѣмвола вѣры; 10) Страданіе и смерть, погребеніе Господа нашего Иисуса Христа—съ 4 членомъ сѣмвола вѣры; 11) Воскрешеніе Христово—съ 5 членомъ сѣмвола вѣры; 12) Вознесеніе Господне—съ 6 и 7 членами сѣмвола вѣры; 13) Сошествіе Святаго Духа—съ 8 членомъ сѣмвола вѣры и др.

Но если нѣкоторые изъ истинъ вѣроученія и нравоученія не заключаютъ въ себѣ историческихъ фактовъ, то въ такомъ случаѣ для ихъ объясненія можно обращаться къ церковной исторіи, твореніямъ св. отцовъ и учителей церкви, къ правиламъ и примѣрамъ св. угодниковъ Божіихъ. Въ видимой природѣ можно всегда находить вѣрные образцы и доказательства на многія истины вѣры; ученіе, наприм., о промыслѣ Божіемъ, о возрожденіи человѣка, о безсмертіи—всего понятнѣе можно выяснитъ, обращаясь къ природѣ и ея явленіямъ.

Если урокъ касается истинъ таинственныхъ, превышающихъ пониманіе не только дѣтей, но и вообще всѣхъ людей, то лучше не вдаваться въ отвлеченное, пространное объясненіе такихъ истинъ. Наставникъ можетъ сказать о нихъ дѣтямъ, что эти истины, какъ данныя самимъ Богомъ, непреложны, хотя и выше человѣческаго

разумнія; что человѣкъ, вслѣдствіе грѣхопаденія, многого не понимаетъ и въ видимомъ мірѣ, напримѣръ того, какъ солнце каждый день свѣтитъ и грѣетъ отъ сотворенія его Богомъ, въ продолженіи многихъ тысячъ лѣтъ, однако ни свѣтъ, ни теплота его не истощаются; что *взрѣть* въ непостижимое, открытое Богомъ, необходимо для спасенія, и что если мы будемъ твердо содержать вѣру христіанскую и жизнь согласно съ нею, то удостоимся въ жизни будущей видѣть Бога лицомъ къ лицу и познаемъ все таинственнее (1 Коринѣ. 12, 12).

II. *Способъ заучиванія катихизиса.* Каждый учебный предметъ, чтобы имѣть значеніе для жизни, долженъ быть не только понятъ, но усвоенъ и изученъ. Если это справедливо вообще относительно всѣхъ учебныхъ предметовъ, то тѣмъ болѣе должно стараться закрѣпить и утвердить въ сознаніи и памяти дѣтей ученіе вѣры и нравственности. Этого требуетъ какъ важность самихъ истинъ, такъ и потребность ихъ для каждаго христіанина. Но вопросъ въ томъ, все ли въ катихизисѣ должно быть заучено дѣтьми наизусть или только важнѣйшее и существенное, и при томъ буквально или только по смыслу. Здѣсь мнѣнія педагоговъ расходятся: они требуютъ строгаго и точнаго изученія текста всего учебника наизусть, другіе стоятъ за свободную передачу его.

Если каждый христіанинъ обязанъ содержать свою вѣру право и твердо, то, безъ сомнѣнія, онъ такъ же долженъ и знать ее. Но въ самомъ изложеніи вѣроученія можно и должно различать главное, существенное, и то, что служить только къ объясненію его. Содержаніе катихизиса слагается, главнымъ образомъ, изъ трехъ элементовъ: а) словъ св. писанія, 10 заповѣдей, изреченій св. писанія, приводимыхъ въ подтвержденіе той или другой истины; б) опредѣленій догматовъ вѣры, составленныхъ вселенскою церковью (наприм., сѣмволъ вѣры); в) выражений, служащихъ только къ уясненію христіанскаго вѣроученія и нравоученія. О необходимости буквальнаго заучиванія первыхъ двухъ отдѣловъ мы распространяться не будемъ. Даже трудно предположить, чтобы кто-либо сталъ возражать противъ заучиванія сѣмвола вѣры, заповѣдей и т. п.; всякому понятно, что для основательнаго знанія Закона Божія это вполне необходимо. Догматическія вѣроопредѣленія церкви и приводимые для основанія или подтвержденія ихъ тексты священнаго писанія должны быть вѣрно и твердо выучены дѣтьми наизусть,

дословно, въ подлинномъ текстѣ. За правоту и вѣрность своего ученія православная церковь выдержала въ течение цѣлыхъ вѣковъ продолжительную и тяжкую борьбу и твердо опредѣленіемъ оградила его отъ всякаго искаженія и ложнаго пониманія и толкованія. Это ученіе вѣры, опредѣленное и выраженное церковью, должно быть содержимо и исповѣдуемо и каждымъ православнымъ христіаниномъ, такъ какъ содержитъ и исповѣдуетъ его сама православная церковь. Поэтому, даже наставнику Закона Божія не можетъ быть предоставлена полная свобода въ изложеніи и передачѣ церковныхъ вѣроопредѣленій, тѣмъ болѣе никакъ нельзя допустить, чтобы дѣти передавали ихъ своими словами съ удержаніемъ только смысла. Твердо и вѣрно выученный текстъ вѣроопредѣленій, возникая каждый разъ въ сознаніи дѣтей, будетъ ограждать ихъ отъ всякихъ уклоненій въ сторону неточностей и недоразумѣній.

Требую буквального заучиванія нѣкоторыхъ частей катихизиса, нельзя говорить, что дѣти никогда не должны передавать выученное своими словами, если они въ состояніи сдѣлать это; напротивъ, учитель каждый разъ можетъ требовать отъ нихъ такой именно передачи, чтобы убѣдиться въ степени пониманія ими выученнаго, и заставляя, напри- мѣръ, тексты священнаго писанія, выученные по-славянски, переводить на русскій языкъ, какъ болѣе для нихъ понятный. Когда объясненное и понятое твердо заучено наизусть, объясненія будутъ припоминаться сами собою. Законоучитель постоянно долженъ удостовѣряться въ томъ, что и какъ поняли дѣти изъ объясненнаго. Заставляя дѣтей повторять слышанное при помощи наводящихъ вопросовъ, онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы пріучить дѣтей передавать слышанное, а также и заученное, въ связной формѣ и чтобы они отчетливо знали, какое ученіе содержится въ томъ или другомъ членѣ Символа вѣры, молитвѣ и заповѣди Господней.

Что касается выражений, служащихъ только къ объясненію христіанскаго вѣро- и правоученія, то буквальное, хотя и не механическое заучиваніе ихъ не можетъ быть признано обязательнымъ.

III. Нравственное приложение. Дѣло изученія катихизическихъ истинъ не должно ограничиваться только теоретическимъ усвоеніемъ ихъ; нужно стремиться къ тому, чтобы усвоеніе ихъ имѣло жизненный характеръ,—чтобы

каждая воспринимаемая учащимися истина могла войти въ живую органическую связь съ ихъ собственною жизнію, насколько она проявляется въ ихъ молитвахъ, поступкахъ, въ движеніи ихъ совѣсти и религіознаго чувства. Для этого учитель долженъ дѣлать нравственные выводы для жизни дѣтей не только изъ нравоученія христіанскаго, но и изъ истинъ догматическихъ, умозрительныхъ, такъ какъ истины догматическія составляютъ основу христіанскаго ученія и должны быть высшимъ руководящимъ началомъ въ религіозной жизни человѣка. Поэтому, объясняя, напр., духовность существа Божія, наставникъ долженъ сдѣлать выводъ, что и служеніе Богу со стороны человѣка, существа духовно-тѣлеснаго, должно быть не внѣшнимъ и вещественнымъ только, но и духовнымъ, въ чистотѣ сердца и добродѣтельной жизни. При ознакомленіи со свойствами Божиими (въ первомъ членѣ Символа вѣры) должно быть уяснено моральное значеніе знанія ихъ для жизни и поведенія человѣка. При объясненіи заповѣдей Господнихъ, наставникъ старается достигнуть: а) чтобы дѣти умѣли хорошо отличать главныя, существенныя обязанности отъ другихъ, которыя можно назвать вспомогательными или второстепенными; б) чтобы они знали не только то, что они должны дѣлать и чего не должны дѣлать, но и то, какъ они могутъ и должны дѣлать то или другое, или не дѣлать; в) наконецъ, важно, чтобы волѣ ихъ была сообщена наклонность исполнять христіанскія обязанности, когда представился бы къ тому случай.

Форма преподаванія катихизиса. Еще въ первыя времена христіанства въ такъ наз. школахъ огласительныхъ, христіанскими наставниками была принята форма преподаванія катихизическая, какъ наиболѣе легкая для лицъ мало подготовленныхъ. Съ тѣхъ поръ вошло въ обычай въ православной церкви излагать и преподавать катихизисъ въ формѣ вопросо-отвѣтной. Въ такой формѣ изложенъ и изданъ нынѣ, по благословенію Св. Синода, для употребленія во всѣхъ школахъ пространный христіанскій катихизисъ. Поэтому въ настоящее время во всѣхъ почти русскихъ школахъ катихизисъ преподается въ формѣ эротематической (вопросо-отвѣтной). Впрочемъ нѣкоторые преподаватели съ удобствомъ пользуются этимъ же катихизисомъ и для преподаванія его въ формѣ акроматической. Такъ напри- мѣръ, 12 членъ символа вѣры излагается въ катихизисѣ такъ: „В. Что

такое жизнь будущего вѣка? О. Жизнь, которая будетъ послѣ воскресенія мертвыхъ и всеобщаго суда Христова. В. Какая будетъ сія жизнь? О. Для вѣрующихъ, любящихъ Бога и дѣлающихъ добро столь блаженна, что мы теперь сего блаженства и вообразить не можемъ“ и т. д. Соединяя эти вопросы и отвѣты въ непрерывную рѣчь, нѣкоторые законоучители ведутъ преподаваніе въ такой формѣ: „Жизнь будущего вѣка есть та жизнь, которая будетъ послѣ воскресенія мертвыхъ и всеобщаго суда Христова. Для вѣрующихъ, любящихъ Бога и дѣлающихъ добро сія жизнь будетъ столь блаженна, что мы сего блаженства и вообразить не можемъ“ и т. д. Въ такомъ видѣ они ведутъ дѣло преподаванія и всего катихизиса вообще. Во всякомъ случаѣ при преподаваніи катихизиса всегда возможна смѣшанная форма, т. е., акроаматическая и эротематическая.

Общій планъ изученія катихизиса. Весь планъ изученія катихизиса можетъ слагаться изъ слѣдующихъ моментовъ: 1) предварительная краткая бесѣда, содержаніе которой должно составлять сущность изучаемаго отдѣла; 2) точное опредѣленіе основнаго положенія въ изучаемомъ отдѣлѣ; 3) раскрытіе частныхъ сторонъ или признаковъ изучаемаго предмета; 4) подробное объясненіе частныхъ сторонъ этого предмета; 5) подтвержденіе этого объясненія текстами Св. Писанія; 6) изученіе текстовъ по образцу молитвъ и, наконецъ, 7) катихизація.

Преподаваніе ученія о Богослуженіи православной церкви.

Два взгляда на преподаваніе Богослуженія: церковно-уставный и мистическій. Ихъ крайности. Богослуженіе православной церкви можетъ быть изучаемо съ разныхъ сторонъ, а именно: со стороны церковно-уставнаго порядка, со стороны таинственнаго смысла того или другого дѣйствія, обряда или предмета и со стороны смысла самыхъ молитвословій, пѣснопѣній и возгласовъ, входящихъ въ составъ богослуженій. Всестороннее изученіе Богослуженія въ начальной школѣ невозможно: на это не достало бы ни времени, ни силъ учащихся. Поэтому является вопросъ: на какую именно сторону Богослуженія должно быть обращено преимущественное вниманіе законоучителя.

Одни изъ составителей учебниковъ по этому предмету держатся церковно-уставнаго плана, т. е., заботятся только о томъ, чтобы дѣти запомнили, какія молитвословія и пѣснопѣнія входятъ въ составъ той или другой церковной службы и въ какомъ порядкѣ они слѣдуютъ другъ за другомъ.

Вотъ какъ ведется урокъ въ учебникѣ Свирѣлина по объясненію утрени. Въ началѣ утрени, по „Благословенъ Богъ нашъ“ и „прійдите поклонимся 3-жды“, церковь, по заповѣди апостола: „прежде всего творите молитвы за Царя“ (1 Тим. 2, 1—2), совершаетъ сіи молитвы чтеніемъ 19 псалма: „услышитъ тя Господь въ день печали“ и 20: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь“; въ нихъ выражаются благожеланія Царю и царству. Затѣмъ, послѣ „Трисвятаго“ и „Отче нашъ“, читаются краткія молитвословія, относящіяся къ благоденствію Царя и Отечества: „Спаси, Господи, Люди Твоя“, „Вознесыйся на крестъ волею“, „Предстательство страшное“. Наконецъ, самъ священникъ молится о томъ же въ краткой ектеніи: „Помилуй насъ Боже“... и, начертывая кадиломъ крестъ предъ св. престоломъ, возглашаетъ славословіе св. Троицѣ: „Слава святѣй“... Чтенъ на сей возгласъ отвѣтствуетъ и т. д. (См. „Изъясненіе Богослуженія“. Свирѣлина. 1878 г., стр. 23).

Другіе законоучители на урокахъ о Богослуженіи считаютъ нужнымъ объяснить дѣтямъ, главнымъ образомъ, только таинственный смыслъ той или другой части Богослуженія.

Уроки ихъ носятъ такой, напр., характеръ:

Началомъ всеночнаго бдѣнія напоминаетъ сотвореніе міра Отверженіемъ царскихъ вратъ изображается явленіе всемогущества, премудрости и благодати Божіей въ твореніи міра и человѣка. Хожденіе священника по храму съ кадиломъ и свѣчею, которую впереди несетъ диаконъ, напоминаетъ жизнь и хожденіе Адама въ раю. Дымъ кадильный напоминаетъ Духа Святаго, носящагося вверху воды. Закрытіе царскихъ вратъ при окончаніи пѣнія 103 псалма напоминаетъ намъ, что блаженство первыхъ людей было непродолжительно, что они были скоро изгнаны изъ рая и входъ туда для нихъ былъ закрытъ. Слѣдующая за псалмомъ великая ектенія: „Миромъ Господу помолимся“ указываетъ, что ветхозавѣтные праведники возносили молитвы свои къ Богу съ вѣрою въ грядущаго Примирителя (См. „Рук. къ изуч. Зак. Бож.“ прот. Иванова. 1866 г., стр. 73 и „Объясн. прав. Богослуж.“ священника В. Михайловскаго. 1866 г., стр. 18).

Чтобы надлежащимъ образомъ рѣшить вопросъ о характерѣ преподаванія ученія о Богослуженіи, нужно обратить вниманіе прежде всего на цѣль преподаванія этого предмета.

Ціль преподаванія ученія о Богослуженіи. Ціль преподаванія ученія о Богослуженіи состоитъ въ томъ, чтобы учащіеся, по усвоеніи сего предмета, чувствовали себя живыми членами церкви, сознавали и понимали, что совершается во время того или другого Богослуженія и въ общемъ знали порядокъ священнодѣйствій. Для этого нужно, чтобы они понимали языкъ церкви, значеніе церковныхъ священнодѣйствій, вошли, сколько возможно для нихъ въ качествѣ мірянъ и по степени полученнаго образования, въ духъ ихъ и чувствовали потребность болѣе и болѣе усвоить своимъ сердцемъ назиданіе отъ храма Божія и всего, что въ немъ совершается, однимъ словомъ—пріобрѣли навыкъ жить подъ кровомъ и постояннымъ влияніемъ церкви.

Съ точки зрѣнія указанной цѣли ни церковно-уставный характеръ преподаванія, ни мистическій не могутъ быть приняты въ ихъ полномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мірянинъ ходитъ въ храмъ не за тѣмъ, чтобы вести порядокъ церковныхъ службъ или слѣдить за этимъ порядкомъ, но за тѣмъ, чтобы молиться, для чего ему нужно прежде всего понимать смыслъ и значеніе того, что поется, читается и вообще совершается въ храмѣ во время того или другого Богослуженія. Такимъ образомъ, порядокъ церковныхъ службъ имѣетъ для мірянина не первостепенное значеніе. Усвоеніе учениками порядка церковныхъ службъ въ школѣ, на урокахъ Закона Божія, даже и не возможно. Ознакомиться съ этимъ можно только практически,—черезъ частое посѣщеніе церковныхъ службъ и особенно чрезъ участіе въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ. Поэтому законоучитель напрасно сталъ бы тратить учебное время, если бы захотѣлъ добиться знанія учениками порядка церковныхъ службъ.

То же нужно сказать и о мистическомъ характерѣ преподаванія ученія о Богослуженіи. Разумѣніе богослужбныхъ пѣснопѣній и молитвословій для мірянина важнѣе, чѣмъ разумѣніе таинственнаго смысла священнодѣйствій, обрядовъ и церковныхъ предметовъ; поэтому объясненіе первыхъ должно предпочесть объясненію послѣднихъ. Излишній символизмъ не объясняетъ Богослуженія, а напротивъ затемняетъ внутренній смыслъ его. Богослуженіе православной церкви напоминаетъ намъ въ своихъ обрядахъ и дѣйствіяхъ важнѣйшіе моменты изъ жизни Господа нашего

Исуса Христа, но оно никогда не было мистерією изъ Его жизни; оно выражаетъ вѣрованія и чувствованія христіанина при воспоминаніи извѣстныхъ событій, а не самыя событія.

Такимъ образомъ, только при благоразумномъ соединеніи церковно-уставнаго пріема преподаванія ученія о Богослуженіи съ мистическимъ и можетъ учитель достигнуть поставленной цѣли преподаванія.

Объемъ и порядокъ преподаванія ученія о Богослуженіи. Въ систематическій курсъ ученія о Богослуженіи должны войти слѣдующіе отдѣлы: 1) *Ученіе о храмѣ и его принадлежностяхъ.* Содержаніемъ этого отдѣла будутъ служить краткія свѣдѣнія о внѣшнемъ устройствѣ храмовъ, о внутреннемъ расположеніи и украшеніи ихъ, о священныхъ сосудахъ и вещахъ, употребляемыхъ при Богослуженіи, о богослужбныхъ книгахъ. 2) *Ученіе о лицахъ,* которымъ ввѣрено благодатное право совершать Богослуженіе. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о трехъ священнослужительскихъ степеняхъ, о священныхъ облаченіяхъ, усвоенныхъ каждой изъ нихъ, и о внѣшнихъ отличіяхъ ихъ. 3) *Ученіе о Богослуженіи.* Содержаніемъ этого отдѣла должно служить: указаніе дѣйствій, употребляемыхъ при каждой церковной службѣ; объясненіе происхожденія, значенія, состава и содержания церковныхъ службъ, постоянно совершаемыхъ въ храмѣ, а также краткое объясненіе происхожденія, значенія и содержания службъ особенныхъ, совершаемыхъ церковью по извѣстнымъ случаямъ или потребностямъ христіанъ; обряды при совершеніи таинствъ, при освященіи церкви, погребеніи и проч.

Вообще, уроки, излагаемые въ систематическомъ порядкѣ, должны представить ясный, простой и краткій отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: гдѣ совершается Богослуженіе, кто можетъ совершать его и какія священныя дѣйствія составляютъ его?

Но на ряду съ этимъ преподаватель Закона Божія ведетъ съ дѣтьми уроки въ порядкѣ событій церковной жизни. Къ такимъ урокамъ относятся: разъясненіе евангельскихъ и апостольскихъ чтеній; указаніе сущности и значенія того или другого церковнаго праздника, которое (указаніе) можетъ быть сдѣлано въ томъ порядкѣ, какъ эти праздники слѣдуютъ одинъ за другимъ въ году; озна-

комление съ отличіемъ праздничнаго Богослуженія отъ повседневнаго; объясненіе Богослуженія и преимущественно литургии; объясненіе Богослуженія, совершаемаго въ св. четвердесятницу.

Способы объясненія дѣтямъ ученія о богослуженіи. Богослуженіе имѣетъ близкую связь съ священной исторіей: церковныя службы и главнѣйшія дѣйствія въ нихъ въ большей части прямо посвящены воспоминаніямъ тѣхъ или другихъ важнѣйшихъ моментовъ исторіи, или же какихъ-либо отдѣльныхъ историческихъ событій. При такой связи Богослуженія съ священной исторіей, послѣдняя, очевидно, и можетъ быть положена въ основу при изъясненіи перваго.

На основаніи священной исторіи можно дать объясненіе: 1) проскомиди, 2) малаго входа, 3) великаго входа, 4) причащенія священнослужителей въ алтарь, 5) 1-го явленія Св. Даровъ народу и 6) послѣдняго ихъ явленія. На томъ же основаніи относительно вечера можно указать на пс. 103-й „Свѣте тихій“, молитву Симеона Богопримца, пѣснь „Богородице Дѣво, радуйся“—въ доказательство того, что вечерня изображаетъ время Ветхаго Завѣта, начавшееся сотвореніемъ міра и окончившееся благовѣстіемъ Архангела Пр. Дѣвѣ о рожденіи Спасителя; умѣстно будетъ при объясненіи обряда благословенія хлѣбовъ напомнить о насыщеніи 5000 человекъ пятью хлѣбами, при объясненіи начала шестопсалмія и великаго славословія сказать о пѣснопѣніи ангеловъ при Рождествѣ Спасителя и т. д.

При этомъ законоучитель долженъ помнить, что самый лучшій и надежнѣйшій способъ объясненія дѣтямъ Богослуженія православной церкви—это практическое ихъ ознакомленіе съ Богослуженіемъ.

Путь и порядокъ этого ознакомленія проще и доступнѣе всего можетъ быть слѣдующій. Собравши дѣтей и разъяснивши имъ значеніе молитвы церковной и отличіе ея отъ домашней, наставникъ идетъ съ ними въ церковь и тамъ наглядно знакомитъ ихъ съ частями храма: папертью, притворомъ, храмомъ, алтаремъ и пр. и съ священными предметами—съ иконами, облаченіями, сосудами. При этомъ онъ просто и понятно рассказываетъ дѣтямъ о значеніи и употребленіи священныхъ предметовъ въ храмѣ. Каждый священный предметъ наставникъ сначала показываетъ дѣтямъ, называетъ его и затѣмъ непосредственно объясняетъ его употребленіе и значеніе. Но чтобы не дать возможности приобрѣтеннымъ такимъ образомъ познаніямъ, при всей ихъ

занимательности для дѣтей, заглохнуть въ дѣтяхъ, наставникъ съ пользою можетъ употребить нѣсколько классныхъ часовъ на то, чтобы переспросить дѣтей о томъ, о чемъ было говорено имъ въ храмѣ и убѣдиться, что все сказанное ими понято правильно, а если нѣтъ—поправить погрѣшности.

Само собою понятно, что главнымъ предметомъ вниманія является само Богослуженіе православной церкви. Ученики должны предварительно ознакомиться съ нимъ въ самой церкви, а потомъ уже слѣдуетъ давать имъ надлежащія объясненія. Безъ сомнѣнія каждый изъ учениковъ школы уже неоднократно бывалъ въ церкви; поэтому объясненія учителя отправляются сначала отъ того, что дѣтямъ извѣстно о Богослуженіи, а затѣмъ, въ послѣдствіи, въ каждомъ данномъ случаѣ учитель говоритъ дѣтямъ, на что они особенно должны обратить вниманіе въ церковномъ Богослуженіи и на слѣдующій урокъ объяснить значеніе слышаннаго и видѣннаго ими въ церкви. Дѣти въ такомъ случаѣ будутъ гораздо внимательнѣе вслушиваться и вглядываться во все то, что происходитъ во время Богослуженія, вслѣдствіе чего они доступное ихъ пониманію усвоятъ, а учитель затѣмъ объяснитъ имъ то, чего они не поняли или что поняли невѣрно. Такъ, напримѣръ, дѣтямъ извѣстны важнѣйшія событія земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, воспоминаемыя во время важнѣйшихъ моментовъ литургии: этимъ облегчается усвоеніе дѣтямъ символическаго смысла священныхъ дѣйствій главнѣйшаго изъ общественныхъ церковныхъ богослуженій. При объясненіи литургии наставникъ непремѣнно долженъ внушать дѣтямъ тѣ вѣрованія и чувствованія, какія должны наполнять ихъ душу при томъ или другомъ священномъ дѣйствіи литургии, а также указывать, когда во время ея совершенія слѣдуетъ дѣлать наклоненіе головы, поклоны, колѣнопреклоненія и т. п.

Ознакомленіе дѣтей съ Богослуженіемъ православной церкви должно быть дополняемо объясненіемъ воскресныхъ и праздничныхъ евангельскихъ чтеній, составляющихъ важную часть православнаго Богослуженія. Съ этою цѣлію наставникъ долженъ, познакомивши предварительно дѣтей съ чтеніемъ Евангелія и его общимъ содержаніемъ, предъ каждымъ воскреснымъ и праздничнымъ днемъ прочитать дѣтямъ то зачало Евангелія, какое назначено для чтенія при

Божественної літургії, указати предмети, о которых упоминается въ немъ, объяснить содержаніе и извлечь нравственные уроки, примѣнительно къ пониманію и условіямъ жизни дѣтей. Такимъ образомъ, въ теченіе школьнаго курса (продолжающагося, обыкновенно, три года) всѣ воскресныя и праздничныя евангелія могутъ быть изучены по крайней мѣрѣ два раза. Необходимо также объяснить дѣтямъ евангельское ученіе о блаженствахъ, въ виду постоянного чтенія его за літургією, во время малаго входа. Но и независимо отъ этого, учитель приохочиваетъ учениковъ вообще къ чтенію Библии и особенно Евангелія, прочитывая по временамъ съ учениками цѣлыя отдѣлы евангельской исторіи.

Такъ какъ изученіе дѣтьми Богослуженія православной церкви должно носить практической характеръ и дѣти могутъ въ дѣйствительности видѣть и храмъ съ его внутреннимъ расположеніемъ и священные сосуды и одежды, то первый моментъ въ урокъ о Богослуженіи долженъ составлять не разсмотрѣніе какой-либо картины, а предметная бесѣда учителя съ учениками по поводу видѣннаго послѣдними въ церкви во время самага богослуженія. Слѣдующими моментами преподаванія являются тѣ, которые составляютъ основныя приемы преподаванія и священной исторіи, а именно: послѣдовательный *разказъ* учителя объ объясненіи емомъ въ Богослуженіи; *объясненіе* частныхъ священнодѣйствій; *чтеніе по книгѣ* для возстановленія утраченной связи разказа; послѣдовательное *повтореніе* разказаннаго учителемъ учениками и *катихизація*.

Въ виду того, что богослужебныя пѣснопѣнія и молитвословія по своему существу суть тѣ же начальныя молитвы, то и приемы объясненія ихъ должны быть такіе же, какіе употребляются при объясненіи начальныхъ молитвъ.

Употребленіе *пособій* при изученіи Богослуженія въ видѣ моделей, какъ напр., чаши, креста, евангелія, дискаса и т. п., употребленіе чурбана вмѣсто дитяти при объясненіи таинства крещенія, пользованіе просфорами для объясненія совершенія проскомидіи—лучшими законоучителями оставлено, такъ какъ оно вело къ нежелательнымъ результатамъ на опытѣ (кощунству и т. п.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе къ 3-му изданію	3
Предварительныя свѣдѣнія.	
Понятіе о методикѣ Закона Божія	5
Связь методики Закона Божія съ сродными ей науками	—
Взгляды новѣйшихъ ученыхъ педагоговъ на сущность и главную цѣль воспитанія	6
Цѣль истиннаго образованія человѣка по ученію слова Божія	9
Значеніе религіи въ дѣлѣ воспитанія	10
Міровоззрѣніе и его значеніе въ жизни человѣка . .	11
Идеалы	12
Свобода совѣсти	13
Свобода воли	14
Религіозныя чувствованія	19
Главнѣйшіе недостатки въ развитіи религіознаго чув- ства и ума	21
Характеръ	26

Краткій историческій очеркъ христіанскаго воспитанія и обученія.

Воспитаніе у язычниковъ	28
Воспитаніе у древнихъ евреевъ	—
Значеніе христіанства въ дѣлѣ воспитанія	29
Важнѣйшіе періоды въ исторіи христіанской педагогикѣ.	—

Иисусъ Христосъ, какъ Основатель христіанскихъ началъ воспитанія	30
Иисусъ Христосъ, какъ Учитель и Воспитатель человечества	—
Иисусъ Христосъ, какъ идеаль воспитателя дѣтей	31
Свойства учительской дѣятельности Иисуса Христа.	—
Основные начала педагогики, преподаанныя Иисусомъ Христомъ.	33
Основные начала воспитанія по изъясненію святыхъ апостоловъ	34
Апостольскія наставленія и заповѣди о воспитаніи.	—
Нравственныя основы семьи.	35
Идеаль и практика воспитанія у апостоловъ.	37
Первая христіанская община	38
Семья въ первенствующемъ христіанствѣ.	39
Мать и ея вліяніе въ первенствующей церкви.	40
Огласительныя училища (Катехуменаты)	41
Протогенъ, какъ первый школьный христіанскій учитель	42
Александрійская школа и ея главнѣйшіе представители	—
Пантень	43
Климентъ Александрійскій и его педагогическія возрѣнія	44
Оригенъ	46
Дидимъ	47
Антиохійская школа и ея представители	—
Св. Василій Великій.	48
Св. Іоаннъ Златоустъ и его педагогическія наставленія.	51
Сѣверо-Африканская (Карфагенская) школа и главнѣйшіе ея представители	55
Тертуліанъ Карфагенскій и его педагогическія наставленія	—
Бл. Іеронимъ и его теорія женскаго воспитанія	57
Св. Амвросій Медиоланскій	61
Бл. Августинъ и его взгляды на воспитаніе	63
Средневѣковое религиозно-нравственное воспитаніе	65
Вліяніе рыцарства на средневѣковое воспитаніе	66
Эпоха возрожденія наукъ и искусствъ	—
Эпоха реформаціи	68

Значеніе Лютера въ дѣлѣ улучшенія школьнаго образованія	68
Взгляды главнѣйшихъ ученыхъ педагоговъ на религиозно-нравственное воспитаніе и обученіе дѣтей	71
Амосъ Каменскій	—
Жанъ-Жакъ Руссо.	72
Базедовъ	74
Песталоцци	—
Фребель	76
Дистервегъ.	—
Религиозно-нравственное воспитаніе и обученіе въ Россіи до Петра I-го	77
Два періода въ исторіи древне-русскаго просвѣщенія	—
Состояніе религиозно-нравственнаго воспитанія и обученія послѣ Петра I-го	81
Главнѣйшія эпохи въ этомъ періодѣ.	—
Эпоха Петра Великаго.	—
Св. Димитрій Ростовскій.	82
Эпоха Елизаветы	83
Эпоха Екатерины II.	84
Эпоха Александра Благословеннаго	86
Эпоха Николая I.	—
Эпоха Александра II.	87
Послѣднее тридцатилѣтіе.	89

Общая методика Закона Божія.

Возрастъ, съ котораго должно начинать религиозно-нравственное воспитаніе и обученіе; сужденія Ж.-Ж. Руссо и Бенеке	91
A. Средства религиозно-нравственнаго воспитанія внѣ школы	92
1. Семья	—
2. Мать	94
3. Нравственное вліяніе другихъ членовъ семьи на воспитаніе дитяти.	97
4. Кружокъ товарищей.	98
5. Общество; общественное мнѣніе	100
6. Церковь	101

7. Православный храмъ и Богослужение.	102
8. Исполнение дѣтми христіанскаго долга Исповѣди и Св. Причастія.	104
9. Соблюдение устава, заповѣдей и благочестивыхъ обычаевъ церкви православной; значение церковной дисциплины	105
10. Чтение Слова Божія и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія	106
11. Миръ и природа.	107
Б. Средства религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія дѣтей въ школѣ	110
1. Личность преподавателя Закона Божія.	—
2. Жизнь и примѣръ начальствующихъ и воспитывающихъ	—
3. Учебники и руководства по Закону Божію.	111
4. Другіе учебные предметы.	114
5. Школьная дисциплина и воспитаніе характера въ школѣ	115
Составъ Закона Божія, какъ учебнаго предмета	117
Значеніе рациональныхъ методовъ для начальнаго обученія дѣтей Закону Божію	118
Акроаматическая и эротематическая формы начальнаго обученія и примѣнимость ихъ къ Закону Божію.	120
Системы расположенія отдѣльныхъ предметовъ Закона Божія	122
Эпизодическій курсъ изученія Закона Божія.	—
Система поступательная.	—
Совмѣстная или смѣшанная система.	124
Концентрическая система. Преимущества ея предъ другими системами и неудобства ея примѣненія	126
Необходимость особыхъ предварительныхъ или вступительныхъ бесѣдъ по Закону Божію	129

Частная методика Закона Божія.

Изученіе общеупотребительныхъ молитвъ	130
Выборъ молитвъ для изученія.	131
Порядокъ изученія молитвъ.	—
Способы изъясненія и заучиванія молитвъ	133
Преподаваніе священной исторіи	138

Выборъ содержанія священной исторіи и цѣль ея преподаванія	138
I. Форма передачи дѣтямъ библейскихъ повѣствованій; рассказъ	140
Характеръ рассказа или языкъ повѣствователя	143
II. Объясненіе.	144
III. Заучиваніе	—
IV. Нравственное приложеніе	146
Наглядныя пособия при преподаваніи священной исторіи: 1) священно-географическія карты и 2) священно-историческія картины. Основные моменты урока по картинамъ	147
Преподаваніе православнаго христіанскаго катихизиса 150	
Цѣль преподаванія катихизиса и объемъ изученія его	—
I. Способъ изъясненія катихизиса.	151
II. Способъ заучиванія катихизиса	153
III. Нравственное приложеніе	154
Форма преподаванія катихизиса.	155
Общій планъ изученія катихизиса.	156
Преподаваніе ученія о Богослуженіи православной церкви	—
Два взгляда на преподаваніе Богослуженія: церковно-уставный и мистическій. Ихъ крайности.	—
Цѣль преподаванія ученія о Богослуженіи.	158
Объемъ и порядокъ преподаванія ученія о Богослуженіи.	159
Способы объясненія дѣтямъ ученія о Богослуженіи.	160